

Василий
Емельяненко

ВАСИЛИЙ
ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Ил-2 АТАКУЕТ

ОГНЕННОЕ НЕБО 42-го

ИЛ-2 АТАКУЕТ

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ!

ВАСИЛИЙ ЕМЕЛЬЯНЕНКО

**Ил-2
АТАКУЕТ**

ОГНЕННОЕ НЕБО 42-го

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2007

ББК 63.3(0)62

Е 60

Оформление серии художника *П. Волкова*

На переплете использована иллюстрация
художника *В. Петелина*

Емельяненко В.Б.

Е 60 Ил-2 атакует. Огненное небо 42-го. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 384 с. — (Война и мы. Сталинские соколы).

ISBN 5-699-19500-9

Автор этой книги, Герой Советского Союза Василий Емельяненко, совершил 92 боевых вылета на штурмовку врага в 1942—1943 годах, в один из самых тяжелых для страны периодов, когда немцы рвались к Волге и кавказской нефти и никто уже не считался с потерями. Среди летчиков, тем более летчиков-штурмовиков, остановивших тогда врага, в живых остались единицы.

«Мы же каждый день ждали гибели... Успокаиваешься только тогда, когда вечером спать ложишься. После 300 грамм водки расслабишься, поешь и — спать. Спишь: «Я — живой! Я буду до утра жить ГАРАНТИРОВАННО!» А утром, чуть свет, когда боевой расчет — подъем, чашку чаю глотнул, в землянку, и там уже ставят задачу. Начинается мандраж. Ну как предстартовое волнение у спортсменов. Предстартовое волнение — это страшно... но нас со спортсменами не сравнить: там же убийства не будет наверняка, может, только на четвереньках ползать будет побитый. А я думаю: вчера пронесло, а сегодня? И пытаюсь отогнать эту мысль! Я научился ее отгонять, и потому все нормально было. Я остался жив...»

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-699-19500-9

© Емельяненко В.Б., 2006

© ООО «Издательство «Яуза», 2006

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

В начале июня сорок первого года на меня, осо-
авиахимовского летчика, свалилось счастье: началь-
ник аэроклуба Алексей Григорьевич Барский пригласил
меня в свой кабинет, усадил, хлопнул по коленке
ладонью:

— Вот тебе путевка, поезжай!

Я недоуменно уставился на него. Как же это полу-
чается: самый разгар летной работы, а он спрашивает
меня в санаторий? Ведь это явно шло вразрез с
авиационной прибауткой: «Осень, холод, дождик
льет — в отпуск штурман и пилот...».

— «Горящая», — пояснил он. — Такого случая упус-
кать не стоит, из другого учреждения передали.

Я взял в руки путевку, на ней было крупно выписа-
но тиснением загадочно-романтическое — «Бу-
юр-Нус». Это в Крыму, на Черном море, где мне и бы-
вать-то никогда не приходилось. А сезон — самый что
ни на есть купальный! Сборы недолги: чемодан в ру-
ки — и на вокзал.

Поезд бойко перестукивал и все дальше уносил
меня от зеленого города Николаева и аэродрома Во-
допой. Аэродром — это зеленое ровное поле, где
рядком стояли несколько больших деревянных, оби-
тых изнутри толем ящиков, в которых с завода прибы-
вали самолеты. Ящики служили нам аэродромным

жилем и складами технического имущества. В одном из них круглый год проживал вольнонаемный охранник дядя Яша со своей овчаркой. У него была редкая фамилия — Ящик, и мы по этому поводу много шутили. В общем, аэродром был — лишь громкое название. Зато над этим зеленым полем с рассвета и до темноты непрерывно жужжали и кружили, садились и взлетали учебные полотняные самолеты У-2.

В тот год, когда я по «горящей» путевке ехал на курорт, мы летали особенно много. Летчики-инструкторы вылезали из кабины только во время заправки самолета. Немножко постоит такой инструктор у хвоста, повернувшись к курсантам спиной, а потом отойдет подальше, чтобы сделать несколько затяжек. Бутерброды жевали в воздухе. Каждый хотел добиться самого большого налета по хронометражу, чтобы в «Стартовке» — ежедневной газете, выпускавшейся на аэродроме, — его фамилия красовалась на первом месте. Соревновались за качество подготовки и количество сданных государственной комиссии курсантов.

Наши аэроклубы уже окрепли, и работать было легко. Не то что в годы второй пятилетки, когда почти все средства шли на развитие промышленности. В те времена учлеты — так называли курсантов аэроклубов — обучались без отрыва от производства, а аэроклубы существовали только за счет взносов, поступавших от так называемых физических и юридических членов добровольного общества Осоавиахим¹. К первым относились отдельные лица, вступившие в

¹ Союз Обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР. (Здесь и далее — примечания редактора.)

это общество, а ко вторым — предприятия. Часто случалось, что на текущем счету аэроклуба не было ни копейки и зарплату выдавали частями раз в несколько месяцев. Так было в 1934—1937 годах и в Нальчикском аэроклубе, куда я прибыл после окончания Московской школы инструкторов-летчиков. Наш первый начальник Кутырев напоминал сельского почтальона: он целыми днями ходил по городу в пыльных, со стоптанными каблуками сапогах и полевой сумкой на боку — выколачивал у директоров предприятий «юридические» взносы... А пешком он ходил потому, что первоначально в аэроклубе была всего одна штатная транспортная единица — гнедая лошадь с босоногим кучером, возившим летчиков на полеты. Кутырев на аэродроме бывал редко, а когда появлялся, то вынимал из полевой сумки ведомость.

— Получайте аванс, — говорил он и выдавал летчикам по десятке, а техникам — по пятерке.

И все же никто из нас, инструкторов, не мыслил жизни без полетов. Испытав захватывающую радость летного труда, я не пожалел о том, что голодной зимой тридцать второго года оставил занятия в Московской консерватории. «Комсомолец¹ — на самолет!» — был такой тогда лозунг. А звание летчика почиталось не меньше, чем теперь космонавта.

В первый период существования аэроклубов учесть бывало несладко. То начальник цеха не переведет в ночную смену парня или девушку, чтобы с утра тем на полеты успеть, а то мастер на заводе задержит — нужно гнать план... Но план был не только на предприятиях: его устанавливали и аэроклубам. «Дать стране 150 тысяч летчиков!» — такой был призыв.

¹ Член Коммунистического союза молодежи.

И около 200 аэроклубов готовили летчиков из числа комсомольцев — рабочей молодежи, колхозников и учащихся — подлинных энтузиастов летного дела.

К сороковому году учлетов от производства все же «оторвали». Жили они в общежитии, их обеспечивали питанием, обували и одевали. Жалованье летчикам-инструкторам начали выплачивать регулярно. Помнится, как-то я не отчислил по неуспеваемости ни одного учлета да еще ухитрился сдать государственной комиссии сверх плана тринадцатого летчика и стал победителем соревнования. Этим тринадцатым был наш аэроклубный конюх Пашка Сазанов. Учить его летать я начал тайно ото всех. Он часто допоздна засиживался у меня дома, а иногда оставался и ночевать, и тогда я занимался с ним теорией полета, помогал изучать мотор и самолет. А каждое утро я сажал его в кабину вместо моего механика Саенко, которому по правилам было положено находиться во второй кабине в первом, так называемом пробном полете инструктора. Когда Сазанов был почти готовым летчиком, я взял повышенное обязательство, которое было вывешено в аэроклубе на самом видном месте. Начальство вначале не хотело признавать конюха за летчика, ссылаясь на недостаточный образовательный ценз моего подопечного, но Сазанов все же выдержал экзамен по теории и успешно слетал с представителем государственной приемной комиссии. Потом он многие годы служил в авиации и участвовал в войне на Кавказе...

Чем дальше поезд уносил меня от аэродрома Водопой, тем меньше было раздумий об аэроклубе. А когда из окон автобуса, крутившего лихие развороты по жуткой горной дороге, я впервые увидел море, то забыл обо всем на свете. Находясь в санатории, я

дышал ароматом моря, напоминавшим мне тогда запах камышинского арбуза. С военным летчиком-бомбардировщиком, младшим лейтенантом Петей, соседом по столу (фамилии его не помню), мы пропадали вечерами на танцах.

На пятый день отпуска мы поднимались с пляжа по крутой дороге в свой Буюр-Нус и увидели бегущего нам навстречу массовика-затейника, который размахивал руками, как ветряная мельница крыльями.

— Товарищи! Война!

Мы засмеялись, полагая, что это очередная шутка, но Коля для большей убедительности побожился, и тогда мы поверили. После речи Молотова я подумал: «Вот теперь-то мне наконец удастся стать военным летчиком!»

Я окончил Саратовскую школу пилотов Осоавиахима в 1933 году, но в военное училище не попал. Хотя мой инструктор Панфилов в выпускной характеристике и сделал вывод: «В военную авиацию разведчиков», — но меня все же послали по разнарядке в Центральную летно-инструкторскую школу Осоавиахима в Москву. Окончив ее, я так и застрял в аэроклубах: Нальчикский, Черниговский, Николаевский... Сколько можно уютить воздух вокруг аэродрома на полотняном У-2? Мне хотелось полетать на настоящем, боевом самолете! Втихомолку от начальника я строчил, конечно, рапорты военкому Кандаурову, но тот все откладывал. Лишь в тридцать седьмом меня направили служить в Новочеркасск: там, оказывается, была школа младших авиационных специалистов — ШМАС, а при ней летное подразделение. Но летать там мне не довелось. Первым делом нас постригли наголо, и началась строевая подготовка и изучение уставов. Это

был курс молодого бойца, перед которым все были равны: и призывники, и летчики с солидным стажем инструкторской работы.

Оказалось, что первый год в ШМАСе нам предстояло заниматься теорией и только потом мы должны были приступить к обучению полетам на... У-2. Выходило, что меня будут снова учить тому, чему я сам учил других! Пришлось идти на почту с текстом телеграммы слов этак на сотню. Я подал бланк в окошечко. Молоденькая телеграфистка долго читала, то и дело поглядывая на меня: телеграмма-то была на имя самого Ворошилова!¹ Телеграмму она все же приняла, и вскоре пришло распоряжение — вернуть в аэроклуб.

Теперь, в Гурзуфе, меня застала война. Скорее в Николаев, а там добьюсь назначения в военную часть и быстренько переучусь на боевом самолете! Но оказалось, что не так-то просто было добраться даже до Симферополя. Весь транспорт в первый день войны был мобилизован военкоматами, а вывозить из Гурзуфа начали только военных, и то по старшинству. Сколько же придется ждать своей очереди младшему лейтенанту запаса?

Решив с Петей добираться на попутных машинах, после обеда мы распрощались с санаторием, взяли чемоданы в руки и поднялись к шоссе. Перегруженные полупотрошки и автобусы мчались как на пожар, и на наши поднятые руки никто не обращал внимания. Мы двинулись по дороге и к вечеру, отмахав километров двадцать с гаком, оказались в Алуште. За Алуштой какой-то шофер сжалился и позволил нам залезть в

¹ Маршал Советского Союза, известный военачальник времен Гражданской войны.

кузов заваленного мешками грузовика. Несколько раз нам пришлось помогать водителю латать лопавшиеся камеры, и до Симферополя мы добрались только поздно ночью.

Город был затемнен, а на вокзальной площади стоял гул. Народ сидел на чемоданах и узлах, хныкали дети, переругивались мужские голоса, сновали в потемках люди, осторожно перешагивая через спящих. У входа к военному коменданту была толпа, и пробиться к заветному окошечку за билетом казалось невозможным. «Пропустите генерала!» — раздастся чей-то голос в темноте, но люди расступаются неохотно, со всех сторон молча жмут. Всем срочно надо в свои части...

Мы с Петром решили ехать зайцами. Нам с ним даже было по пути — ему в Кировоград, мне — дальше. Долго бродили по шпалам у неосвещенных составов. Двери вагонов заперты, проводников нет. Нашли незапертую дверь вагона. Вроде бы пустой. Чиркнули спичкой, со всех полок и углов на нас зашикали — нарушили светомаскировку. Вагон — битком, но гвалта нет — только перешептываются.

Поехали... Курили в тамбуре, зажав папироски в кулак. Где-то в степи вспыхивали сигнальные ракеты. Пассажиры прильнули к окнам: «Это немецкие диверсанты сигналият своим самолетам»...

В Николаеве было многолюдно: выходной день. У кинотеатра из репродуктора в полную мощь лилась мелодия модной песни, публика, одетая по-праздничному, валила с дневного киносеанса. Потом где-то высоко захлопало, будто кто палкой выколачивал ковер. Все с любопытством задрали головы — вверх черные дымки, и намного выше этих дымков летел темный двухмоторный самолет, и за ним тянулся бе-

лый след. Самолет был немецкий, а какой — не знал и я, летчик Осоавиахима. Самолет скрылся из виду, только две белые черточки, медленно таявшие позади, продолжали двигаться на восток.

Особенно многолюдно было в этот день на Советской улице. Тротуары не вмещали людей, восторженно приветствовавших колонну кавалеристов. Копыта дробно цокали о мостовую, куда с тротуаров бросали цветы. Впереди на гнедом коне, чуть подбоченясь, сидел в седле знакомый мне человек со впалыми щеками, сухопарый и немолодой. Это был наш председатель областного совета Осоавиахима, майор Зможных, который воевал еще в гражданскую, — частый гость Водопойского аэродрома. Вслед за ним на конях два бородача высоко держали красный стяг. На нем была захватывающая дух надпись: «На Берлин!»...

Пробиться к николаевскому военкому было не легче, чем в Симферополе к военному коменданту за железнодорожным билетом. У военкома покрасневшие веки. Он глухо и устало говорит мне:

— Вы же забронированы¹... Занимайтесь-ка своим делом, на фронте обойдутся и без вас. Нужны будете — вызовем...

Но я думал иначе: мол, прибуду на фронт, начну колошматить фашистов пачками. Надо успеть за майором Зможных, который уже повел своих конников на Берлин! После недельной осады военком сдался.

С предписанием в кармане я не бежал, а «летел» в свой аэроклуб, не чувствуя под ногами земли. Взбе-

¹ Общепринятое выражение, обозначающее, что человек не подлежит отправлению на фронт из-за необходимости его работы в тылу.

жал по лестнице на верхний этаж, делая прыжки через три ступеньки, как молодой олень, распахнул дверь кабинета начальника аэроклуба Барского, который, согнувшись, шарил у себя в сейфе. В последнее время он стал рассеянным и вспыльчивым: несмотря на броню, аэроклуб понемножку «расползлся». В действующую армию успели раньше меня уехать начальник летной части Михаил Ворожбиев, инструкторы Богза, Залюбовский, Онищук. А теперь вот и я заявился с сюрпризом. Потоптавшись некоторое время, я положил на стол предписание.

— Что за фитюльку там подсунул? — спросил он.

— На фронт!

Барский обернулся ко мне, не разогнув спины, и застыл в такой странной позе, будто собирался бодаться. Он побагровел до самой макушки бритой головы и уставился на меня большими навывкате серыми глазами, а потом начал говорить тихо, а голос его дрожал, как до предела натянутая и готовая лопнуть струна:

— Уж не думает ли начальник учебно-летного отдела, что я смогу перевести на летную работу старшего бухгалтера Курского вместе с начхозом Гольдманом?.. — Барский подавился словами и все так же продолжал стоять у открытого сейфа, не стронувшись с места.

Мне в эту минуту было жаль начальника, с которым мы дружно работали, но что я ему мог сказать утешительного? Немая сцена длилась долго, и я первым прервал молчание:

— Разрешите идти?

— Идите!! — взвизгнул он.

Я круто повернулся, и, когда уже закрывал за собой дверь, меня догнало оскорбительное слово, бро-

шенное как камень в спину. Сбегая вниз по лестнице, я не испытывал чувства обиды. Перед глазами все еще мерещился майор Зможных на коне да как далекий мираж — боевой самолет, дожидавшийся меня в Кировограде, куда я получил предписание.

...Перед Кировоградом поезд медленно проследовал через станцию Знаменку. Многие окна вокзала были без стекол. Под откосом железнодорожной насыпи на боку лежали обгоревшие товарные вагоны. В самом Кировограде я долго выяснял, где располагается моя часть. Кое-как добрался до аэродрома. Около казарм увидел сотни полторы подобных мне осоавиахимовских летчиков. Меня кто-то окликнул из толпы — на встречу бежали Миша Ворожбиев и Анатолий Богза. Вот уж неожиданная встреча!

— На чем летаете? — спросил их.

— На палочке верхом, — ответили мои аэроклубные друзья-инструктора. — Никто не знает, на каких типах самолетов и когда нас начнут переучивать.

— Чем же занимаетесь?

— Утренние осмотры, политинформации, вечерние проверки... В столовую ходим строем... Изучаем противогаз, винтовку, учимся стрелять.

Выходило, что никакой самолет в Кировограде меня не дожидался. А с аэродрома то и дело взлетали дальние бомбардировщики ДБ-3 да кургузые истребители И-16 — «ишаки»¹, гонявшиеся за разведчиками. Люди воют... А нас, осоавиахимовских летчиков, сортировали по командам численностью с полсотни человек. Я был зачислен в списки той, которая име-

¹ Фронтовое прозвище истребителя.

новалась 48-й ОКРАЭ — отдельной корректировочно-разведывательной эскадрильей, и сразу был назначен на высокий пост — начальником штаба к кадровому командиру капитану Гарту. На этой должности я задержался недолго: на вечернем построении не заметил подошедшего сзади командира и не отдал рапорт своевременно — в результате меня понизили до командира звена.

Со своим звеном и ходил в тир стрелять из винтовок. Стреляли мы плохо, от сильной отдачи набили себе прикладом ключицы, правое плечо распухло. Как-то мы лежали на животе перед мишенями и не сводили глаз с девятки бомбардировщиков, которые построились над нами симметричным клином и взяли курс на северо-запад. Полетели бомбить танки в район Бердичева и Белой Церкви — километров за 250. Нам было завидно: лётят в бой, и так красиво, как на парад... Мы поглядывали на часы и ждали их возвращения и наконец заметили над горизонтом дымный след, а потом увидели и темные точки. Их было не девять, а пять. Один, что с дымным следом, отстал от остальных. У него странный вид: не было прозрачного штурманского фонаря в носовой части фюзеляжа. Бомбардировщик спланировал с прямой поперек аэродрома, и, приземлившись, покатился по земле, опустив одно крыло, как подбитая птица. Мы понеслись на аэродром от своего тира с винтовками и противогазами, но нас окрикнули часовые и не подпустили близко.

Самолет остановился буквально в нескольких метрах от стены ангара. На месте снесенного зенитным снарядом фонаря — высохшие на ветру красные брызги. Ключья резины на одном колесе, в лопастях винтов светятся отверстия, обшивка крыльев и фюзе-

ляж изуродованы пробоинами. Значит, били зенитки, атаковали истребители... Подкатила машина с красными крестами. Из пилотской кабины с трудом вылез летчик с черным от масла лицом, молча посмотрел на медсестру и шофера, которые положили на носилки безжизненное тело стрелка и поставили носилки в машину. Медсестра в белом халате подошла к летчику, взяла за локоть, жестом указала на кабину. Тот, не глядя на нее, отвел руку, чуть прихрамывая побрел через летное поле, сдернув с головы шлем. По светлой шевелюре и крутому затылку я узнал летчика, с которым мы подружились в Бююр-Нусе, и рванулся было догонять его, но часовой у ангара преградил путь винтовкой:

— Назад!

Мы еще не настоящая часть, мы — новобранцы, нам туда нельзя.

...Ночью Михаила Ворожбиева и меня послали в наряд. Бывает же такое: в Николаеве мы служили в одном аэроклубе, жили в одном доме и теперь снова шагали рядом в неуклюжих солдатских шинелях с винтовками и противогазами через плечо, которые то и дело сползали на живот.

Шли молча, а мне пришел на память мой последний разговор с Наташей — женой Ворожбиева, оставшейся в Николаеве с маленькими Эдиком и Лерочкой. Я уезжал в Кировоград и заскочил к ней на минуточку, уже с чемоданом в руке. Наташа на пороге сказала:

— А ведь Миша меня убедил, что не пройдет и двух месяцев, как он вернется с победой. И знаете, я поверила этому. Ведь это правда?

— Правда, — с убежденностью ответил я тогда.

Мы шли с Ворожбиевым рядом, по черному небу мотались лучи прожекторов, слышалось нарастающее завывание вражеского самолета. Вскоре над нашими головами что-то пронзительно засвистело. Мы сиганули в щель, и тут же — ослепительная вспышка, воздухом хлестнуло по ушам. Земля под животом прошла волной, а с бруствера посыпался песок. Налеты продолжались всю ночь. Нам то и дело приходилось прыгать в щель, и в душе мы проклинали на чем свет стоит винтовки и противогазы, которые мешали нам лазать по узкому окопу.

Несколько дней спустя на аэродром приволокли трактором двухмоторный бомбардировщик, разрисованный крестами и свастиками. Это был «Хейнкель-111» — об этом самолете мы уже наслышались немало. Говорили, что его вынудили сесть наши истребители, — самолет был совершенно целый, новенький, без единой царапины, а в кабине еще не выветрился запах заводской краски. Каждому из нас хотелось подержаться за штурвал, посидеть на пилотском сиденье. Началось стихийное изучение самолета. Кто-то открыл секрет зашторивания прозрачного фонаря: дернет за шнурок: «ш-шик!» — и светонепроницаемая штора бежит по плексигласу — в кабине сумрак; дернет еще раз — штора мигом собирается в мелкие складки — светло. Это защита от лучей прожекторов. Младшего лейтенанта Березанского, который знал немецкий язык, почти силком затолкали в кабину: «Читай, что там написано на приборах, и переводи!»

Для летчиков-истребителей «хейнкель» был настоящим кладом: те вращали в разные стороны его пулеметы, определяли секторы обстрела, искали «мертвые» — непростреливаемые зоны, соображали,

с какого направления лучше атаковать. Вокруг самолета прохаживался и больше других горячился приземистый лейтенантик из истребительной части. Говорили, что ему уже не раз приходилось на «ишаке» гоняться за разведчиками.

— Почему же он, сволочь, все ж таки не горит? — громко вопрошал он.

Рассеялась легенда о невероятном бронировании этого самолета: бронеспинка с наголовником — штука известная, бронированная люлька у нижнего стрелка — тоже не диво. Крыльевые бензобаки, оказывается, просто обтянуты оболочкой из сырой резины — протектором. Неужели же она спасает от пожара при обстреле? Летчики-истребители заключили, что если бы «ишаку» помощнее огонек — вместо пулеметов пушки установить — да еще скоростенки хотя бы километров тридцать прибавить, то не так уж он, этот «хейнкель», и живуч будет.

На другой день мы наблюдали за воздушным боем. Наш «ишак» преследовал немецкого разведчика. Истребитель оказался выше, за счет снижения он получил дополнительную скорость и быстро сблизился с противником. Разведчик уже огрызался голубыми трассами, а наш летчик огня почему-то не открывал. Неужели у истребителя отказало оружие? «Ишак» подошел совсем близко, и тут за разведчиком потянулась темная черта, потом показалось пламя. Вскоре в небе повисли два белых зонта, а «ястребок» блеснул на солнце крыльями, круто спикировал и победно взвился в небо — его пилотом был, между прочим, тот самый паренек, что больше всех чертыхался у «хейнкеля».

Парашютистов сносило ветром на пшеничное поле. За лесом, у железнодорожной будки путевого об-

ходчика, погасли купола парашютов, и туда с аэродрома помчалась полуторка с солдатами, и вскоре вернулась с пленными немецкими летчиками. В кузове лежал раненный в живот солдат. Его, оказывается, настигла шальная пуля, когда окружали прятавшихся в посевах немецких летчиков.

Нам был приказ — в казармах на ночь не оставаться: дремали в щелях. Среди ночи раздалась команда: «Боевая тревога! С вещами строиться!» Мы бестолково толкались в темных коридорах, хватали не свои чемоданы, потом гуськом потянулись по полю вслед за сопровождающим. Остановились около грузовых автомашин, нам объявили: «Грузить бомбы!» Мы свалили в кучу чемоданы, сложили винтовки, противогазы, принялись за погрузку. На этих же машинах, сидя по-верх упакованных в ящики бомб, и тронулись в путь.

— В каком направлении едем? — спросили мы у водителя.

— Если никуда не повернут, то попадем в Днепропетровск.

Рядом со мной сидел Михаил Ворожбиев. Мы молча смотрели на всполохи далекого зарева, и трудно было собрать воедино расплывшиеся мысли. «Какие мытарства нас еще ожидают? Кем придется быть: истребителем, бомбардировщиком, разведчиком или штурмовиком?»

В ту тревожную ночь я думал о Николаеве, к которому приближался фронт, о нашем аэродроме Водопой и впервые вспомнил то обидное слово, которое в горячах бросил мне вдогонку начальник аэроклуба Алексей Григорьевич Барский: «Дезертир!»

КУПЕЦ

Аэродром подсох, зазеленел, установилась летная погода. На аэродроме был образцовый порядок: красные и белые флажки легко колыхались ровными рядами, разграничивая посадочную, нейтральную и взлетную полосы, посадочные полотнища были выложены в створе строго против ветра. Пять самолетов Су-2 стояли крыло к крылу колесами у линии флажков. Стартовый наряд — дежурный по полетам, стартер, финишер и хронометражист были с красными нарукавными повязками, у каждого в руках красный и белый флажки для сигнализации. В положенном месте стояла дежурная полуторка — без нее летать запрещено. Должна была быть еще и санитарная машина, но таковой, к сожалению, не имелось. В общем, все в точности так, как изображено на схеме в «Наставлении по производству полетов».

Скоро должны были начаться учебно-тренировочные полеты, и командир эскадрильи майор Афанасьев стоял перед шеренгой летчиков, давая последние указания и напоминая известные всем правила полетов, так положено. Одет он был строго по форме: темно-синий комбинезон с выпущенными поверх сапог штанами подпоясан широким ремнем; у колена — спущенный на длинном ремешке через плечо планшет с картой, ну и на голове, естественно, шлем с очками.

Комэска говорил тихо, чуточку картавя, не спеша — время в запасе было. Первый самолет должен был взлететь минута в минуту по времени, как указано в плановой таблице полетов. Афанасьев — отличный летчик, спокойный, пунктуальный; хотел пойти в боевую часть — не вышло. Теперь он был на своем месте, в УТЦ, — учебно-тренировочном центре Южного фронта. В ту пору фронт требовал не только самолеты, но и летчиков. До войны их готовили военные авиационные училища, аэроклубы, теперь же организовывались еще запасные авиационные бригады и учебно-тренировочные центры при ВВС фронтов. Подготовкой летных кадров занимались и сами части. В нашем УТЦ переучивали и тренировали летчиков перед отправкой на фронт, только переучивать приходилось долго: мало самолетов, горючим ограничивали, не хватало запасных частей...

Мне в этом УТЦ уже надоело. После Кировограда я оказался под Днепропетровском. На аэродроме появился серебристый двухмоторный самолет СБ. По старой памяти (это был образец еще 1933 года) он именовался скоростным бомбардировщиком. Все-таки боевая машина! Но и этот единственный самолет куда-то забрали... Зимовать пришлось в Котельникове — под Сталинградом. Там изредка пришлось летать то на СБ, то на Су-2. К весне УТЦ перебрался в Миллерово. Овладевшие самолетом летчики числились в резерве Южного фронта.

Но в этот погожий день и с этой самой минуты неожиданные события на Миллеровском аэродроме начали разворачиваться с невероятной быстротой. Комэска еще говорил, а один из летчиков шепнул что-то соседу, тот толкнул локтем следующего, и сигнал этот волной прошелся по нашей шеренге. Все как один

перестали слушать комэску, отвернув от него головы в одну сторону. А там, куда все пялили глаза, над самой крышей сарая бесшумно неся к аэродрому темный остроносый самолет. Обогнув сарай, он еще ниже прижался к земле над летным полем да так «пробрил» над «Т», что финишер, втянув голову в плечи, с перепугу упал. Летчик резко «переломил» самолет, он с ревом круто пошел вверх — посадочные полотнища сдуло струей от винта. Штурмовик завалился в крен и, сделав круг над аэродромом, эффектно приземлился в положенном месте на три точки.

Такое вторжение было дерзким вызовом порядку на аэродроме УТЦ. Во-первых, самолет прилетел неожиданно, без предварительной заявки. А во-вторых, сколько недозволенных «номеров» выкинул летчик в воздухе за считанные минуты! Даже на стоянку он рулил не как положено — со скоростью быстро идущего человека, а неся, словно автомобиль. У линейки Су-2 штурмовик резко затормозил, крутанул хвостом на месте, обдав стоявших в строю летчиков пылью, и стал в рядок с другими машинами, ничуть не нарушив симметрии...

Неизвестный летчик покориł всех лихостью и точным расчетом. Афанасьев заметно побледнел. «Интересно, как комэска будет снимать «тонкую стружку» с незваного гостя?» — подумали мы.

Дальше события развивались еще быстрее, так что наблюдавшие еле успевали следить за происходившим. Как только винт на штурмовике сделал последний оборот и встал, из фюзеляжного лючка позади кабины летчика проворно выскочил чумазый механик в промасленном комбинезоне. Самолет одноместный, а прилетели двое — тоже нарушение! Механик сразу начал копошиться у мотора. Из кабины на кры-

ло быстро выбрался летчик. Маленький ростом, щуплый, уже немолодой. Сбросил с себя парашют, сдернул с головы шлем, швырнул его небрежно на парашют. Сунул руку за пазуху гимнастерки, извлек оттуда пилотку и туго напялил ее на седеющую шевелюру, почти на самые уши. Разогнал под ремнем складки, одернул сзади гимнастерку, сделал пушистый «хвост». На груди у летчика был орден Ленина, большой парашютный значок мастера с подвеской, а в петлицах — две «шпалы». Звание, как и у нашего комэски, — силы, значит, равные...

Афанасьев стоял выжидающе, не сходя с прежнего места. В руке у него были красный и белый флажки — символ власти руководителя полетов, которому на данном аэродроме должны подчиняться все без исключения.

Летчик соскочил с крыла, быстро зашагал к Афанасьеву.

— Кто здесь старший? — строго спросил он еще на ходу.

— Руководитель полетов майор Афанасьев, — ответил комэска, приложив руку к головному убору. Майор с орденом Ленина козырять не стал, сунул Афанасьеву руку, потрянул за кисть. Комэска сделал вид, что не заметил этой фамильярности.

— Разрешите узнать: откуда, кто и по какому делу? — официально спросил он.

— С фронта. Холоба-а-ев! — растянул гость. — А о деле я буду разговаривать в вашем штабе с начальником УТЦ. — И, не дав Афанасьеву рта раскрыть, требовательно сказал: — Мне машину, в город, срочно...

— Машина только дежурная, а у нас сейчас начнутся полеты...

— Давайте дежурную, я быстро отпущу... — и, не дожидаясь согласия, властно махнул рукой водителю. Заскрежетал стартер, машина подкатила, майор вскочил в кабину, хрястнул дверцей, и полторка запылила в город. Словно вихрь пронесся на наших глазах: только был человек — и нет его. И «стружки» никакой не получилось: ни тонкой, ни толстой.

Полеты не начинали до возвращения дежурной машины, а летчики тем временем обступили штурмовик. Механик, фамилия которого была Кожин, охотно отвечал на всевозможные вопросы.

— Этот самолет воевал?

— А как же! О нем даже в «Правде» статья была. Читали?

— Нет... А по какому это случаю писали? — заинтересовались окружившие.

— Так это же единственный у нас в полку самолет, который на боевой работе ресурс двигателя выработал полностью.

— А разве другие не вырабатывают?

— Не успевают... И этот много раз с дырками возвращался, подлатаем — снова полетел. И номер его в той статейке называли: № 0422.

Номер Кожин произнес, как фамилию знаменитости, а о самолете рассказывал, будто о разумном существе.

— Это вот зениткой крыло повредило, — показал он на большую дюралевую заплату, — а вмятина на капоте — осколком угодило... А вон то, на хвосте, — «мессеры» клевали...

— А кто на нем летал?

— Разные летали летчики, а я у него один. Отсюда в мастерские погоним мотор менять, — греется, начинает стружку гнать...

...Боевой самолет со следами многих ранений... Не один летчик сидел в его кабине, нажимал пальцами на гашетки... Так сколько же он фрицев¹ уничтожил, сколько сжег танков и машин? Боевой самолет... А рядом с ним стояли чистенькие, без царапинки, пузатые, тупоносые Су-2, которые именовались то ближними бомбардировщиками, то штурмовиками. Какие из них штурмовики? Брони нет, горят, как спички, четыре пулеметика...

В этот день я со своим штурманом летал на Су-2 бомбардировать цементными бомбами. Штурман что-то напутал с прицелом, и разрывы задымили далеко за мишенью — белым кругом с крестом посередине. Мазанули...

Летчики УТЦ жили на частных квартирах. После полетов обычно все разбегались по домам. А в этот день многие летчики допоздна околачивались возле штаба. Откуда-то пошел слух: «Купец» прилетел!» «Купцами» тогда называли тех, кто прибывал из действующих частей отбирать летчиков. Не похоже на то, что майор Холобаев явился за этим: штурмовиков в УТЦ не было, никто на них летать не умел... Но вскоре «разведка» доложила точно: майор сидит у кадровика и листает личные дела.

Время было позднее, когда, наконец, с крылечка сбежал Холобаев, — и прямо к летчикам:

— Тут случайно нет Бойко и Артемова? — Пока летчики переглядывались в темноте, он добавил: — А Зангиева?

— Только что ушли, — ответил кто-то.

¹ Фриц — прозвище немецкого солдата в русском языке.

— А твоя фамилия?

— Младший лейтенант Емельяненко.

— Ага, ты-то мне и нужен. Где живешь?

— На квартире, товарищ майор.

— Местечко переночевать гвардейцу найдется? Хозяюшку не стесним? С начальством вашим поцапался, просить не хочу...

— Найдется, товарищ майор...

Мне стало неловко. Заслуженный командир прилетел с фронта и ищет, где бы ему приткнуться!

Дойдя до дома, мы немного выпили, закусив квашеной капустой и яблоками. Потом хозяйка разобрала одному кровать, а другому постелила на полу, принося извинения. Холобаев с нескрываемой завистью взглянул на пышную перину, высоко взбитую белоснежную подушку и заявил мне категорическим тоном:

— Старший по званию ляжет на кровати, а подчиненный — на полу. Надоело на прелой соломе в землянках... — И тут же уснул.

А я еще долго размышлял над последней фразой: «подчиненный»? Что бы это значило? Почему он тогда, около штаба, назвал несколько фамилий? Может быть, уже отобрал? А не плохо бы в подчиненные к такому попасть. Простой человек, славой не кичится.

Утром в шесть ноль-ноль отобранные Холобаевым летчики были у штурмовика. Майор сказал:

— Каждого из вас я пока знаю только по личному делу. Меня интересовали те, у кого большой налет. Среди вас осоавиахимовские инструкторы, опытные летчики. Но душу человека по бумажкам не узнаешь. Предупреждаю: перин на фронте не будет, ордена достаются нелегко. Кто не хочет воевать на штурмовике — скажите честно, обижаться не буду. Работа у нас адова, не все так гладко, как о нас пишут.

Мог бы о перинах не предупреждать и насчет наград тоже. Летчики на его орден смотрели с величайшим уважением, понимая, что он ему достался не за синие глаза. Но каждый из нас, наверное, подумал: «Да неужели же нам такое счастье подвалило — воевать на штурмовиках?»

Холобаев, собрав всех около себя в кружок, объяснил порядок работы. Он говорил, а летчики украдкой обменивались недоумевающими взглядами. За один день предстояло изучить кабину, овладеть запуском мотора и сдать зачет. А что такое сдать зачет? Для этого надо знать на память расположение всех кранов, переключателей, рычагов, приборов, их нормальные показания...

Мы по очереди садились в кабину. Одному объяснял Кожин, остальные стояли рядом на крыле и слушали. Усвоение шло довольно быстро... Вечером, когда спала жара, началась тренировка в запуске и пробе двигателя. Холобаев стоял на центроплане, ухватившись за борт кабины, — каким-то чудом его не сдувало ураганной струей воздуха от винта. Оглушительно ревел двигатель, а Холобаев наклонился в кабину и кричал на ухо: «Давай форсаж!» Куда еще форсаж?! И без этого казалось, что около двух тысяч лошадиных сил, бушующих в моторе, вот-вот разнесут его вдребезги... После каждой такой пробы вода в моторе закипала, и ему давали остыть.

День промелькнул незаметно. Летчики радовались, что за такое короткое время изучили новую машину. Правда, Холобаев не требовал запоминания практически ненужных цифр, к примеру, таких, как размах крыла, высота киля. А когда я из простого любопытства поинтересовался, какая длина средней аэродинамической хорды крыла, Холобаев сам спросил:

— А ты видел на каком-нибудь самолете эту самую хорду?

— Нет...

— Ну и выбрось эту чепуху из головы!

Вечером он объявил:

— Завтра полеты. С рассветом быть здесь, чтобы успеть по холодку. — А что успеть — не сказал.

...Утром Холобаев подозвал меня и приказал:

— Надевай парашют, пристегнись к сиденью и выруливай на старт. Я буду там.

— Есть! — сказал я, а сам подумал: «Вырулю, а потом он всем расскажет о тонкостях полета на штурмовике. А что парашют велел надеть да пристегнуться — так это для порядка».

Я подрулил на линию старта и собирался выключить мотор, но Холобаев сказал:

— Зажмешь тормоза, сунешь газку побольше, чтобы свечи прожечь, а потом отпускаяй — и на взлет. Перед отрывом сбрось газ, притормози до полной остановки и зарулишь обратно. Не взлетать! Понял?

Я проделал все, что было велено, зарулил обратно и хотел освободить кабину для Ивана Бойко, ожидавшего своей очереди, но Холобаев опять вскочил на крыло:

— А теперь сделай полет по кругу. Думай, что летишь на Су-2, получится еще лучше! Вот увидишь... Выруливай!

Полет по кругу я сделал, как во сне, и вспомнил, что сижу на «иле» лишь после точной посадки у «Т». Зарулил. Холобаев руки скрестил над головой: выключи мотор!

— Закипел, — пояснил летчикам подоспевший Кожин...

Меня окружили летчики из УТЦ:

— Ну как?

— Нормально... — я ответил с напускным безразличием, но в голове у меня, старого инструктора Осоавиахима, крутились мысли о двух системах обучения: Холобаева и той, что здесь, в УТЦ. За неделю были переучены пять летчиков, отобранных Холобаевым. Переучены на выработавшем ресурс мотора штурмовике, у которого после одного полета по кругу закипала вода. Прошли программу боевого применения: бомбили не цементными, а боевыми бомбами, по мишеням пускали «эрэсы»¹, стреляли из пушек и пулеметов. Впервые нас не ограничивали в расходе боеприпасов. Наверное, поэтому все мишени, долго служившие УТЦ, были разбиты вдребезги. Белый круг, в который недавно я со штурманом не попал, изрядно побурел.

Настал день, и майор Холобаев сказал:

— Теперь вы будете зачислены в 7-й гвардейский...

7-й гвардейский ордена Ленина² — так с 7 марта 1942 года назывался 4-й штурмовой авиационный полк. «За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава...» — было сказано тогда в приказе о переименовании. Теперь полк должен был стать моим домом.

¹ Реактивные снаряды.

² В Советском Союзе боевые части, помимо гвардейских званий, могли быть награждены присвоением почетных наименований и даже боевых наград, прикрепляемых к знаменам.

1941

В полк я попал в 1942 году. Однако, когда задумал написать эту книгу, еще были живы несколько летчиков, начавших воевать в 1941 году. Думаю, что будет уместно привести их рассказ о том периоде войны и боевой работе, выпавшей на их долю. Это было тяжелейшее время... Не имевшие опыта современной войны, не успевшие освоить новую технику летчики-штурмовики ходили в бой без истребительного сопровождения — после поражений начала войны у наших войск не хватало истребителей, не было зениток для прикрытия аэродромов и войск. Господствовавшая в воздухе немецкая авиация буквально терзала наши войска... На боевых летчиков легла огромная, страшная нагрузка, и очень немногие из начинавших войну летом 1941 года сумели дожить до победы. Уцелело только несколько человек, в основном из выдвинувшихся на командные должности, все остальные полегли в боях. За годы войны полк обновлялся много раз и, дойдя до Германии, заплатил за это несколькими сотнями жизней своих летчиков, техников и стрелков...

Совершенно секретный

В мае 1941 года базирующийся на полевой аэродром Богодухово в районе Харькова 4-й штурмовой авиаполк получал новую технику. До этого полк (тогда 4-й легкомоббардировочный) отвоевал финскую¹ на самолетах Р-З (Р-зет), но к маю их передали другим

¹ Общепринятое в России название советско-финской войны 1939—40 гг., известной также как «Зимняя война».

частям. Теперь полк первым в Военно-воздушных силах должен был перевооружиться на новейший образец самолета, известного пока только под индексом «Н», дать ему тактическую и эксплуатационную оценку. Часть самых опытных летчиков отправилась получать самолеты непосредственно на завод, а остальные изучали материальную часть, старательно перечерчивая в секретные тетради путаные схемы электропроводки, бензо- и маслопитания, водяного охлаждения и непонятной даже многим техникам гидросистемы уборки и выпуска шасси. Записывали множество цифр, которые нужно было запомнить: ход поршня, диаметр винта, размах крыла... Длина средней аэродинамической хорды, ширина колеи шасси, высота килея... А еще режимы скоростей, показания приборов и многочисленные предупреждения летчику, начинавшиеся словами: «в случае отказа...».

Прибывшие на завод летчики подолгу просиживали в кабинах новеньких машин, осваивая оборудование. Подняли хвост одного самолета, и поочередно садились в кабину, запоминали взлетное положение капота двигателя относительно горизонта. Убирали шасси и выпускали его с помощью аварийной лебедки на другой машине, которая висела на подъемниках. Но сколько ни рассказывай о повадках самолета, сколько ни просиживай в кабине, а летчикам надо давать провозные полеты. Для этого нужен учебно-тренировочный самолет той же марки со второй кабиной для инструктора и с двойным управлением — спарка. Но такого самолета еще и не построили. Как быть? Выход из положения все-таки нашли: раздобыли спарку ближнего бомбардировщика Су-2, у которого скорости отрыва от земли и приземления были примерно такими же, как у штурмовика. На этой спарке и

давали провозные полеты с инструктором, а на планировании умышленно разгоняли скорость, чтобы отработать скоростные посадки. Потом летчики начали и самостоятельные полеты, и в начале июня 17 новых самолетов перелетели в Богодуховский лагерь.

Вечером самолеты зачехляли. Брезентовые чехлы шнуровались, к концам шпагата привязывались бирки с мастикой, на них ставились печати. Охраняли самолеты специально присланные солдаты с малиновыми петлицами — машины были совершенно секретными. Но по штату в полку должно быть 65 штурмовиков, а пригнали только 17. Недостающие прилетели лишь во второй половине июня.

Теперь в окрестностях Богодухова с рассвета до темноты не смолкал рев мощных двигателей: командование спешило переучить всех летчиков полка. Но дело двигалось медленно: учебно-тренировочные самолеты с двойным управлением появлялись в частях значительно позже, чем боевые, и это сильно тормозило переучивание, — ради нескольких провозных полетов летчикам приходилось изучать еще и самолет Су-2.

Первые полеты проходили благополучно, но вот у кого-то отказал мотор. Летчик все же удачно посадил самолет, не поломав его, но вскоре произошла еще одна вынужденная посадка: не выпустилось шасси. Существовавшая тогда временная инструкция предписывала летчику в случае невыпуска перед посадкой шасси покинуть самолет на парашюте. Опасались, что во время приземления с убранными колесами штурмовик перевернется (скапотирует) и при этом может возникнуть пожар, а из закрытой кабины в перевернутом положении летчику не выбраться.

Младшему лейтенанту Григорию Чухно шасси выпустить не удалось даже с помощью аварийной лебедки, но парашютом он все же не воспользовался, а посадил самолет на фюзеляж. Штурмовик прополз по пашне, как глиссер, подняв облако пыли. Ко всеобщему удивлению, самолет не перевернулся и повреждения при этом получил самые незначительные. При расследовании этого происшествия заводскими представителями предписание о покидании самолета в воздухе было отменено. Даже главный виновник вынужденной посадки, механик, забывший в гондоле шасси свой комбинезон, отделался лишь строгим внушением. Не окажись он на этот раз таким рассеянным, сколько бы безвозвратно погибло самолетов, покинутых летчиками!

В ходе войсковых испытаний на самолетах были выявлены дефекты, которые надо было устранить в последующих сериях, и в Богодухове ждали прибытия конструктора Ильюшина и заводских летчиков. Полеты полетами, но пришла долгожданная суббота. Многие летчики и техники собирались ехать — кто в Харьков, кто в Волчанск к своим семьям. Полк построили раньше обычного. «Домой, значит, попадем засветло», — думали многие, но майор Кожуховский вдруг объявил:

— Отпуска отменяются! Завтра к нам должны прибыть заводские летчики с конструктором. Если позволит погода, будут полеты. Р-разойдись!

Летчики, впрочем, полагали, что утром их, наверное, отпустят: небо обложило облаками, и по туго натянутым палаткам мелко барабанил нудный дождь.

Но разбудила летчиков команда «Подъем!». Была слышна какая-то беготня и чавканье сапог по грязи. Приоткрылась у входа одувевшая пола брезента, де-

журный охрипшим голосом повторил команду «Подъем!», и вскоре донеслась громовая команда Кожуховского:

— Выходи строиться! Быстро! Быстро!!

«Неужели самого конструктора и заводских летчиков в такую рань и ненастье принесло?» — подумал кое-кто. Выбежали из палатки, в темноте не сразу отыскивая свое место в строю, а Кожуховский уже объявлял:

— Первой эскадрилье снимать палатки, снести личные вещи и постели в сарай; второй, третьей и четвертой — рассредоточить самолеты по границе аэродрома; пятой — собрать лопаты и у ветряка рыть окопы для укрытия личного состава. Делать все, как по тревоге. Нас приедут проверять из штаба округа. Приступить к работе!

Шеститонные штурмовики, выстроенные в две линии крыло к крылу, растаскивали на руках — Кожуховский почему-то запретил запускать моторы, чтобы можно было разрулить. Трое поднимали на плечи тяжелый хвост, а человек десять упирались в кромки крыльев и толкали машины. В лагере рушили палатки. Мокрые постели и тяжелые чемоданы стаскивали на скотный двор. У ветряка рыли широченные окопы. Наскочивший туда Кожуховский такую работу забраковал:

— Что вы мне погреб копаете! Надо поуже, поуже... Чтоб только человеку туда протиснуться. Да с изломами... с изломами ройте!

Работали без перерыва до одиннадцати. Потом всех зачем-то собрали к ветряку, на котором был высоко подвешен репродуктор. Там прохаживался взад-вперед, заложив руки за спину, одетый в коричневый кожаный реглан комиссар полка Рябов.

Ровно в 12 часов все услышали:

— Среди ночи без объявления войны фашистские орды внезапно вторглись в пределы нашей страны...

Потом был митинг под морозящим дождем. Война... И снова полеты, полеты...

На пятый день войны пришел приказ: «Сегодня вылетаем на фронт!». Что так быстро могут послать на фронт, многим и в голову не приходило: ведь ни строем еще не летали, да и из пушек и пулеметов на полигоне никому и очереди выпустить не пришлось! Самых «эрэсов», которые должны подвешиваться под крыльями, тоже не видели, и как прицельно сбрасывать бомбы — никто представления не имел. В кабине на уровне глаз летчика была установлена трубка оптического прицела для стрельбы. Говорят, что с его помощью можно и бомбить, и заводские летчики знают, как это делать, но они из Воронежа так и не прилетели...

Курс на северо-запад

Четвертый штурмовой полк вылететь на фронт из Богодухова в тот же день не смог. Задерживали непредвиденные «мелочи». Начали, к примеру, вставлять в бомбоотсеки прибывшие по железной дороге кассеты для мелких бомб, а они туда — хоть плачь! — не влезают. Техники и оружейники во главе с инженером полка Борисом Митиным мучились с ними остаток дня и всю ночь, сбивая в кровь руки. Не скоро разобрались, что кассеты не взаимозаменяемые, а пронумерованы и каждая из них должна вставляться в определенный отсек.

А летчикам надо было срочно готовить для перелета карты. Нужных листов в штабе не оказалось, их

можно было получить только в Харькове. Посылать за ними машину — потерять день, а самолет Харьков не принимает из-за сильной грозы. Невзирая на запрет метеослужбы, командир полка на свой страх и риск выпустил на связном самолете через грозовой фронт опытного летчика, старшего политрука Владимира Василенко с летнабом Яковом Квактуном. Те попали в полосу ливня. Обходя грозу, сбились было с пути, но увидели железную дорогу — и она вывела их на Харьков. Вечером началась склейка листов для 500-километрового маршрута. Получились огромные «простыни». Сложили их «гармошкой», а эта кipa в планшет не лезет! Пришлось резать на части.

Перелет предстоял нелегкий. Первая посадка для заправки была намечена под Брянском, в Карачеве. Штурманский расчет показал, что бензина едва хватит. Если случится какая-нибудь помеха на аэродроме, то даже уходить на второй круг рискованно. Но беда была не только в этом: у семи самолетов опытной серии продолжительность полета оказалась на несколько минут меньшей, чем у остальных. Такие «уникумы», между прочим, и достались самым молодым летчикам — Смурыгову и Шахову.

В этот день на аэродроме появился командир дивизии полковник Пуцыкин: метался по аэродрому, торопил с отлетом, учинял разносы. К вечеру он сорвал голос и мог только сипеть да метать свирепые взгляды. А работа шла своим чередом до поздней ночи. Спать повалились на сеновале, не разбирая постелей. Перед этим из громоздких чемоданов, сваленных в кучу, извлекли и рассовали по карманам регланов самое необходимое: мыло, полотенце, бритву с помазком, зубную щетку... Смурыгов хотел было

взять еще свитер, но передумал: «Война до холодов кончится».

...26 июня самолеты пяти эскадрилий, прогрев моторы, ровными рядами, в хвост друг другу, выстроились на границе летного поля. Летчики не покидали кабин. Медленно разъезжали бензозаправщики, чтобы долить бензин под самую пробку семи штурмовикам опытной серии.

Завращались винты, загудела степь, и эскадрильи, взлетая с пятнадцатиминутным интервалом, одна за другой ложились курсом на северо-запад. Перед стартом самолеты стояли ровненько, а в воздухе летели роем. Многие летчики не успели как следует освоиться с оборудованием кабины, искали приборы по надписям. Чуть замешкался, поднял голову — уже на ползаешь на соседний самолет, тот шарахается в сторону, следующий — от него... Так и мотались добрую половину пути, пока наконец не приноровились. Ведомым за весь полет так и не пришлось воспользоваться огромными картами. Тут уж не до ориентировки — взгляда от соседа не отвести. Где летели — мало кто знал. Вся надежда была на ведущих, и они оказались молодцами: вывели точно к Карачеву.

Все же с посадочной полосы некоторые самолеты пришлось стаскивать на буксире: бензобаки оказались сухими. Недосчитались и нескольких самолетов, что имели меньший запас горючего, — они сели где-то на вынужденную, не долетев до Карачева. Не долетел и заместитель командира полка по строевой. В полку он был недавно, и такое невезение... Начались поиски. Одновременно готовились к дальнейшему перелету. Летчики сами заправляли самолеты

(техники на транспортных Ли-2 еще не прибыли), потом прокладывали маршрут на Минск.

Пришлось долго простоять в очереди у столовой: в Карачев слетелись части с разных направлений, скопилось много людей. Спать повалились поздно, да и всю прошлую ночь в Богодухове провели без сна. В головах гудело...

Летчики вроде не успели и глаз сомкнуть, как начали будить. За окнами небо полыхало молниями, гром бухал, как из пушек, но командир полка получил строгий приказ: «Ждать погоду у самолетов. Каждая минута дорога, фронт ждет — взлет с рассветом».

В кромешной тьме под проливным дождем летчики разбегались на стоянки. Номера своих самолетов узнавали во время вспышек молний. Кто уселся в кабину и закрылся от дождя колпаком, а иные примостились на корточках под крылом и курили одну папиросу за другой. Полыхающие облака медленно смещались на запад. Дождь наконец прекратился, на востоке посветлело. Хлопнула зеленая ракета — сигнал к запуску моторов. Эскадрилья за эскадрильей снова поднялись в воздух.

Промежуточная посадка была намечена в районе Старого Быхова. На половине пути попали в полосу сильного дождя. Тут уж ведомые без всякой команды прижимались к ведущему, чтобы не потерять из виду — летели, словно пришитые, — крыло в крыло. На сей раз долетели все до единого, кто стартовал в Карачеве.

На летном поле копошились сотни людей с лопатами и носилками — строили бетонную взлетно-посадочную полосу. В центре аэродрома высились кучи песка и щебня, сновали грузовики. Кроме штурмови-

ков, сюда садились истребители и бомбардировщики. Справа от строящейся полосы самолеты планировали на посадку, а слева в это же время взлетали.

Командиры эскадрилий капитаны Спицын, Крысин, Саталкин, Лесников и Двойных довольно долго ждали майора Гетьмана и батальонного комиссара Рябова около их самолетов с бортовыми номерами 1 и 2. А тем, в свою очередь, пришлось наводить справки по поводу дальнейшего перелета в других частях, которые прилетели сюда раньше. Это были остатки полков, подвергшихся ударам еще в первый час войны. Гетьман и Рябов разговаривали с очень усталым на вид летчиком с тремя шпалами в голубых петлицах, подполковником. Поскольку 4-й штурмовой авиационный полк должен был поступить в распоряжение командующего ВВС Белорусского военного округа, Гетьман спросил у подполковника:

— От вас есть связь со штабом ВВС?

— Нет...

— А где он располагается, в Минске? — спросил Гетьман. «Если нельзя связаться по телефону, — подумал он, — возможно, придется самому слетать туда, чтобы доложить о прибытии. Медлить нельзя».

— В Минск уже ворвались немецкие танки, — оговорил подполковник.

— А не провокационные ли это слухи? — спросил Рябов, но подполковник подтвердил, что видел это своими глазами. Как оказалось, это был командир части, которая несколько дней назад базировалась в приграничной зоне и на рассвете 22 июня потеряла от бомбежки большую часть самолетов.

— Как же сейчас проходит линия фронта? — поинтересовался Гетьман. По укоренившейся привычке он уже взял планшет с картой, чтобы нанести обстановку.

ку, которую, безусловно, должен знать этот хорошо осведомленный подполковник.

— Никакой линии фронта нам никто пока не давал... То, что самим пришлось наблюдать с воздуха, похоже на слоеный пирог: западнее Минска дерутся наши части, а много восточнее по дорогам движутся на восток немецкие моторизованные колонны...

В район Старого Быхова прилетели только летчики. Для перелета на фронт полку еще в Богодухове выделили два транспортных самолета Ли-2, вмещавших около 50 человек. В состав этого летного эшелона входила часть техников, оружейников, связистов и оперативная группа штаба. Остальной личный состав — около 500 человек со штабным имуществом и тылом полка — должен был грузиться в 16 товарных вагонов и следовать на фронт наземным эшеленом. Кроме того, часть личного состава полка на двух транспортных самолетах должна была вылететь из Карачева. Прибыли они с задержкой, но вскоре полк готов был лететь дальше и начинать боевые действия.

Разведка боем

Над Старо-Быховским аэродромом низко пролетел У-2. Он с ходу приземлился около стоянок штурмовиков. «Уж не Науменко ли прилетел?»

Николай Федорович Науменко был до войны заместителем у генерала Копца. Задолго до вторжения немецко-фашистских войск в приграничном округе нельзя было не почувствовать запаха пороха. В июне особенно участились случаи перелета государственной границы немецкими самолетами. Генерал Копец тогда обращался к недоступному и власт-

ному командующему округом генерал-полковнику Д.Г. Павлову за разрешением «проучить наглецов», но командующий категорически запретил поднимать истребителей наперехват, ссылаясь на широко обнародованное сообщение ТАСС¹ от 14 июня, в котором говорилось, что «...слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...».

— Не поддаваться ни на какие провокации! — отрубил тогда командующий.

Когда сосредоточение крупных сил противника непосредственно у наших границ стало фактом, а немецкие разведчики открыто совершали облет районов базирования нашей авиации, Копец вместе с Науменко снова пришли к командующему.

— Разрешите рассредоточить авиацию на запасные аэродромы.

— Недальновидные вы люди, — ответил тот. — Нельзя давать никаких поводов для провокаций! Выполняйте-ка лучше мои указания по подготовке к учению. Займитесь настоящим делом!

Как раз 22 июня на Брестском полигоне намечалось крупное опытное учение...

После первого массированного налета фашистской авиации генерал Копец сел в самолет. Он облетал все аэродромы, связь с которыми была сразу же нарушена. Куда он ни прилетал, везде видел догоравшие машины — потери оказались колоссальными. Возвратившись в штаб, командующий ВВС округа застрелился в своем кабинете. Об этой трагедии тогда знали немногие.

¹ Телеграфное агентство Советского Союза.

На плечи возглавившего теперь авиационную группу Западного направления полковника Науменко свалилась нелегкая задача: собрать остатки авиационных частей и организовать их боевые действия... Из-за отсутствия связи, узлы и линии которой были выведены из строя немецкими диверсантами, управление авиационными частями нарушилось, и теперь он целыми днями летал на самолете У-2 с одного аэродрома на другой, ставя задачи авиационным частям. Задачи эти нужно было согласовывать с действиями войск, о чем можно было узнать в штабе Западного фронта или штабах армий. Но штабы часто меняли месторасположение, и найти их подчас было нелегко. Приходилось приземляться у дорог, по которым двигались войска, расспрашивать. В такие дни Науменко обычно ставил задачу на «разведку боем», смысл которой — сам ищи противника и бей.

28 июня Науменко в поисках штаба фронта решил «прочесать» дорогу от Старого Быхова на север вдоль Днепра. Не долетая до Могилева, он заметил сильно пылившую по проселку легковую машину. Она круто свернула в лес. Полковник сделал над этим местом круг и увидел в густой роще несколько палаток и автомашин. Сел поблизости на поляну, подошел к остановившейся на опушке легковой «эмке». Водителя где-то видел — знакомое лицо.

— Кого привез? — спросил его Науменко.

— Сандалова, товарищ полковник...

— Вот как! — обрадовался Науменко. Случайно отыскался сам начальник штаба 4-й армии Сандалов, с которым в канун войны пришлось ему уточнять план несостоявшегося опытного учения.

Углубившись в лес, Науменко увидел сидевшего около палатки на раскладном стуле командующего фронтом Д.Г. Павлова. Ему что-то докладывал по раз-

ложенной на столе карте Сандалов. Павлов за эти дни осунулся, сгорбился, и в нем трудно было теперь узнать прежнего властного человека, каким его в последний раз видел Науменко в Минске. Командующий тихо сказал Сандалову:

— Отбить Бобруйск... Свободны.

Около Павлова толпились офицеры штаба с картами и документами. С часу на час ждали прибытия из Москвы маршалов Советского Союза К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова. Командующий фронтом заметил стоявшего поодаль Науменко и тут же отвел от него безразличный взгляд. Начал подписывать документы, почти не читая их. «Не до авиации, видно, сейчас ему», — подумал Науменко о Павлове и заспешил за Сандаловым, шедшим к своей машине.

— Где вы сейчас находитесь? — спросил у него Науменко.

— За Березиной, в трех километрах западнее Бобруйска. Мы там штурмовиками бьем переправы. Правильно действуем?

— Очень правильно! Действуйте в таком же духе!

— А где ваш правый сосед? — спросил Науменко о 13-й армии.

— Дерется где-то в районе Минска... Прилетайте к нам, там потолкуем, — сказал Сандалов, закрывая дверцу автомашины.

— Поглядывайте почаще вверх, по всем дорогам «мессершмитты»¹ зверствуют, — посоветовал Науменко на прощание.

Науменко попытался уточнить у штабных офицеров местонахождение штаба 13-й армии, но они и сами

¹ Обычное в русском языке название немецкого истребителя Bf-109.

этого точно не знали. Туда направили на самолете У-2 офицеров связи с приказом командующего фронтом — во что бы то ни стало удержать Минский укрепленный район.

Науменко взлетел с поляны, взял курс на Старый Быхов. Высоту выдерживал пониже, макушки деревьев мелькали под самыми крыльями. Летел и поглядывал вверх, как сам советовал Сандалову. Небо было безоблачным, светило солнце. Уже близко Старый Быхов, а четыре «мессершмитта» тут как тут! «Может, не заметят и я проскочу?» — подумал Науменко. Но истребители начали снижаться прямо на него. Выход в таких случаях один: немедленно садиться. Приземлился, отбежал от самолета, залег в кустах. Треснула очередь, вторая — самолет вспыхнул. Пламя мгновенно охватило полотняные крылья, и вслед за этим взрыв разметал во все стороны горящие обломки.

Науменко появился на КП у Гетьмана запыленный и небритый, и через некоторое время эскадрильям через посыльных поступило распоряжение подвешивать на самолеты бомбы, заряжать пушки и пулеметы. Технического состава было раз-два — и обчелся: один техник и один оружейник на пять самолетов. Оружейники распаковывали большие красные ящики, только что доставленные транспортным самолетом из Москвы. Там были «эрэсы». Оружейники впервые занялись их установкой под крылья. Инструктировал их заводской инженер в штатском. На одном самолете что-то фыркнуло, и огненная комета со свистом улетела за лес: у кого-то сорвался «эрэс» — забыли отключить бортовую электросеть.

Многотрудный день был уже на исходе, когда командира первой эскадрильи капитана Спицына и его заместителей старшего политрука Филиппова и капи-

тана Холобаева срочно вызвали к командиру полка. Прибыв, они представились полковнику Науменко, суровому на вид, с двумя орденами Красного Знамени на шевиотовой гимнастерке и с огромным маузером в деревянной кобуре. Прибывшим летчикам Науменко сказал:

— Втроем полетите на разведку боем в район Бобруйска. Что увидите восточнее реки Березины, не трогать, а западнее — бить. Ясно?

Задача на первый боевой вылет была поставлена кратко — двумя короткими фразами. Может быть, оттого, что Спицын и Филиппов воевали еще в финскую, да и Холобаев в авиации тоже не новичок, на испытательной работе ко всякому притерпелся.

Поскольку вопросов не последовало, Науменко строго сказал:

— Выполняйте!

Летчики козырнули, сделали поворот кругом через левое плечо и зашпешили к своим самолетам. И только теперь у них стали один за другим возникать вопросы. Что, собственно, надо разведать? Какие цели бить и каким оружием? Насколько надо углубляться на запад за реку Березину? Как проложить маршрут, на какой высоте лететь и в каком построении?

Искать ответы на эти вопросы пришлось самим. Прежде всего проложили линию пути. На картах протянулась прямая черта от Старого Быхова на запад. Она пересекла Березину севернее Бобруйска, а километрах в тридцати за рекой изогнулась влево на 180 градусов, выводя на Слуцкое шоссе. Остальное решили быстро: высота полета двадцать-тридцать метров. Холобаев летит слева, Филиппов — справа. По самолетам!

У штурмовика мастер по вооружению младший сержант Комаха доложил Холобаеву о боевой зарядке. Под крыльями «ила» висело восемь длинных «чущек» с ветрянками на заостренном конце и ракетным оперением сзади. Летчик торопливо застегнул лямки парашюта, сел в кабину и начал вспоминать, как устанавливается электросбрасыватель для пуска «эрэсов» и сбрасывания бомб. Оглянувшись, заметил инженера полка по вооружению капитана Дремлюка, махнул ему рукой. Тот подбежал, взобрался на центроплан.

— Как тут установить электросбрасыватель на бомбометание?

— А как собираетесь бомбить: одиночно, серией или залпом?

— А черт его знает! Как обстановка покажет...

— Ну тогда лучше поставим на одиночно. — И Дремлюк повернул рукоятку на нужное деление.

— А сбрасыватель «эрэсов»?

Дремлюк снова покрутил рукоятку с делениями вправо, влево... Потом нахлобучил на самые брови пилотку, поскреб пятерней затылок.

— Вот что, товарищ капитан, вы минуточку подождите, а я позову заводского инженера, он заодно и про «эрэсы» расскажет. — И его словно ветром сдуло с крыла.

Но ждать было некогда: самолеты Спицына и Филиппова уже тронулись со стоянок. Холобаев запустил двигатель, дал газ, тоже порулил на старт. Позади самолета закружилась пыль, полегла трава. Летчик оглянулся — вслед за самолетом, согнувшись в три погибели и придерживая руками головные уборы, бежали двое — Дремлюк и заводской инженер в серой клетчатой кепке. Уже на линии старта они вскарабка-

лись на центроплан, уцепились с обеих сторон за борта кабины, склонились к летчику и начали объяснять ему что-то в оба уха. Холобаев успел спросить у заводского инженера:

— А как прицеливаться при пуске «эрэсов»?

— Да наводи вот это перекрестье на цель — и жарь!

— Ясно! Живо скатывайтесь, будем взлетать...

Не закрывая колпаков кабин, летчики поочередно подняли вверх руки — знак «К взлету готов». Сигналили руками по старинке, как на прежних самолетах, хотя на штурмовиках были установлены рации. Сейчас о них никто и не вспомнил. Пробовали их настраивать еще в Богодухове, но в наушниках стоял такой треск, будто сало на сковородке жарилось. Из-за этого шума работу мотора не прослушаешь, поэтому тогда на радиосвязь махнули рукой.

Взлетели, построились клином, легли на расчетный курс, засекали время. «Как отличить противника? — думали летчики. — Линии фронта на карте нет, обстановка неясная, не ударить бы по своим...» То, что и по самолету могут ударить зенитки, как-то никому и в голову не приходило. Холобаев, например, в броневую защиту штурмовика крепко поверил еще перед вылетом на фронт. К нему на аэродром тогда прибежал сынишка: узнал, что отец улетает на войну, и заплакал.

— Тебя там не убьют, папка?..

— Меня-то? — прищурил глаза отец. — На таком самолете?! Вот смотри! — он выхватил из кобуры пистолет, подошел к своему штурмовику и, не раздумывая, выстрелил в борт кабины. Потом нашел и показал сыну маленькое пятнышко — след от пули на свежей краске. Даже вмятинки не осталось!

Разумеется, Холобаев проделал этот «опыт» не столько для успокоения сына, сколько для себя самого, своих товарищей. С той самой минуты он так уверовал в прочность брони, что, взяв курс на Бобруйск, не думал об опасности, которая могла его там подстергать.

Мотор работал ровно, показания приборов были нормальные. До Березины лететь было порядочно. Пересекли несколько пустынных дорог, и лишь на одном из проселков заметили женщину с большим узлом на спине, с ней шел подросток. Увидев показавшиеся из-за леса самолеты, женщина схватила за руку мальчика и шарахнулась в кустарник. От брошенного на дорогу узла поднялась пыль... Потом под крылом промелькнула затерявшаяся в лесу ферма. Ни скота, ни каких-либо признаков жизни... Вспомнилось строгое предупреждение полковника Науменко: «Все, что увидите восточнее Березины, не трогать». А тут и трогать-то нечего — повсюду гнетущая, настораживающая пустота.

Пересекли Березину. На восточном берегу войск не было видно. Где же та сила, которая должна остановить фашистов на этом водном рубеже? Слева по курсу, на западном берегу виден Бобруйск, над ним зловеще клубится черный дым. Штурмовики понеслись над самыми верхушками густого леса западнее Березины, где нужно было искать противника. Летчики увеличили скорость, закрыли бронезаслонки маслорадиаторов, чтобы их не пробил пулей или осколком: такое указание было в инструкции. Подошло расчетное время, начали разворот; левое крыло конsoleю чуть не чиркает по макушкам сосен, правое вздыбилось к небу. Еще не закончив маневр, выскочили на Слуцкое шоссе, а там — колонна...

Впрочем, то, что увидели летчики, нельзя было назвать колонной. Это был сплошной поток техники: танки, тупоносые, крытые брезентом грузовики, тягачи с пушками и бронев автомобили — в несколько рядов движутся в сторону Бобруйска. По обочинам дороги прыгают на кочках мотоциклы с колясками. И не видно ни начала, ни конца этой лавины. На танках заметили белые кресты. Спыхватились: противник!! Но почему так нахально беспечны фашисты? Сидят на башнях танков и бронев автомобилей с засученными до локтей рукавами, свесив ноги в открытые люки, не прячутся, не стреляют?

Вывод из разворота закончили как раз над самой колонной. Летчики по несколько раз нажали на кнопки, штурмовики облегченно вздрогнули. Бомбы сбросили на глазок, не целясь: по такому скопищу техники с малой высоты промазать просто невозможно — там яблоку негде упасть! Разрывов своих бомб со взрывателями замедленного действия летчики наблюдать не могли, но в колонне началась паника. Холобаев увидел, как столкнулись два грузовика, один из них повалился в придорожную канаву, из других машин посыпались солдаты, мотоциклисты метнулись в стороны от дороги и помчались к лесу. И тут же с земли к самолету потянулись светящиеся пунктиры. Их становилось все больше, и вскоре уже целые снопы стремительных искр пронизывали небо вокруг. Холобаев на какое-то время оцепенел — впервые увидел такое. Вздрогнул от короткого, но сильного щелчка, которого не услышал сквозь гул двигателя, а скорее ощутил всем телом. Тут же заметил на лобовом бронестекле белое пятнышко и расходившуюся от него лучистую изморозь. «Чем-то вlepило! — и только теперь будто очнулся: — Надо же бить, бить!..». Пальцы зашарили

по ручке управления, но не сразу нашли кнопку пуска «эрэсов». На что-то нажал. Из-под крыла вперед рванулся огненный хвост. Нажал еще и еще раз — опять срываются хвостатые кометы и мгновенно исчезают впереди. Где же взрываются «эрэсы»? Со злостью опять ткнул пальцем кнопку пуска, да так, что даже ручка управления подалась вперед, и самолет клюнул носом. На этот раз «эрэс» взорвался совсем недалеко, в самой гуще колонны. Да как взорвался! Летчик глазам своим не поверил: обломки большого грузовика, клочья брезента и еще чего-то поднялись в воздух. Вот это влепил! Но войск впереди тьма, самолет обстреливают со всех сторон. Надо и ему бить, а чем? Вспомнил: «Пушками!» Нажал на гашетку — пушки молчат. «А на ту ли гашетку жму? — усомнился Холобаев. — На ту. Может, задержка?». Двинул рычаг перезарядки, снова нажал на гашетку — пушки молчат по-прежнему. А цели непрерывно мелькают под самолетом.

Пока возился с перезарядкой да в душе ругал Дремлюка, впереди уже показалась окраина Бобруйска. Дым тянуло ветром вкось, и он закрывал город. Холобаев круто развернулся от этой темени влево, пролетел низко над самыми крышами деревянных домов. Вырвался из дымной пелены на северную окраину города, а там тоже невиданное скопище войск. «И тут противник!». Взмыл вверх, потом с углом пошел к земле, нажал на гашетку — затрещали скорострельные пулеметы. Эх, до чего же они хорошо стригут фрицев разноцветными трассами! Вспыхнула автомашина. Еще одна загорелась... И вдруг что-то блеснуло рядом, послышался звенящий удар, и штурмовик так трянуло, что тяжелая бронекрышка над горловиной бензинового бака встала перед глазами верти-

кально. Только выровнял самолет — еще удар. Самолет провалился, летчик отделился от сиденья, привязные ремни врезались в плечи, а крышка бензобака вновь встала вертикально: зенитки били метко. «Ну, видать, и тебе тоже «крышка»¹, Костя Холобаев!» Бросил самолет в одну сторону, в другую, продолжал стрелять длинными очередями, не щадя пулеметных стволов: «К чему их теперь беречь? Все равно в этом пекле добьют. Умирать — так с музыкой!»

Пулеметы уже смолкли — полторы тысячи патронов израсходованы, а Холобаев все еще продолжал швырять штурмовик то вверх, то вниз, направляя его на вражеские машины. Глядь — он уже над Березиной, горящий Бобруйск остался позади. Впереди зеленый лес, и там зримо ощущается тишина. Лишь мотор надрывно тянул высокую ноту.

Холобаев повернул самолет правее, установил курс на свой аэродром. Солнце теперь светило со стороны хвоста, и пучок света осветил кабину. По лобовому стеклу ползла масляная пленка, искрились капельки воды. Глянул на приборы: стрелка давления масла — у нуля, а температура воды и масла — на пределе, у красной черты. Чувствовался едкий запах гари: «Сейчас заклинит мотор, и я плюхнусь на лес».

Он сообразил, что все еще летит на максимальных оборотах, а бронезаслонку маслорадиатора после атаки открыть забыл, от этого и перегрелся двигатель. Двинул рукоятку заслонки от себя, сбавил обороты. Обшарил глазами лес — нужна поляна на случай вынужденной посадки, но ее нет. Температура воды начала постепенно снижаться. «Может быть, и до аэродрома дотяну... — подумал летчик. И только

¹ То есть конец.

теперь спохватился. — А где же Спицын и Филиппов?» Но сколько ни вертел головой, их так и не увидел.

...Холобаев зарулил на стоянку к опушке леса, выключил мотор и сразу как-то обмяк. Привалился к спинке сиденья, закрыл глаза, руки устало повисли. Потом он услышал голоса. К нему бежали летчики и техники. Летчик сдернул с головы шлем, освободился от парашютных лямок. Привстал на сиденье, уперся руками в переплеты фонаря, привычно, легко перенес сразу обе ноги за борт кабины и... с грохотом провалился! Затрещал зацепившийся за что-то комбинезон, руку больно резануло. Подбежал Комаха, помог летчику выбраться из огромной дыры с рваными краями дюралья, зиявшей в центроплане. Холобаев отошел от самолета, посмотрел на него со стороны и вначале не поверил своим глазам. Штурмовик был буквально изрешечен пробоинами разных размеров. Новенького красавца невозможно было узнать. Бронекорпус, на котором после выстрела в Богодухове оставалось еле заметное пятнышко, превратился в рванину, фюзеляж до самого хвоста был залит маслом. «Вот так расковыряли! — изумился летчик. — Как же я долетел на таком «решете»?»

Холобаева обступили. Кто-то спросил:

— Что же это?..

Он поднес к губам кровоточащую ладонь, зло сплюнул на траву, растер погон:

— Зенитки... — Потом спросил: — А Спицын и Филиппов прилетели?

— Прилетели! Уже докладывают.

— Ну пусть докладывают, а я потом... — Холобаев выхватил из чьих-то рук сигарку, смачно затянулся и выпустил густую струю сизого махорочного дыма.

К нему подошел инженер полка капитан Митин, положил ладони на плечи, сочувственно произнес:

— С боевым крещением тебя, Костя!

— А Спицына и Филиппова здорово побили? — спросил его Холобаев.

— По несколько пулевых пробоин в крыльях.

— Значит, будут летать?

— Уже подвешивают бомбы. Завтра снова полетят.

— А что же с моим теперь? — он кивнул на самолет.

— Твой, как видишь, отлетался...

Подошел командир полка, молча пожал Холобаеву руку и тут же отдал распоряжение Митину:

— Немедленно затащить в ангар и никому не показывать!

В сторону Бобруйска медленно пролетела в четком строю девятка тихоходных гигантов ТБ-3. Истребители не прикрывали бомбардировщиков. Возвращались через Березину уже шесть машин, а позади носился «мессершмитт». Он заходил в хвост то одному, то другому. Через несколько минут над лесом поднялось шесть черных столбов дыма...

Около штурмовика оставался один Холобаев, да подошедший Дремлюк, когда они услышали панический крик:

— Тикай! Тикай!

Обернулись. Прямо на них катил серебристый двухмоторный бомбардировщик СБ. На одном крыле задраны вверх листы дюралевой обшивки, медленно вращается только один винт. Бомбардировщик все ближе и почему-то не гасит скорости. Из передней штурманской кабины вывалился и кубарем покатился по земле человек, хвостовое колесо прошло рядом,

чуть не раздавив его. Холобаев с Дремлюком метнулись в сторону, и тут же за их спинами раздался грохот, скрежет, треск. Они обернулись и замерли. Поднятый кверху мотор штурмовика проткнул и раздавил, как яичную скорлупу, выступающий вперед остекленный фонарь передней кабины бомбардировщика. Сам Ил-2 стоял на одном колесе, сильно накренившись. Одним крылом он упирался в землю, а второе высоко вздыбилось, как в развороте над макушками сосен перед атакой на Слуцком шоссе. Его доби́ли на земле.

Вслед за тем приземлился истребитель с неработающим мотором и завертелся волчком в конце пробега. Из кабины вытащили уткнувшегося головой в приборную доску летчика. Молодое, будто выбеленное мелом, лицо, повисшая на лоскуте кожи кисть левой руки в перчатке и прыгающая стрелка ручных часов... В наступивших сумерках увидели, как с запада на одном моторе тянет со снижением бомбардировщик СБ. Попутный ветер нес его через летное поле прямо на жилые дома военного городка. Бомбардировщик начал отворачивать, его на одном моторе затащило в крен, положило на спину. При ударе о землю взметнулся столб яркого пламени, затрещали в огне патроны, разлетаясь голубыми брызгами...

Таким был первый фронтовой день.

Первые встречи с «мессерами»

В лесочке на границе аэродрома в забросанной сверху ветками палатке обсуждались разведывательные данные летчиков. При перелете через Березину многие замечали похожие на большие корыта посу-

дины, которые рядами лежали на западном берегу реки. Не иначе как понтоны для наводки мостов. Березина, петляя по карте тонкой жилкой, протянулась с севера на юг, преграждая противнику путь на Смоленск и Могилев. Но каждому понятно, что без сопротивления наших войск никакая река не станет для фашистов преградой. Они наведут мосты и начнут переправу... А где наши войска? Никакой связи с ними по-прежнему нет, и «сверху» задач никто не ставит. Но не бездействовать же штурмовикам!

Сидевшие в палатке почти всю короткую июньскую ночь ломали головы над тем, что предпринять в этой обстановке. Наконец полковник Науменко объявил решение:

— С рассветом летать малыми группами только на Березину. Искать и непрерывно бить обнаруженные мосты. Не давать противнику переправляться!

С рассветом взлетело первое звено — три самолета эскадрильи капитана Спицына. Через десять минут возвращались винты еще трех штурмовиков. Они тоже взяли курс на Бобруйск. Звено за звеном через равные промежутки поднимались в воздух. Так начался второй день на фронте.

Нелегкое дело решиться на боевые действия по собственному усмотрению. Еще труднее оказалось это решение осуществить. Боевая обстановка, полная неожиданностей, требовала ставить перед каждой из пяти эскадрилий задачи, а у командира полка не было даже штаба, который все еще находился где-то в пути от Харькова. По всему было видно, что в Старый Быхов эшелону скоро не прибыть: железные дороги непрерывно бомбила фашистская авиация. Сюда, на прифронтовой аэродром, вместе с

техническим составом на транспортных самолетах прибыли лишь несколько офицеров штаба во главе с капитаном Верландом. Был еще начальник связи капитан Бузиновский со своим помощником по радиосвязи лейтенантом Нудженко. Начальник связи с помощником были, но на первых порах не было самой связи — ни с эскадрильями, ни с самолетами в воздухе.

Перед войной любили подшучивать над связистами: «Связь в бою — святое дело, когда надо — ее нет». Но сейчас было не до шуток. Капитан Бузиновский с трудом раздобыл телефонные аппараты, но когда они наконец появились, то непрерывно взлетавшие и садившиеся штурмовики то и дело рвали провода. Наземная радиостанция фактически бездействовала: самолетные приемники по-прежнему только оглушали летчиков шумом и треском, к тому же при полете на малой высоте дальность радиосвязи была очень незначительной. Многие летчики даже начали сами снимать приемники, чтобы не возить «лишний груз», а когда начались встречи с «мессершмиттами», то кое-кто подумал, что противник пеленгует работающие самолетные станции и поэтому так точно наводит свои истребители на штурмовиков, и некоторые летчики даже сбили торчащие позади кабины стойки антенн.

В этих условиях пришлось прибегнуть к пешей связи, хоть и самой древней, но зато безотказной. У командного пункта — палатки майора Гетьмана — дежурили по три посыльных от каждой эскадрильи. Они постоянно были в разгоне: то передавали приказания, то донесения. Пошли в ход и обычные сигнальные ракеты. Зеленые — значит, взлет; одна ракета —

начинать работать первой эскадрилье; а если пятой — то пять ракет. Красные ракеты, издавна применявшиеся для запрещения взлета или посадки, теперь означали сигнал выхода из-под удара — экстренного взлета всего полка в случае налета на аэродром авиации противника. И еще каждому механику было вменено в обязанность устанавливать винт в положение, соответствующее готовности самолета. Если штурмовик был исправен и полностью готов к вылету, то одна из трех лопастей должна быть установлена строго вертикально вверх; у самолета, который не готов, две лопасти должны торчать наподобие рогов, а третья — опущена вертикально вниз. По этим признакам командир полка издали определял, сколько самолетов в эскадрильях к вылету готово. Потом пошли в ход и жесты командира. А началось все с одного случая.

Как-то прибежал посыльный из эскадрильи и доложил командиру полка, что мост у Бобруйска разбит, а вернувшиеся с задания летчики обнаружили, что противник наводит другой мост, значительно южнее — у Доманово. В это время уже взлетало очередное звено. Оно должно было сделать круг над аэродромом, чтобы собраться, а затем лететь на Бобруйск, где ему, как оказалось, делать было нечего. Как же изменить штурмовикам задачу? До подхода самолетов к аэродрому майор Гетьман успел отбежать подальше от своей палатки. Когда появилось звено, он замахал руками, привлекая внимание ведущего. Тот качнул с крыла на крыло — заметил. Командир показал в направлении на Бобруйск и тут же скрестил высоко поднятые руки: туда не ходить! Потом сдернул с головы пилотку и начал махать ею в другом направле-

нии — иди туда! И вдруг ведущий, к изумлению всех, еще раз качнул с крыла на крыло и лег на новый курс! Через час возвратившийся с задания летчик докладывал командиру полка:

— Били мост южнее Бобруйска, у Доманово.

— Ну как же ты, дорогой мой, понял меня?!

— А чего же тут не понять: на Бобруйск крест показали — запрет, значит, а пилоткой дали новый курс. Вот и я отвернул влево...

В тот же день было объявлено: всем после взлета проходить над палаткой Гетьмана и следить за его сигналами.

В порядке номеров эскадрилий штурмовики тройка за тройкой взлетали со Старо-Быховского аэродрома. Звенья на бреющем полете уходили на запад бомбить понтонные мосты на Березине. Через некоторое время в воздухе образовался «конвейер»: очередные группы все еще взлетали, а другие уже садились, чтобы заправиться горючим, подвесить бомбы — и снова в бой. Будто гигантская транспортная лента, составленная из звеньев штурмовиков, непрерывно перемещалась в воздухе в сторону Бобруйска, изгибалась там по Березине, а затем по стокилометровой трассе тянулась обратно к аэродрому. Штурмовики уходили на запад тройками, а возвращаться начали иногда парами, а то и по одному. Крылья самолетов были продырявлены. Летчики докладывали о сильном зенитном огне у переправ, а к середине дня участились случаи встреч с вражескими истребителями. При подходе к Березине «мессершмитты» безбоязненно атаковали штурмовиков со стороны хвоста.

В довоенных учебниках тактики была разработана теория прикрытия штурмовиков своими истребителями. Они должны были лететь вместе, чтобы сковывать боем вражеских истребителей и не допускать их к штурмовикам. На Старо-Быховском аэродроме истребители были, но их не хватало даже для того, чтобы перехватить появлявшихся в небе немецких разведчиков и бомбардировщиков. А иногда нашим истребителям тоже подвешивали бомбы и посылали их штурмовать колонны. Теория не учитывала такой ситуации, когда численное превосходство вражеской авиации — подавляющее...

Во второй половине дня снова подошла очередь действовать пятой эскадрилье. Командир звена лейтенант Зайцев поставил задачу своим ведомым младшим лейтенантам Кротову и Смuryгову:

— Бьем по восстановленному мосту у Бобруйска, а потом летим вдоль Березины на север, чтобы разведать новые переправы противника... Возвращаться будем по этому маршруту, — командир звена указал на карту.

Смuryгов, взлетавший последним, замешкался на старте и в воздухе сильно отстал. Темно-зеленая окраска низко летевших штурмовиков сливалась с фоном леса, Смuryгову, забравшемуся повыше, трудно было их различить, и он боялся потерять их из виду. «Почему не уменьшат скорость, чтобы я быстрее пристроился? Неужели Зайцев не видит, как я отстал?» — волновался летчик. Он крепко сжал рукоятку сдвинутого вперед рычага газа, но расстояние сокращалось очень медленно.

Догнать своих Смурыгову удалось недалеко от Безрезины. Тут он вспомнил указание Зайцева, что перед атакой цели ему, правому ведомому, нужно занять место левее Кротова, чтобы перестроиться в «пеленг». Летчик начал делать отворот, и в это время в поле зрения показались летевшие навстречу — тоже на малой высоте — два самолета. «Наши возвращаются, — подумал Смурыгов. — Третий из звена, видимо, отстал, как и я, а может быть, и сбит...» Но тут же он усомнился в правильности своей догадки — у приближавшихся на встречных курсах самолетов были будто обрубленные на концах и чуть приподнятые крылья.

Они пронеслись совсем рядом, и Смурыгов успел заметить, что фюзеляж у хвоста этих самолетов очень тонкий — это им придавало отдаленное сходство с осой. Проводив их взглядом, летчик увидел, как те с креном пошли вверх и в развороте скрылись за хвостом его штурмовика. Со спины будто обдало холодным сквозняком. «Неужели «мессеры»?» Перевел взгляд на штурмовики, те снова удалились — опять надо их догонять. Дал полный газ, а сближения что-то незаметно. «Не иначе как Зайцев принял решение скрыться от «мессеров» на максимальной скорости», — подумал ведомый. В это время справа от него заструились огненные дорожки, нацеленные на впереди идущие штурмовики. Те не шелохнулись и продолжали полет по прямой с курсом на Бобруйск.

И вдруг Смурыгов увидел справа поравнявшийся с ним самолет: на фюзеляже черный крест с белой окантовкой и паучья свастика на киле... Опустив нос, он вел огонь по самолету Кротова, на обшивке крыла штурмовика засверкали разрывы, а из правой гондо-

лы выпала стойка шасси с колесом. Один, а потом и второй «мессершмитты» оказались уже впереди, пальцы Смурьгова инстинктивно нажали на гашетки — треснули скорострельные пулеметы. Трассы прошли недалеко от самолета Кротова, а «мессеры» взмыли вверх. Опомнившийся летчик больше стрелять не стал — ведь так можно угодить и по своему...

Уже были видны Бобруйск и Березина. Неподалеку от взорванного моста с уткнувшимися в воду пролетами протянулась ленточка наведенных понтонов. От сброшенных бомб поднялись столбы воды, а Зайцев и Кротов уже неслись к западному берегу на скопление грузовиков. Смурьгов, шедший последним, прицелился, выпустил «эрэсы» — они рванули в гуще машин. Скрылась под крылом Березина, и сразу загустели дымки зенитных разрывов. Зайцев заложил крутой правый крен, Смурьгов успел вывернуться сразу за командиром, а самолет Кротова с выпавшей ногой шасси оказался далеко в стороне и вяло поворачивал к восточному берегу. Сзади к нему, как пиявки, присосались два «мессера». Кротов на поврежденном самолете взял курс на аэродром, а Зайцев со Смурьговым полетели в сторону Борисова на разведку переправ.

Летели над Березиной. С западного берега по ним то и дело били зенитки. Тогда ведущий сообразил, что можно лететь восточнее реки — лишь бы не терять ее из виду — и вышел из зоны огня. Полет протекал спокойно, и Зайцев решил было брать курс на свой аэродром, как вдруг у Свислочи увидели мост, протянувшийся до середины реки. От берега на веслах шел понтон, в нем сидели несколько человек. Летчики довернули на него, открыли огонь. Пули секли зеркало воды у понтона, там кто-то плашмя плюхнулся за

борт, остальные так и остались лежать на дне посуды. На западном берегу стояло несколько автомашин. Перенесли огонь на них — вспыхнул грузовик, немецкие солдаты заметались по редкому кустарнику, прыгали с крутого берега...

Зайцев и Смурьгов заходили на посадку и увидели распластаный штурмовик Кротова. За ним по зеленому аэродромному полю тянулась полоса черной, словно вспаханной, земли. Винт покорежен. В стороне валялась вырванная вместе с колесом стойка шасси и масляный радиатор. Броня мотора и кабины стала бурого цвета, крылья иссечены, на рулях поворота и высоты остались лишь дюралевые ободья да ключья перкаля. Возле самолета в окружении техников стоял бледный Кротов. Он докуривал вторую сигарку, держа руку за левое плечо.

— Ты ранен? — спросил подошедший Зайцев.

— Ушибся, наверное, при посадке. Видишь, как пропахал...

— Это тебя истребители или зенитка?

— «Мессеры» увязались... От Бобруйска до самого аэродрома конвоировали и били, как по мишени. Пробовал отворачивать от трасс, а рули не действуют... Я уже плюхнулся, смотрю, а они, гады, на меня, лежачего, пикируют. Подумал, что добьют на земле, только и у них боеприпасы кончились. Пошли вверх, сделали над аэродромом «круг почета», легли на курс...

— А наши зенитчики не отогнали?

— А ты видел на аэродроме зенитчиков?

Некоторое время стояли молча. В это время начали взлетать три тупоносых «ишака». Под крыльями у них было подвешено по две бомбы. Кротов посмотрел вслед и сказал:

— «Мессершмитты» летают налегке, за штурмовиками охотятся, а нашим истребителям зачем-то бомбы вешают...

— Летали бы вместе с нами, могли бы отогнать, — отозвался Зайцев. — Как самим с «мессерами» бороться? Атакуют сзади, а наши пушки и пулеметы стреляют вперед...

— Если переднего бьют, то заднему, пожалуй, можно открывать огонь по истребителям, — сказал Кротов, взглянув на Смурыгова. В этом взгляде Смурыгов уловил укор.

— Да я вас еле догнал... А когда пристроился, «мессеры» уже были рядом с тобой. Дал одну очередь, а трассы около штурмовика прошли...

Подошел полковой врач Том Федорович Широкий и увел в санитарную палатку Кротова. Там он извлек у него из плеча осколок: летчик в горячах принял ранение за ушиб.

Весь этот день штурмовики били разведанные мосты у Бобруйска, Доманово и Шатково. «Мессершмитты» буквально одолевали, и пока никто не знал, как от них отбиваться самим. Однако от зениток потеря было больше, чем от истребителей. Оружие «мессершмиттов» не пробивало вертикальную 12-миллиметровую бронеплиту, защищавшую задний бензобак и спину летчика, но искалеченных самолетов вроде штурмовика Кротова на аэродроме прибавлялось...

В эти дни на Бобруйском направлении полк был единственной полнокровной частью, вооруженной новейшими самолетами. Это была по тем временам ошутимая сила, которая хоть и быстро убывала, как все

убывает на войне, но она была вложена в решение одной задачи — задержать передовые части группы армий «Центр» на Березине. Полк уничтожил девять переправ, препятствуя форсированию реки противником в течение трех суток. Но всего за три дня боевых действий полк потерял двадцать летчиков. Таких потерь никто не ожидал. Ведь в финскую кампанию полк совершил более двух тысяч боевых вылетов на не защищенных броней самолетах Р-зет, а потерял только один, — да и это была неболевая потеря: при взлете самолет зацепился за макушку дерева и сгорел. Теперь же летали на новейших бронированных штурмовиках, и такая убыль! А 28 июня в один миг перестала существовать вторая эскадрилья...

Возвратился с боевого задания младший лейтенант Александр Мещеряков. При посадке разлетелись в клочья пробитые пулями покрышки, и самолет на дисках сделал короткий пробег, оставляя за собой полосу пыли. К штурмовику подкатила полная людей полуторка. Приехал и сам командир второй эскадрильи капитан Крысин. Самолет был буквально изрешечен пробоинами, а летчик невредим.

— В зенитный огонь попал или атаковали истребители? — спросил комэска Мещерякова.

— Истребители...

— Считайте пробоины, — приказал Крысин техникам. — Интересно, в каких местах их больше всего?

— Зачем это? — поинтересовался Мещеряков.

— А затем, чтобы знать, куда нам больше всего достается, как увертываться от очередей.

Считать пришлось долго. Старший техник эскадрильи Алексей Калюжный и связист Григорий Нудженко

сосчитали по-разному и заспорили: у одного получилось 263, у другого — 278. Пока пересчитывали и спорили, показалась девятка бомбардировщиков «Юнкерс-88». Крысин оценивающе посмотрел вверх — самолеты были уже на боевом курсе, скоро начнут бомбить.

— На машину! Быстро! — скомандовал он, сам вскочил в кабину. Остальные уже на ходу переваливались через борт кузова. Лишь Нудженко с Калюжным не смогли догнать машину, споткнулись и распластались. Вслед за этим дрогнула земля, оглушительно и протяжно хрястнуло, взметнулись черные султаны... Когда ветром снесло пыль, полуторки не было. На том месте, где ее настигли бомбы, лежали щепки да разбросанные тела. Погиб и оружейник Роман Комаха, с которым Холобаев собирался «поговорить по душам». От полоснувшего по животу осколка получил смертельную рану командир звена Илья Захаркин, воевавший с особой злостью. Последними его словами были:

— Эх, гады... Не дали повоевать... Я бы вам еще жару дал...

...Полк получил приказ перебазироваться на полевой аэродром в 50 километрах юго-восточнее Климовичей. Летчики уже сидели в кабинах, а вылет задерживался: ждали транспортные самолеты, которые должны были после взлета штурмовиков забрать техников с их хозяйством. Из наземного транспорта в полку была одна полуторка. Она находилась в распоряжении инженера полка Митина. Машину эту по его приказу бдительно стерегли: мимо аэродрома проходили войска, если «дашь зевка» в суматохе — то только ее и

видели. В кузове все было приготовлено к отъезду: бочка с бензином, винтовки, гранаты, ящик с консервами, бумажный мешок с сухарями. На этой машине Митин с небольшой группой техников должен был отправиться в район Климовичей после сдачи в авиаремонтные мастерские шести сильно поврежденных штурмовиков. Но началась непредвиденная волокита: начальник мастерских не желал подписывать акт приемки.

— Вы хотите спихнуть мне этот хлам, а я что с ним буду делать? Видите, мастерские уже на колесах, будем тоже трогаться...

— Вы обязаны подписать акт приемки, а что с ними делать дальше, вам виднее, — твердо стоял на своем инженер полка.

По пятам за Митиным давно уже ходил молчаливый сапер-пехотинец. Он тоже спешил закончить свои дела и, услышав такой разговор, не стерпел:

— Кончайте вы эту волюнку да мотайте все отсюда поскорее. Мне эти самолеты надо еще успеть взорвать.

Услышав такое, начальник мастерских мигом подписал акт, но тут же потребовал от сапера расписку. Тот размашисто нацарапал ее на клочке бумаги. Только теперь Митин с командой в пять человек двинулся в Климовичи.

На окраине аэродрома густо задымило: интенданты подожгли вещевой склад с летным обмундированием, чтобы имущество не досталось противнику. Все, кто был на аэродроме, смотрели на черный дым и думали о стеллажах, забитых новенькими кожаными регланами, сапогами, унтами, комбинезонами, шлемами и прочим добром. Раздать его летчикам и техникам просто так, без ведомости и росписи, интен-

данты не имели права — потом им по всей строгости законов военного времени пришлось бы отвечать по статье «за промотание имущества».

1 июля полк перелетел в район Климовичей, едва успев выйти из-под удара снова атаковавших аэродром «юнкеров». Отставший из-за затруднений с запуском двигателя штурмовик старшего лейтенанта Денисюка взлетал уже под огнем прорвавшихся к аэродрому немецких танков... На маршруте была сильнейшая гроза, и 20 машин село на вынужденную посадку в разных местах — их пришлось долго разыскивать. В районе Сеци нашли штурмовик с переломленным пополам фюзеляжем — летчик, старший лейтенант Александр Булавин, разбивший голову о коллиматорный прицел, погиб в кабине. Сколько жизней унес этот невинный на вид приборчик, нацеленный в лоб! Летчики, кстати, расшифровывали сокращенное наименование прицела ПБП-1б так: «прибор, бьющий пилота один раз больно». Прошло немало времени, когда наконец этот прибор вообще перестали устанавливать, а сетку прицела начали размечать прямо на бронестекле. Второй самолет отыскали в лесу. Командир 4-й эскадрильи капитан Лесников попал в полосу ливня, в наступившей внезапно темноте пошел на посадку с включенными фарами — и сел на лес, приняв сомкнувшиеся кроны деревьев за поле. Ветви смягчили удар о землю, и летчик отделался ушибами, а самолет ремонту не подлежал.

С этих двух машин сняли некоторые детали, необходимые для восстановления других штурмовиков, и вернули в строй 18 штурмовиков! Появились термины: «безвозвратная потеря», «безлошадный». Безвозвратная означала, что разбился самолет, погиб и лет-

чик. Но могли быть потери и необратимые: к примеру, капитан Холобаев прилетел с первого же боевого задания на пришедшем в полную негодность штурмовике — самолет списали, а летчик остался в строю.

Были и другие случаи. Летчик с задания не вернулся. Летавшие с ним в одной группе видели, как упал горящий самолет, и летчика считали погибшим. Но война, как выяснилось, часто относилась более милостиво к летчику, чем к его «летающей крепости». Человек оказался более живучим, поэтому летчиков в полку было всегда больше, чем самолетов.

На аэродром в районе Климовичей заявился обросший человек. Щеки покрыты струпьями, вокруг глаз до скул и через переносицу — кожа посветлее — отпечаток от летных очков. Опухшие губы не складываются в улыбку, смеется одними глазами. Он поднимает подол рубашки, достает из-за пояса пистолет. Потом подпарывает подкладку пиджака — там красная книжечка и удостоверение личности. И по всем стоянкам уже прошел слух: Васька Сорокин объявился!

— Не может быть, он ведь под Бобруйском сгорел!

Летчика, появившегося будто с того света, окружили — почти у каждого к нему вопрос. Сорокин еле успевает отвечать.

— Самолет сгорел... А я начал кататься по болоту — одежда тлела. Повстречал женщину. Завела в крайнюю избу — передела, лицо кислым молоком смазала... Попутчиком был уголовник из бобруйской тюрьмы. Он из этих мест. Фрицы таких отпускали на все четыре стороны. Я тоже арестантом прикинулся, вот и дошел...

Как только Вася Сорокин отоспался и подлечился — подавай ему другого «коня». А где его взять? Сорокин со своим техником стали «безлошадными». С появлением «безлошадных» боевую работу начали вести в две смены: одни летают, другие отдыхают. Полк продолжал нести потери — через считанные дни погиб уцелевший в аварии командир 4-й эскадрильи капитан Владимир Дмитриевич Лесников. Это была тяжелая для полка безвозвратная потеря...

К этому времени полк вошел в состав 11-й смешанной авиадивизии, которой командовал генерал-лейтенант дважды Герой Советского Союза Григорий Пантелеевич Кравченко, который успел уже повоевать и в Китае, и на Халхин-Голе в советско-японский вооруженный конфликт 1939 года, и в финскую. Он часто наведывался на своей «эмке» на аэродром к штурмовикам. Возможно, эти наезды не были бы такими частыми, если бы не постоянная порча линий связи. Автомобиль служил ему подвижным пунктом управления, где он проводил большую часть времени, мотаясь по аэродромам. Покидал он свою машину для того, чтобы поставить боевую задачу или во время перекура перекинуться парой слов с летчиками, пошутить, приободрить их. «Еще немножко, и мы им начнем хребет ломать!» — частенько говаривал он. Комдив вел себя запросто с рядовыми летчиками, несмотря на то, что от них его теперь отдаляли и высокое воинское звание, и заслуженная слава.

Знаменитый ас, генерал Кравченко в свои 29 лет успел пройти через три войны, и только что начавшаяся Великая Отечественная была для него уже четвертой. В эти трудные дни он не раз садился в свой ярко-красный истребитель, чтобы сцепиться с фашистами. «Мессершмитты» яростно набрасывались на

приметный самолет, уступавший им и в скорости, и в огневой мощи. Несмотря на подавляющее численное превосходство, фашистским летчикам никак не удавалось сразить «красного дьявола», но и Кравченко в воздушных боях уже не мог проявить себя так, как недавно на Халхин-Голе и в финскую. Слишком много было преимуществ у противника в этой большой войне, так не похожей на все предыдущие...

В 1943 году генерал Кравченко погиб под Ленинградом. Его срочно вызывали на совещание и советовали обойти район глубокого вклинения противника, но Кравченко решил лететь напрямую, чтобы не терять времени. В полете он заметил воздушный бой: два наших истребителя кружили, отбиваясь от десятка вражеских. Кравченко повернул свое звено на выручку. Одного фрица он сбил, но вскоре загорелся и его Ла-5. Генерал перетянул линию фронта и выпрыгнул, но его парашют не раскрылся. Летчик упал в трех километрах от передовой в расположении своих войск, тело Кравченко плашмя впечаталось в землю. Вытяжной трос, с помощью которого открывается ранец парашюта, был перебит осколком, в правой руке было намертво зажато красное вытяжное кольцо с обрывком троса, на другой — поломаны ногти. Очевидно, летчик в свободном падении пытался разорвать клапаны ранца...

Полк продолжал боевые действия с нового аэродрома, и основными целями для штурмовиков теперь были не мосты, а колонны противника, двигавшиеся по дороге на Рославль. В эти дни нашим войскам было особенно тяжело, нелегко приходилось и летчикам при подавляющем перевесе сил противника в воздухе. Ко-

сяки «хейнкелей» и «юнкерсов» то и дело проплывали в небе, юркие «мессеры» низко пронеслись парами над дорогами, обстреливая войска. Казалось, что авиации у немцев стало еще больше! Шел двенадцатый день войны... У нас по-прежнему возникали вопросы: «Да, не устояли на Березине из-за недостатка сил, так почему же противника не задержали на Днестре свежие армии? Когда же наступит тот сокрушающий удар, о котором идут упорные разговоры? Неужели перед этим решили заманить противника поглубже? Почему у нас так мало самолетов? Куда девалась та мощь, которую показывали на воздушных парадах? Где те самолеты, которые летают дальше всех, быстрее всех и выше всех?»

3 июля... Эта дата запомнилась всем надолго. Впервые с начала войны мы услышали знакомый глухой голос с грузинским акцентом и первые слова, схватившие за самое сердце: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин, возглавивший в эти дни Вооруженные силы, в своей четкой речи не успокаивал. Он говорил суровую правду, которая положила конец вопиющему несоответствию ободряющих официальных сообщений с действительным положением вещей. Теперь, хоть и не осталось надежд на то, что наши неудачи кратковременны (отстранили и строго наказали бесталанного командующего — и другой быстро выправит дело!), зато стало ясно: чудес ждать не приходится, слухи о каком-то готовящемся сокрушительном ударе не соответствуют действительности. Надо рассчитывать на те силы, которые есть. В своем обращении Сталин призвал осознать всю глубину «смертельной опасности», призыв к беспощадной борьбе с дезертирами и трусами еще раз убеждал нас в этом.

...Штурмовому полку завтра предстояло нанести удар по Бобруйскому аэродрому. Впервые поставлена такая задача. По наблюдениям летчиков и данным агентурной разведки, там в эти дни сосредоточилось несколько авиационных эскадр. Нашлись очевидцы, сообщившие важные сведения о Бобруйском аэродроме. Говорили, что он напоминает авиационную выставку: самолеты стоят без всякой маскировки в несколько рядов, почти вплоты друг к другу. И вообще фашисты чувствуют себя там в полной безопасности, как дома. Рядом с аэродромом казино, где летчики пьют шнапс.

Получалось, что одним ударом по самолетам на стоянках можно нанести авиации противника такой урон, какого иными средствами нельзя добиться даже за длительный срок. Зенитной артиллерии у нас мало, истребителей тоже. Бывает, что и хлопают где-то зенитки по «юнкерсам» и «хейнкелям», плывущим в небе парадными клиньями, но редко доводилось видеть горящий вражеский самолет... Истребители тоже иногда устраивают в воздухе «карусели», пытаясь зайти в хвост врагу, смотришь — вымотались на виражах с перегрузкой до потемнения в глазах, выпалили боекомплекты, сожгли горючее — и разошлись. Самолеты на аэродроме — цель очень заманчивая. За одну штурмовку их столько можно накрошить, если...

И тут начинается цепляться одно за другое великое множество этих «если». Удар будет эффективным при наличии достаточных сил. А где их взять, эти силы, если в полку и трети самолетов уже не осталось, а из имеющихся несколько неисправных! Может случиться и так: штурмовики будут подходить к Бобруйскому аэродрому, а там никакой «авиационной выставки»

нет и в помине — только опустевшие стоянки... У авиации ведь режим, как у птиц: с рассветом — все на крыло, а в гнездо только к вечеру. Значит, чтобы не прилететь на опустевший аэродром, надо предупредить противника. Поэтому прибывший вечером в полк генерал Кравченко приказал нанести удар на рассвете. Выходит, что самим нужно взлетать затемно. Но вот загвоздка: на штурмовиках никто в ночное время еще не летал, значит, придется отобрать наиболее подготовленных пилотов.

Совсем недавно полк был полностью укомплектован, все было расписано и разложено по полочкам — от первой до пятой эскадрильи. Теперь же эскадрильи и звенья распались, оставшись, наверное, только на бумаге в штабе полка, который все еще где-то тащился железнодорожным эшелонам из Харькова. Летчики теперь делились на ведущих и ведомых. Кто летит впереди — тот и командир, а сзади — подчиненный. Вот, например, младший лейтенант Николай Синяков. Рядовой летчик, а начал хорошо водить группы. Кое-кто из старших по званию ходит у него в хвосте. Война расставляла людей на подходящие места, не считаясь ни со штатным расписанием, ни с воинскими званиями.

Давно уже стемнело, а командир полка все еще сидел в землянке. Перед ним лежал листок бумаги, на котором продолговатыми крестиками изображены самолеты, под каждым из них проставлены бортовые номера. Крестики эти расположены уголком по три — звеньями. Звенья одно за другим растянулись от верхнего обреза листка до нижнего — в колонну. Такой будет их боевой порядок в воздухе. Возле каждого самолета командир подписывает фамилию летчика. Себя сразу первым поставил в голове колонны.

Подолгу задумывается, формируя звенья: кого назначить ведущим, кого — ведомым?

На Бобруйском аэродроме две стоянки самолетов, расположенные по обе стороны взлетно-посадочной полосы. На первую стоянку он сам поведет в атаку часть сил, а кто поведет остальных на вторую? Ну конечно же, его заместитель майор К. Правда, Гетьман еще не успел как следует изучить своего заместителя: тот был назначен в полк незадолго до отправки на фронт, но в Богодухове уже проявил себя строгим, требовательным командиром. За расстегнутую пуговицу на гимнастерке никому спуска не давал. «От расстегнутого воротника на земле до аварии в воздухе — один шаг!» — любил он повторять модное изречение довоенных лет. Хорошо запомнилась и пламенная речь майора К. на митинге в Богодуховском лагере в первый день войны. На трибуне стоял рослый брюнет в кожаном реглане, в шлеме с очками. В руке зажаты замшевые перчатки, сбоку — планшет с картой. Внешность майора была настолько впечатляющей, что капитан Холобаев, успевший на своем веку повидать всякое, тогда не удержался и шепнул Гетьману: «Вот бы с кого вылепить скульптуру и во всех авиагородках на видном месте установить!» Энергично взмахивая рукой, оратор закончил свое пламенное выступление словами:

— Первый «эрэс» я выпущу за нашу Родину, второй — за товарища Сталина! Третий — за наш народ!..

Но на фронте майору сразу не повезло. Еще при перелете из Богодухова в Карачев он где-то вынужденно сел. Самолет искали несколько дней, поэтому в Старый Быхов, откуда полк начал боевые действия, он прилететь уже не успел. Майор К. посадил под Ка-

рачевом свой штурмовик на фюзеляж весьма искусно, и техники быстро подняли его «на ноги». Но, как говорится в народе, «не родись красивым, а родись счастливым». С места вынужденной посадки заместитель командира полка прилетел на аэродром и сел... с убранными шасси. Сел на фюзеляж и опять поломал самолет. Ходил он вокруг своей «тройки» хмурый, сокрушался: «Как же это я забыл про шасси?» Тогда командир полка отвел своего зама в сторону:

— Как же можно: идете на посадку, а о том, на что садиться придется, не думаете...

— Признаюсь честно, товарищ майор, совсем из головы вылетело...

— Так вам же стреляли красными ракетами, крест на старте выложили — запрет посадки — угоняли на второй круг!

— Сигналов этих я как раз и не заметил... Ведь в авиации с каждым может случиться такой грех...

— Вы же мой заместитель. Как на вас будут смотреть подчиненные? Авторитет потерять можно враз, а чтобы снова его завоевать, много времени потребуется...

— Я сделаю все от меня зависящее...

Теперь, составляя боевой расчет, командир полка вспомнил этот недавний разговор и твердо решил: «Хватит ему акклиматизироваться, вот как раз и представится возможность проявить себя в настоящем деле... Да и не ставить же на его место младшего лейтенанта Смумыгова или старшину Шахова!» — и Гетьман записал своего заместителя ведущим второй группы.

Еще до рассвета зарокотали моторы. Из выхлопных патрубков заструились лохмы сине-багрового пламени. Огонь лизал бока бронекорпуса, а на повы-

шенных оборотах дотягивался до самой кабины. Хорошо, что днем ничего этого не видишь, а то в полете только бы и думал, когда же вспыхнет самолет? Огонь по обеим сторонам капота мотора ослеплял сидевших в кабинах летчиков, и даже костер на противоположном конце летного поля, служивший световым ориентиром для выдерживания направления при взлете, трудно было различить в отвесах этого пламени.

Первым пошел на взлет командир полка, за ним остальные. Оторвавшись от земли, летчики отыскивали ушедшие вперед самолеты по навигационным огням. Когда под крылом скрылся слабо мерцавший аэродромный костер, Гетьман засек время и взял курс на Бобруйск. Справа и слева от него пристроились ведомые: заместитель командира 4-й эскадрильи по политической части старший политрук Владимир Василенко и командир 3-й эскадрильи капитан Николай Саталкин. Остальные были где-то позади. Через двадцать минут под крылом проплыла к хвосту оловянная полоска Днепра — половина пути. Не доходя до Березины, Гетьман, а вслед за ним и другие летчики выключили навигационные огни.

При подходе к Бобруйску штурмовики пошли еще ниже, а впереди по небу уже побежали торопливые трассы, в рассветном небе засверкали вспышки зенитных снарядов. Слева по курсу видна взлетно-посадочная полоса, по обе стороны от нее плотными рядами поблескивают самолеты. Ведущий с доворотом пошел в атаку. Из-под крыльев штурмовиков дымным росчерком рванули «эрэсы», короткие вспышки блеснули в рядах бомбардировщиков. Польшнул огонь, закувыркались обломки, понеслись пулеметно-пушечные трассы, кромсая крылья с черными крестами, а у

самой земли от штурмовиков отделились стокилограммовые бомбы. От их взрывов запылали «юнкерсы» и «мессершмитты», подготовленные к боевому вылету. Не успели-таки взлететь вражеские самолеты!

...Самолет командира полка снижался над своим аэродромом, оставляя за собой дымный след. Мотор давал перебои. Гетьман приземлился, отрулил в сторону, выключил мотор, но почему-то не открывал фонаря. Подбежали техники и сразу начали орудовать у кабины молотками и ломиками: от удара зенитного снаряда, оказывается, заклинило фонарь. Гетьману помогли выбраться из кабины: он с головы до пят был залит маслом, белели только зубы да белки глаз. Командир с трудом держался на ногах. Его отвели под руки в сторону, он присел на пенек, склонился и несколько минут не мог вымолвить ни слова, а только кашлял и отплевывался маслом. Отдышавшись, спросил:

— Из второй группы все вернулись?

О своих ведомых, старшем политруке Василенко и капитане Саталкине, не спрашивал. Он видел, как сразу же после штурмовки аэродрома два горящих самолета скрылись за лесом...

Гетьману доложили, что раньше всех прилетел майор К. с одним своим ведомым. Посадил он самолет около аэродрома на фюзеляж. «Что за чертовщина? — подумал командир. — Летел позади, а вернулся первым». Позвали майора, уже доставленного на аэродром с места вынужденной посадки.

— Как вы заходили на цель? — спросил его Гетьман.

— Вот с этого направления, — ответил тот, проведя по планшету ладонью.

— Вы уж потрудитесь снять перчатки да покажите поточнее! — возвысил голос командир. Он терпеть не

мог, когда по карте водили пальцем, и неукоснительно требовал, чтобы показывали острием карандаша. А тут не рядовой летчик, а его заместитель провел по планшету всей пятерней.

— Пожалуйста, можно и поточнее, — ответил майор и начал не спеша стягивать с каждого пальца в отдельности плотно облежавшие руки перчатки.

— Возьмите карандаш, вычертите расположение самолетов на Бобруйском аэродроме, покажите, как заходили.

— Товарищ майор, — подчеркнуто по-строевому выпрямился К., — я картинки рисовать не умею.

— Да вы мне не картинку, а простую схему начертите! — Командир закашлялся.

Пока майор К. копошился в своем планшете, Гетьман принялся вытирать платком с лица масло и увидел стоявшего поодаль молодого летчика — одного из ведомых майора К. Командир поманил его рукой. Тот подошел, потупился в землю.

— Вы вернулись вместе с майором? — спросил его командир.

— Так точно...

— Цель хорошо запомнили?

— Нет, товарищ командир...

Гетьмана словно пружиной подбросило с пенька, его обожгла догадка: «Может быть, мой заместитель и над целью не был, потому и «картинки» рисовать не умеет?»

— Куда же сбросили бомбы?

— По пустому месту... — тихо ответил летчик, скосив глаза на стоявшего к нему спиной майора К.

У Гетьмана гулко заколотилось сердце, зашумело в ушах, как от близко взорвавшейся бомбы. Потом он увидел, как у летчика выступили слезы, как тот досад-

ливо смахнул их рукой. Смягчился, взял летчика под локоть, отвел к своему искалеченному самолету.

— Расскажите все по порядку.

— Мы еще не долетели до Березины... Вдруг товарищ майор круто отвернул влево, пошел вниз под строй. Я еле успел за ним... Смотрю, у него бомбы посыпались, и я машинально нажал на кнопку сброса. Потом он и «эрэсы» начал пускать. Только тогда я рассмотрел, что под нами болото, и «эрэсы» пускать не стал. Решил было сам идти на Бобруйск, но других самолетов уже не увидел, а ориентировку потерял... Пришлось лететь за товарищем майором...

В это время Гетьман услышал за спиной голос майора К.:

— У меня забарахлил мотор, поэтому я решил на цель не идти. А бомбы сбросил, чтобы не подорваться на них во время вынужденной посадки...

— И в трех километрах от аэродрома сели на фюзеляж? — сверкнул на него белками глаз командир.

— Мотор перегрелся, совсем перестал тянуть. Козырек забросало маслом...

— Во-о-он!! — не своим голосом закричал Гетьман, его рука дернулась к кобуре, но ее перехватил Кожуховский.

Техники подняли штурмовик майора К. на колеса, заменили винт, запустили двигатель. При пробе на земле, а потом и в полете он работал совершенно нормально. Комиссия пришла к выводу, что летчик специально «вскипятил» мотор, закрыв заслонку маслорадиатора. В тот же день, когда устало-багровое солнце заваливалось за макушки сосен, на поляну собрали летчиков и техников. За ящиком, покрытым куском красной материи, сидели трое из военного трибунала. А перед ними спиной ко всем стоял высо-

кий человек с непокрытой головой, неподпоясанный, со споротыми петлицами. Не хотелось верить, что это он недавно клялся в Богодухове у ветряка: «Первый «эрэс» я выпущу за нашу Родину, второй — за товарища Сталина!..», а выпустил эти «эрэсы» в болото.

Председательствующий трибунала от имени Родины объявил приговор:

— За трусость — к расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно.

Гетьман попросил:

— Только не здесь. Увезите его куда-нибудь подальше...

Майору К. расстрел заменили передовой, «искупать вину кровью». Потом его видели в какой-то тыловой авиационной части...

Полк летал на Бобруйский аэродром трижды, нанеся сильный урон противнику, уничтожив и повредив десятки бомбардировщиков и «мессершмиттов». К 1 сентября полк был выведен в Воронеж, где он прошел переформировку в составе 1-й запасной авиационной бригады. Нужно было получить новые самолеты и пополниться летчиками. Часть обстрелянных, проверенных и закалившихся в боях летчиков полку пришлось отдать для вновь формируемых частей, где совсем не было «понюхавших пороха», — в их число вошли такие «орлы», как Спицын, Двойных и Денисюк. Так что из тех, кто 27 июня вылетел на фронт, в полку остались немногие, и в числе их капитаны Константин Холобаев и Василии Шемякин, лейтенант Павел Жулев, младший лейтенант Николай Синяков, ставший уже командиром второй эскадрильи, старшина Виктор Шахов и младший лейтенант Николай Смурыгов. Полк попол-

нялся молодежью, к которой независимо от возраста причислили всех, кто еще не успел повоевать. Так что и летчикам в Воронеже не пришлось сидеть сложа руки. В районе аэродрома Осоавиахима с рассвета до темноты кружили, пикировали и «брили» «илы» — тренировалось пополнение. Но из-за недостатка самолетов и летчиков полки теперь формировались всего лишь из двух эскадрилий — не 65 самолетов, как было, а 24...

ПОЛК

На фронтовой аэродром я летел на самолете У-2. Пилотировал его из передней кабины Константин Николаевич Холобаев. Я уместился на заднем сиденье с пожитками, а в руках держал балалайку.

Холобаев летел низко, над самыми макушками деревьев, и мы оба вертели головами: нет ли «мессеров»? Через какое-то время мы прошмыгнули над речкой, и тут же урчание мотора стихло. Спланировали на зеленое поле, по краям которого виднелись валы опустевших капониров. «Полк вылетел на боевое задание», — подумал я.

Зарулили на стоянку и вышли из самолета — я с чемоданом в одной руке, балалайкой в другой. Из-за капонира неожиданно появился летчик в темно-синей пилотке с четырьмя боевыми наградами на груди. Какой-то плоский, лицо птичье. Он быстро шел навстречу и улыбался, щуря щелочки глаз. Пожал руку Холобаеву, заговорил высоким голосом:

— А я вас заждался. Почти все на другой аэродром перебрались... — Не переставая улыбаться, пожал руку и мне, да так, что пальцы слиплись.

— Майор Зуб, — назвался он.

Необычная фамилия этого незаурядного летчика была известна мне уже давно по неоднократным публикациям в газетах. Весной 1942 года майор Зуб от-

личился в ударе по немецкому аэродрому, где группа под его командованием сожгла на земле 12 вражеских самолетов и повредила еще 9. Я тогда мысленно рисовал портрет Зуба и представлял его себе просто богатырем.

«Вот тебе и богатырь!» — мелькнула мысль, но в ту минуту мне было хорошо от простого обращения.

Зашагали втроем к стоявшему вдалеке домику. Майор Зуб сказал мне:

— Вот теперь вместе и повоюем, — таким тоном, будто речь шла о какой-то обычной и совсем не опасной работе.

Навстречу нам, судя по облачению, шел техник. Зуб взял у меня балалайку. Я насторожился: сейчас спросит о ней... А он просто хотел, чтобы у меня освободилась рука. Вслед за майором я ответил на приветствие техника. Зуб — заместитель командира полка — не отмахнулся небрежно, как это заведено у бывалых летунов, а четко поднес к виску прямую ладонь. И вышло это у него красиво, свободно — не так, как у заядлых строевиков. Кстати, и одет он был по форме: гимнастерка, галифе, сапоги. Кроме планшета с картой да пистолета на боку, не было на нем никаких «доспехов» летчика. Вместо шлема с очками Зуб предпочитал носить пилотку, а вместо кожаного реглана или комбинезона — темно-синюю шинель довоенного образца с нашивками на левом рукаве и эмблемой летчика.

Меня часто подводило воображение, подвело и на этот раз. Совсем не таким ожидал я увидеть знаменитого летчика Южного фронта.

На аэродроме, куда мы прилетели с Холобаевым, остались только два самолета: их собирались отправить железной дорогой в ремонтные мастерские. Но

командир посоветался с Зубом и принял решение — перегнать штурмовики в Морозовскую, хоть в этом и был риск. На одном из самолетов после аварии деформировался центроплан. На нем решил лететь Зуб. Второй самолет был тот самый знаменитый «0422», на котором переучивали летчиков в Миллерово. Перегонять его поручили мне.

— Вот и полетим в паре, — сказал Зуб. — Маневр «ножницы» знаешь?

Я ответил что-то невразумительное. Он взял карандаш, изобразил на листке бумаги сильно вытянутую цифру «8» и начал объяснять:

— Ведущий и ведомый, меняя крены, непрерывно расходятся то в одну, то в другую сторону. Пути их каждый раз пересекаются, — он показал на перемычку восьмерки. — Этот маневр применяется для обороны от истребителей. Так им трудно целиться. Если же проскочат вперед — сами могут попасть под наш лобовой огонь.

Я слушал объяснение Зуба, а сам думал: «Он мне сейчас об этом рассказывает, будто на боевое задание летим. На этих калекках нам не до восьмерок будет!»

Первое время мой ведущий летел впереди строго по прямой. Высота была метров сто. Когда он убедился, что я уверенно иду у него справа, неожиданно начал подавать команды на перестроение. Только я перейду на другую сторону, как новая команда — занять прежнее место. Долго я так увивался позади своего ведущего, а потом и его самолет начал с переменными кренами размашисто плавать передо мной то влево, то вправо. Это и есть «ножницы». Мотались мы так до самой станции Морозовской целых 50 минут.

Вылез я из кабины взмокший. Зуб тоже вытер лицо, закурил:

— Вот и отработали маневр... — Он довольно улыбнулся. Еще мне запомнилось сказанное тогда за перекуром:

— Приучили нас летать по прямой, да чтобы в строю никто не шелохнулся. А война показала, что маневр должен стать для летчика постоянной потребностью. Как дыхание...

Четыре награды, как у майора Зуба, тогда были редкостью. За выслугу лет и в круглые даты боевых орденов не давали, да и времени от начала войны прошло не так много. А у Зуба рядом с орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды у самого рукава гимнастерки покачивалась на подвеске медаль «За отвагу». Медаль эта, прямо скажем, для летчика — награда невысокая, если не обидная. Но всякое случалось... Один корреспондент как-то спросил Николая Антоновича:

— Какую из наград вы больше всего цените? — и прочертил пальцем поперек его груди.

— Вот эту, — не моргнув глазом, Зуб указал на медаль.

— Почему? — удивился корреспондент.

— Представили к высшей, а вручили ее...

— Так можно же эту досадную ошибку исправить!

— А разве важно, чем отмечен, а не за что? — ответил Зуб.

От Морозовской нам нужно было ехать поездом в Сталинград: теперь нам предстояло получить там два самолета и на них лететь в полк. Мы уже спешили на вокзал, когда послышался отдаленный гул моторов.

Глянули — с востока к аэродрому идут самолеты У-2. Их много — сразу не пересчитать. Но летели они в беспорядке, словно стая грачей перед отлетом на юг. Лишь головное звено держалось клином, а остальные поодиночке болтались на разной высоте.

Зуб остановился, внимательно посмотрел на эту картину.

— Вернемся на КП, узнаем, что это за часть летит.

Мы долго наблюдали за посадкой, которая прошла более организованно, чем полет. Из самолета, который приземлился первым, вышел нилот в комбинезоне. Судя по фигуре — вроде бы женщина. Быстро шагает на КП. Пилот сдернул с головы шлем, под ним гладко зачесанные на прямой пробор темные волосы, у затылка собранная в тугий узел коса. Зуб поспешил навстречу.

— Марина! Какими судьбами?! — воскликнул он.

— А тебя, Антоныч, каким ветром сюда занесло? — в свою очередь, спрашивает она, хмуря красивые брови.

— Ремонтироваться прилетели из Донбасса.

— Читала, читала о тебе... Мы ведь тоже в Донбасс летим.

— Что там делать будете?

— Будем ночью бомбить.

— Вот оно что... Это как раз то, что ты формировала?

— Да.

Я смотрел на смуглое знакомое по портретам лицо Героя Советского Союза Марины Расковой, участницы дальнего беспосадочного перелета с Гризодубовой и Осипенко. И вот стоит перед нами известная всему миру летчица, а Зуб с ней держится запросто. Знакомство Николая Антоновича с Расковой было

давним: им пришлось вместе служить в авиационном отряде при Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Не забыл и меня ей представить:

— Мой однополчанин...

Я был на седьмом небе: однополчанин знаменитого Зуба!

Раскова была не в духе. Зашла на КП, начала крутить ручку телефона, у кого-то выясняла, из какой части те самые истребители, которые хулиганили в воздухе. Оказывается, истребители, заметив «армаду» У-2 и зная, что на них летят «необстрелянные птички», решили порезвиться около строя, имитируя атаки. Девушки-пилоты приняли своих истребителей за вражеские, и четкий строй рассыпался. Озорникам потом нагорело.

После моего прибытия в полк Холобаев объявил:

— Пойдешь в третью эскадрилью, к Мосьпанову.

Такому назначению я очень обрадовался. Фамилия комэски была мне знакома по фронтовой газете — я не раз читал статьи о храбрости летчика-штурмовика. Хотелось поскорее представиться, но старший лейтенант Мосьпанов в это время был на другом аэродроме, где теперь базировался полк.

В капонири стоял один «ил»: на нем только что закончили смену мотора. Мы с заместителем командира полка майором Николаем Антоновичем Зубом ожидали обещанный У-2, который должен был доставить нас по очереди на новый аэродром. Николай Антонович растянулся на зеленой траве в тени около аэродромного домика — решил вздремнуть, а я тем временем посматривал на свой планшет и изучал район Донбасса. В этой путанице дорог, которые пе-

реплетались паутиной на карте, разобраться было нелегко.

Над нами низко протарахтел У-2, в его задней кабине сидел пассажир. Зуб вскинул голову и сказал:

— Это для перегонки «ила» летчика доставили!

Самолет закончил пробег, с крыла спрыгнул щупленький летчик в коротком, до колен, потертом кожаном реглане. В нашу сторону он шел вразвалочку, косолапя внутрь носками просторных кирзовых сапог.

— Здорово! — крикнул ему Зуб, приподнявшись на локтях. Тот шага не ускорил, не откликнулся, а только приветственно поднял руку. На смуглом небритом лице его различались темные крапинки. Я подумал, что это следы оспы, а когда присмотрелся, увидел: пятнышки зеленые. Похоже, медики обработали зеленкой...

— Где это тебя так разукрасили? — спросил Зуб.

— Вчера над Артемовским аэродромом... — ответил летчик и протянул сначала Зубу, а потом мне небольшую темнокожую пятерню. Присел, скрестив по-татарски ноги, зашарил по карманам ободранного реглана, вытащил измятую пачку «Беломора». Заклеил на папиресе надлом, лизнул и закурил.

— «Эрликон», понимаешь ли, в бронестекло влепил, — неторопливо продолжал он рассказ, — мимо уха пролетел и не взорвался. С ведро стеклянной крупы в кабине привез... — Он лукаво поглядывал на нас, показывая белые зубы.

— А вот к тебе в эскадрилью пополнение, — кивнул в мою сторону Николай Антонович.

Я, наконец, понял, что это Мосьпанов. Мой будущий комэска скосил на меня веселые цыганские глаза и протянул пачку «Беломора».

Когда Зуб улетел на том же У-2, Мосьпанов сказал:

— Давай сделаем так: полетишь со мной в фюзеляже, а «кукурузник» вторым рейсом прихватит технаря. Чего здесь томиться?

— С удовольствием... — ответил я, покрывив душой. Лететь в фюзеляже штурмовика — удовольствие маленькое: в люк сильно задувает, сидеть приходится на корточках.

— Карта этого района у тебя есть? — спросил он.

— Есть, — ответил я, а сам подумал: «Зачем карта, если я за пассажира да еще задом наперед полечу?..»

— Попробуй-ка ориентироваться. Те места, которые опознаешь, отметь крестиком и время их пролета запиши.

Мосьпанов задал мне задачу не из легких. Придется торчать из люка лицом к хвосту. В таком положении ориентироваться трудно, так как видишь не то, что ожидаешь. При полете на малой высоте времени на опознавание ориентиров мало. К тому же перед глазами нет никаких навигационных приборов — одни лишь наручные часы. Да и маршрут полета комэска почему-то не сообщил, а спросить я посчитал неудобным. Мосьпанов поплелся принимать самолет, и тут у меня мелькнула догадка: «Полетит-то он, наверное, по прямой». Я приложил линейку к карте, соединил чертой два аэродрома да успел еще сделать поперечные засечки, равные пятиминутным отрезкам полета. «Вот тебе и внезапный экзамен по штурманской подготовке»!

Взлетели. Мосьпанов «брил» очень низко, не меня курса. Чтобы видеть мелькавшие за хвостом штурмовика безлюдные поля, мне пришлось приподняться, и ноги быстро онемели. Прошло минут десять, но я так и не успел зацепиться глазом за что-нибудь приметное. Впечатление было такое, словно си-

дишь в морском прогулочном катере лицом к корме: видишь только быстро убегающую назад вспененную воду. «Ну, — подумал я, — наверное, придется показать комэске чистую карту, без единой пометки».

Вскоре, однако, увидел я в стороне деревню, а под хвостом самолета промелькнула почти пересохшая речушка с извилистым, вроде петли, поворотом русла. Глянул на карту — речка эта там обозначена, и петля такая есть, а прочерченная линия пути проходит как раз через нее. Ориентировка восстановлена! Начал делать отметки чаще, совсем воспрянул духом.

После посадки Мосьпанов отвел меня на перекур и, будто между прочим, спросил:

— На карте что-нибудь отметил?

— Отметил... Вот, — я протянул ему планшет. Мосьпанов с нескрываемым любопытством посмотрел на карту:

— Ориентироваться, сидя в самолете задом наперед, мне и самому еще не приходилось. Это, наверное, все равно, что книжку с конца читать... А как воз с соломой опрокинулся, когда мы пролетали, заметил? — вдруг оживился он.

— Заметил...

— И место это можешь показать?

— Вот здесь, за этим бугром, — я указал карандашом на карте.

— По-моему, тоже тут, — ухмыльнулся Мосьпанов.

...Ведомым у Мосьпанова мне пришлось быть только однажды, с пятого боевого вылета меня заставили самого водить группы.

Тогда мы полетели двумя четверками бить железнодорожные эшелоны на станции Чистяково. Прона-

сились низко над бурой степью. Мосьпанов вел группу хитро, и до цели нас ни «мессеры» не перехватили, ни зенитки не обстреляли.

Мы уже приближались к Чистякову, но из-за рощи, что раскинулась слева, не было видно ни населенного пункта, ни станции. Вдоль опушки — пустая дорога, которая круто сворачивала влево и терялась за деревьями. И вдруг я увидел, как к ее повороту мчится мотоцикл с коляской. Наверное, фрицы заметили нас и спешили скрыться за поворотом.

Ходили слухи, что Мосьпанов питал слабость к легковым машинам. Он не упускал возможности «сре-зать» с ходу такую цель, если она подвертывалась под руку, и даже доказывал необходимость жечь легковушки: «На них ведь начальство катается! Разве стоит одной очереди жалеть, чтобы какого-нибудь оберста ухлопать?»

И надо сказать, Мосьпанов, рассуждая таким образом, попал в самую точку. Через год, в сорок третьем, вышел приказ наркома обороны специально «охотиться» за легковыми машинами в тылу противника.

Сейчас от нас удирала не легковая машина, а всего-навсего мотоцикл. Мой ведущий взмыл, чуть довернул самолет влево и начал полого снижаться. В тот самый момент, когда мотоцикл уже сворачивал в лес, брызнул сходящийся у земли веер двух пулеметных трасс, и там, словно кто спичкой чиркнул о коробок, блеснуло, и мотоцикл кубарем покатился в сторону от дороги, подпрыгивая, как резиновый мячик. Меня тогда поразила эта снайперская очередь, уничтожившая такую маленькую цель, да еще на быстром ходу!

Не успело улечься мое восхищение, как Мосьпанов пошел на высоту, и тут же открылась железнодо-

рожная станция с несколькими товарными составами на путях. Зенитки поставили перед нами заградительный огонь. Первая четверка во главе с Мосьпановым перешла в пикирование, а я — крайний правый во втором звене, — увидев разрывы около своего штурмовика, шарахнулся в сторону. Это была мгновенная реакция на опасность. Всего какой-то миг прошел, и я оказался в стороне от цели, еле успел повернуть влево и сбросить бомбы на противоположном конце станции.

На аэродроме Мосьпанов отозвал меня и, роясь в карманах реглана, спросил:

— А что это ты перед атакой один в стороне болтался?

Я собирался было объяснить ему, что засмотрелся на кувыркавшийся мотоцикл, да тут вдруг залп зениток... Молчал, подыскивал нужные слова.

— Струхнул? Так и скажи...

Я утвердительно кивнул.

— Учти: один раз вздрогнешь, а в другой — «резьба сорвется»... Бомбы твои, я сам видел, они взорвались на станции, поэтому разговор для ясности замнем...

...Да, скверное это дело, когда у летчика «срывается резьба». Повел я как-то группу штурмовиков жечь фосфором немецкие танки. Полетел вначале к аэродрому истребителей, чтобы забрать прикрытие. Почувствовал — что-то с мотором неладное. «Разработается», — подумал я, и возвращаться не стал. Сделал над аэродромом истребителей круг, другой, третий. Вижу — взлетать никто не собирается: несколько самолетов стоят между сосен, да и те не расчехлены. Запросил

свой КП по радио, можно ли лететь без истребителей, но ответа не последовало. Мы уже опаздывали с выходом на цель, горючее попусту расходуем, и я решил лететь без истребителей. «Один раз вздрогнешь, а в другой — резьба сорвется», — вспомнилось мне...

Я лег на курс, но мотор совсем стал плохо тянуть — греется, показания приборов ненормальные. Пришлось передать командование группой Феде Артемову (в первый и последний раз!), а самому вернуться на аэродром. Оторвал взгляд от приборов, осмотрелся, с удивлением увидел, что за мной увязался еще один штурмовик. Этого еще не хватало! Откомандовал ему вернуться к группе — летчик не реагирует, будто оглох.

Над аэродромом мотор начал совсем сдавать, и перед заходом на посадку мне пришлось аварийно сбросить выливные приборы с фосфором в полтонны весом. Сел нормально, и тут началось...

— Почему вернулся с боевого задания?

— Мотор плохо тянул.

— Проверим. А почему истребителей не взял?

— Потому что они не взлетели. Я же об этом по радио запрашивал, а вы не слышали.

— Слышал!

— Так почему отмалчивались? — я начал уже злиться.

— Ведущий должен сам принимать решение, нечего ждать подсказок, когда находишься за тридевять земель.

— Вот я его и принял...

— Дурацкое решение. Собьют «мессеры» Артемова — будешь за это в ответе. Выливные приборы шурнул на свою зенитную батарею... А Неретина почему с собой притащил?

— Я его не тащил...

Стоит рядом бледный Неретин и не знает, что сказать. Нет у него никаких оправданий: пошел за ведущим, вот и все.

Мой самолет уже облепили техники, ищут дефект. Если он произошел по их недосмотру, то с техников строго взыщут за срыв боевого полета. Если же дефекта не обнаружат, меня обвинят в трусости. Инженер полка Тимофей Тучин забрался в кабину, запустил мотор, газует, а мотор, к моему удивлению, работает, как зверь. Я стою поодаль от самолета, не хочу быть на глазах у техников. Услышал за спиной:

— А может, вам только показалось, что мотор плохо работал?

Я обернулся, посмотрел на человека, всегда державшегося от летчиков особняком, и сразу не мог понять: то ли в этом вопросе участие, то ли подозрение. «А может, вам только показалось?» Сказать ему о падении наддува, о росте температуры воды? Но он ведь все равно в этом не разбирается: человек без технического и без летного образования, даже петлицы другого цвета. Я молчал, сдерживался.

Техники уже раскопотили мотор, оседлали его сверху, гайки отвинчивают. Долго тянется время. Загудели вернувшиеся с задания штурмовики. Одного недосчитываюсь: нет «двадцатки» — самолета Феди Артемова... Сколько за один взлет свалилось: потерял друга, Неретина привел на аэродром, на свою зенитную батарею фосфор сбросил, да еще дефекта в моторе не находят...

Ко мне несмело подошел Неретин.

— Вы уж извините... Я подумал вначале, что все за вами пойдут. А команду вернуться не выполнил потому, что группу потерял, заблудиться боялся.

Что ему скажешь? По-своему он прав.

Идут ко мне Мосьпанов с Тучиным. Инженер улыбается, а комэска издали кричит:

— Нашелся!

— Артемов?! — встрепенулся я.

— Де-фект! — провозгласил Тучин своим тягучим голосом. — Перемычка головки блока лопнула, воду в цилиндры гнало! Производственный дефект...

Вечером мы сидели за столом. Мне боевой вылет не засчитали, поэтому и сто граммов не выписали. Ужин был в самом разгаре, как вдруг в дверях появился Федя Артемов: жив-здоров. Ура! Федя улыбается, веселенький — пехотинцы попотчевали за отличную работу. Подбитый зениткой, он шлепнулся к ним.

Все хорошо, что хорошо кончается, но после этой истории у меня вдруг расклеилось дело... со взлетом. Каждый раз при разбеге нагруженный бомбами самолет перед отрывом уводило вправо, я чуть не скатывался с полосы. Это опасно. Командир полка меня даже предупредил:

— Ты со взлетом что-то мудрить начал... Смотри у меня! — и погрозил пальцем. Не подумал ли, что я делаю это умышленно, чтобы получить передышку в полетах?

Внушение сделал мне и Мосьпанов, и его слова пошли впрок — взлет у меня наладился.

С ТОГО СВЕТА

Давно висит в блиндаже гитара — нет ее хозяина. Моя балалайка тоже пылится под нарами без первой струны. Досталась она мне еще подростком от старшего брата Александра. Сколько лет прошло, и вот балалайка оказалась со мной на фронте. Мне не хотелось появляться с ней в полку, чтоб меня не посчитали за скомороха, но Холобаев повелительно напомнил: «Балалайку-то не забудь!» И хорошо, что так сказал. В полку объявился и гитарист — Виктор Шахов, и на концертах полковой самодеятельности мы с ним потом исполняли не только «Светит месяц», но даже «Муки любви» Крейсера. Теперь гитара висит... С того самого холодного и хмурого дня, когда Шахов не вернулся с боевого задания. Это был его сорок четвертый по счету боевой вылет. Много прошло времени, а Шахова почему-то ждали до сих пор.

...Совхоз имени Шмидта. 3 мая сорок второго года, облачно и зябко. Пронизывающий ветер чуть не валит с ног выстроившихся поэскадрильно летчиков и техников 7-го гвардейского. Теперь в полку не две эскадрильи, а три. Как из-под земли появились и забежали перед строем кинооператоры, прицеливались с разных точек своими камерами. Они были в военной

форме, но выглядели безнадежно штатскими: шинели на них нелепо топорщились. Присутствие этих суматошных и невозмутимых людей создавало праздничное настроение, заставляло на время забыть о войне. Кинооператорам предстояло снимать вручение полку гвардейского знамени. Прибыл Вершинин (теперь уже генерал) с военным комиссаром генералом Алексеевым. Зажужжали камеры. Вынесли гвардейское знамя с изображением Ленина. Оно в руках нашего первого знаменосца — Николая Смурьгова, еще не совсем окрепшего после второй аварии. Он был сбит и опять выдюжил, снова летает. Сильный ветер полощет шелк, и, если бы Константин Дремлюк и Иван Радецкий — рослые ассистенты знаменосца, — не зажали с обеих сторон Смурьгова, его, наверное, понесло бы по летному полю, как лодку под парусами. Проносся перед строем знамя, Смурьгов заметно волновался.

Потом собрались в столовой для вручения наград. Когда назвали имя Смурьгова, он подошел к суровому на вид генералу Алексееву и принял из его рук орден Красного Знамени. В ответ на поздравление у Николая вырвалось совсем неуставное:

— Спасибо...

Генерал недовольно глянул на него из-под насупленных бровей, и Смурьгов вспыхнул, как мак, и еще добавил:

— Извините...

Только он привинтил орден, как снова назвали его фамилию. Смурьгов вскочил от неожиданности, потом быстро собрался, зашагал по-строевому. Снова стал перед генералом — в руке красная коробочка с «Красной Звездой». На этот раз он ответил четко, как требовал устав:

— Служу трудовому народу!

Потом был торжественный ужин. У многих на груди засверкали первые ордена. Звучали тосты, летчики вспомнили тех, кто уже никогда не полетит с тобою рядом. Под баян пели родившуюся на Южном фронте песню «Давай закурим», кто-то прочувственно читал облетевшее тогда все фронты:

*Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло...*

Мы жалели, что на торжественном вечере не было Виктора Шахова. Боевую награду ему так и не успели вручить — с боевого задания Виктор не вернулся еще в начале января, когда мы базировались в Ново-Александровке. Тогда он летал один на разведку погоды, и что с ним случилось за Северным Донцом, где были немцы, никто не знал.

Январь в Донбассе был метельным. На аэродроме навалило столько снега, что из-под сугробов торчали лишь кабины, кили да высоко задранные моторы штурмовиков. К ним не могли пробиться ни заправщики с горячей водой и подогретым маслом, ни бензовозы. А летать было нужно: за Северным Донцом наши войска начали наступление на Барвенково и Лозовую. Взлетную полосу расчищали с помощью единственного трактора и лопат: для этого потребовалось несколько дней. Получилось что-то наподобие огромной снежной траншеи, по обеим сторонам которой образовались высоченные валы. Если хоть чуть не выдержишь направления при взлете или на пробеге после посадки, то непременно воткнешься в сугроб. Но не только снег мешал полетам: над аэродромом непрерывно лохматились низкие облака, то и дело наползали волны промозглого тумана. От генерала Вершинина пришла телеграмма: «За Донцом хорошая

погода. Наши части на Барвенковском плацдарме наступают, вылетайте хоть по одному». Что ж, начали летать. Первому летчику не повезло: в конце разбега он влетел в сугроб, и самолет пришлось долго откапывать. Взлететь удалось командиру звена лейтенанту Выприцкому, но после отрыва самолет попал в туман, летчик потерял пространственную ориентацию, сорвался в штопор и оказался на дне реки, подо льдом. Кто-то при посадке снес поврежденное шасси — самолет зарылся в снег, снова откапывали. Потом взлетел Виктор Шахов. Сразу же после отрыва самолет попал в «муру», и его не стало видно. Прошло расчетное время полета — Шахов не возвращался. Боевую задачу он все же выполнил, но, перелетев через Донец, попал в густой туман и никак не мог найти аэродром — сверху и снизу «молоко». Случайно заметил паровоз, уцепился за железную дорогу и долго ходил между двумя станциями, пока не определил, где находится. Отыскал-таки аэродром, благополучно приземлился в «траншею», правда, на последних каплях горючего.

После этого трудного боевого вылета Шахов был взвинчен. Злился на небесную «канцелярию», которая преподносит такие сюрпризы, будто бы нам назло. «Там, на плацдарме, где наши наступают, погода хорошая, — говорил он. — Фрицы летают стаями, бомбят, штурмуют. Мы же с горем пополам поодиночке за Донец пробиваемся, летаем без истребительного прикрытия. А «мессеры», словно гончие за зайчишкой, гоняются за нашим братом. За мной два истребителя увязались, и если б они не потеряли меня в тумане за Донцом, то валялся бы я где-нибудь теперь...»

Вволю почертыхавшись, Шахов вспомнил, что еще не обедал. Побрел в барак, служивший столовой, куда из кухни привозили в термосах еду, но там было пусто: всех обслужили, и остатки увезли на кухню.

— Спасибо за сытный обед! — зло бросил Шахов дежурному по штабу.

— Извини... Я позвонил, сейчас привезут.

Шахов хлопнул дверью, вышел из блиндажа на морозный воздух, снова закурил. А его самолет уже заправляют горючим, подвешивают бомбы. Около самолета стоит рослый человек в расстегнутой длинной шинели, военный корреспондент фронтовой газеты «Во славу Родины» Борис Горбатов, с тремя шпалами в петлицах — старший батальонный комиссар — спокойный, задумчивый человек. В минувшую ночь он долго беседовал с Шаховым при слабом свете коптилки, и вставший, как принято у летчиков, до рассвета Виктор не выспался. Потом был труднейший полет, который чуть не закончился катастрофой. Он не ощущал голода, просто ему было обидно, что о нем забыли, хоть летчиков было наперечет. Официантку из БАО уже вызвали, она вот-вот должна появиться, но ему было уже не до обеда: самолет готов, снова нужно лететь на плацдарм, где наступают наши. Виктор сел в кабину, запустил мотор, начал вырывать. Бросив взгляд в сторону, он увидел бежавшую по глубокому снегу и проваливавшуюся по колени женщину в белом переднике.

Вслед за Шаховым полетел и Смuryгов, с заданием бить эшелоны на станции Барвенково. Видимость была отвратительная, и Смuryгов летел как можно ниже над темневшим лесом, чтобы не потерять землю. А вот за Донцом действительно была прекрасная погода! Пролетая по своему маршруту на Барвенко-

во, Смuryгов увидел круживший около села Долгенького штурмовик — это Шахов обрабатывал немецкий обоз, больше некому. Там что-то сильно взорвалось, на дороге валялись опрокинутые сани, в глубоком снегу барахтались лошади. А самолет все кружил...

Подлетая к Барвенкову, Смuryгов увидел отходивший в сторону Лозовой длинный железнодорожный состав — немцы пытались утянуть его в тыл. Упускать такую цель не следует. На самолете Смuryгова были подвешены под крыльями две ракеты крупного калибра, каких у нас в полку еще никто не применял, и он решил ударить по паровозу, чтобы задержать эшелон. Прицелился, нажал на кнопку. Два дымных следа с огнем метнулись к земле. Мгновенная вспышка — будка машиниста разлетелась, как карточный домик, вырвались на морозный воздух клубы пара, закувыркались обломки разнесенного в щепы переднего вагона. Возвращаясь, за Донцом снова попал в «молоко». С трудом нашел аэродром и благополучно приземлился в снежной траншее.

На КП он увидел тарелки с остывшей едой.

— Шахов не вернулся, — сказали ему.

— Вернется он, вот помянете мое слово! — говорил Коля Смuryгов, и всем хотелось, чтобы его предчувствие сбылось. Но случилось еще одно несчастье: вскоре из боевого вылета в полк не вернулся сам Коля.

На Барвенковском плацдарме танки противника теснили нашу пехоту к крутому обрыву Северного Донца у Красного Шахтаря. Готовыми оказались только три «ила». Истребители еще не заправлялись горючим, не успевали вылететь вместе со штурмовиками для прикрытия, и «илы» пошли одни. Вышли на цель, сбросили бомбы на танки, пошли по кругу,

вновь начали снижаться и обстреливать противника. Смурьгов увидел, как вспыхнул передний штурмовик. А в это время ему самому на хвост сели три «мессера»: внезапно ринулись из-за облаков, ударили в упор. Стойку антенны, как ножом, срезало с фюзеляжа, самолет задрожал — в крыле большая дыра, пушка вывернуло стволом на кабину. Смурьгов развернулся, потянул через Северный Донец, где стояли наши войска. Мотор давал перебои, а внизу мелькал густой, старый лес. Увидел поляну, повернул на нее. Самолет загромыхал по ямам, ткнулся в пень. Смурьгова выбросило из кабины...

Летчик лежал ничком. Левая рука неестественно вывернута выше локтя. Подбежали два пехотинца из похоронной команды.

— Наповал... — сказал один.

Перевернули летчика — на гимнастерке два ордена.

— Заслуженный, — сказал другой, нагнулся пониже. — Бездыханный. Сходи за носилками, а я пока ордена отвинчу, заберу документы...

Прибежала медсестра. Припала на колени, растегнула гимнастерку, приложила ухо к груди — сердце стучит!

— Живо в медпункт! — приказала она.

Открытый перелом руки — лубки, гипсовая повязка. После переливания крови летчик открыл глаза. Его долго везли в санитарном поезде до Сталинграда, потом пароходом переправили в Астрахань — город тыловых госпиталей. За длинную дорогу Коля совсем высох, а теперь понемножку прибавлял в весе. Рука срасталась медленно. Написал письмо на полевую почту, но из полка ответа не было. Хотел узнать, что с Клавой и сыном Юркой, но в Харькове немцы, туда не напишешь...

...Две девушки, сестры Мальцевы, ежедневно после работы ходили во Дворец пионеров, где был госпиталь. Как и большинство женщин-астраханок, они ухаживали за тяжелоранеными. Больше времени они проводили около кровати молодого летчика по имени Виктор. Обе ноги у него чуть ниже коленей были ампутированы. Он тоже писал на полевую почту, но ответа не получил.

Виктор потихонечку брэнчал на гитаре и иногда рассказывал девушкам про войну. С особым интересом слушали они о его последнем боевом вылете. В тот день было очень холодно, волочились низкие облака. Под самолетом снег, снег... Около села Долгенького летчик заметил обоз — подвод пятнадцать с фашистскими солдатами держали путь на передовую. На санях уложены ящики с боеприпасами. Виктор долго кружил над обозом, стреляя, — в глубоком снегу мечущимся лошадям и людям некуда было деться, и ни одни сани к передовой не дошли... Он уже взял курс на аэродром, когда навстречу пронесся «Хеншель-126» — разведчик с высоко расположенным крылом и неубирающимися шасси. Виктор первым дал по нему очередь, у того от хвоста оторвался и закружил какой-то ошметок, а самолет резко вильнул, пронесся мимо с дымком, словно ошпаренный. И тут же в кабине штурмовика брызнуло осколками плексигласа, летчик перестал слышать гул своего мотора. «Значит, воздушный стрелок успел послать вдогонку меткую очередь». Винт завращался медленнее — густо дымящий мотор сдает... Через разбитый фонарь в кабину проникал дым. Вскоре пламя показалось на полу кабины, оно лизало унты. Но уже был виден Красный Шахтарь — на обрывистом берегу Северного Донца траншеи передовой линии противника. Штурмовик пролетел над ними так низко, что немец-

кие солдаты, как суслики, нырнули в свои укрытия и потом стреляли вслед...

За рекой мотор заглох, пришлось садиться в лес. Крылом повалило сосну, она рухнула на мотор. Самолет пропахал по глубокому снегу, летчик вывалился из кабины, зашипели на снегу подшитые войлоком унты. И тут с кручи, от Красного Шахтаря, начали бить минометы. Всю ночь он брел по глубокому снегу на восток, к Изюму. Начали отваливаться подошвы обгоревших унтов. На одну ногу пришлось намотать шарф, на другую — ремень от планшета. К утру выбрался на опушку леса, услышал крики «Шнель! Шнель!». Летчик замер: он увидел на пригорке батарею. Женщины таскали на позицию ящики, а немецкие солдаты отпускали им пинки: «Шнель! Шнель!» Надо же было так заблудиться... Назад бы податься, да опасно выбираться из зарослей — вдруг заметят. Виктору пришлось до вечера пролежать в засаде — промерз до костей. Когда стемнело, побрел обратно, с трудом отыскивая свои следы. Повалил снег. Летчик кружил, пока не попал в осинник. Из-под снега проступала вода, промокли ноги. Захотелось есть. Ведь вчера без обеда пришлось лететь... К утру сумел вернуться к самолету, забрал часть аварийного бортпайка, снова побрел к Изюму, с трудом переставляя одеревеневшие ноги. Потом полз по сугробам, мучила жажда... Очнувшись от лихорадки, открыл глаза — светло. Сквозь стволы сосен увидел домик. Крикнул слабым голосом — в ответ залаяла собака, а больше не помнит ничего.

Очнулся в Изюмском госпитале. Ступни обмороженных ног пришлось ампутировать. Потом в госпитале в Россоши ноги ампутировали до коленей. А потом была Астрахань...

Вот и бегал адъютант командира 7-го гвардейского полка Слава Мальцев на аэродроме по стоянкам самолетов, размахивая письмом, пришедшим из Астрахани от его сестер.

— Шахов нашелся!

Там же, в Астрахани, произошла и еще одна встреча: когда Виктор Шахов уже научился ходить на протезах, он встретил группу ходячих раненых из соседнего госпиталя. У одного рука была на перевязи.

— Коля! — крикнул Шахов.

— Витя! — бросился к нему Смурьгов и чуть не свалил едва державшегося на ногах друга.

От друзей на новую полевую почту в полк пришло общее письмо. Шахов писал: «Уже научился ходить, скоро вернусь. А летать я сумею — честное слово гвардейца!»

Когда в полку прочли письмо от Шахова и Смурьгова, Кожуховский сказал:

— Как с того света пришло.

ВЫЛЕТ С МАЙОРОМ ЗУБОМ

Мне на всю жизнь запомнился боевой вылет, совершенный с Николаем Антоновичем Зубом. Солнце в тот день уже клонилось к западу, от штурмовиков на жухлую траву ложились косые тени, а боевой задачи все еще не было. Вчера мы летали с утра до вечера, сегодня же весь день на аэродроме было затишье. Да и противник вроде устроил себе выходной: ни одного самолета не появлялось. Но нам-то было известно, что фашистская авиация продолжает сосредотачиваться в Донбассе. На аэродроме в Сталине немцы скапливали временами до ста самолетов, в Константинове — до двухсот, в Барвенкове — более ста...

С обедом в этот день почему-то запаздывали: его должны были привезти из Старобельска. Летчики сидели под соломенным навесом и с тоской поглядывали на дорогу: не покажется ли наконец машина или подвода с бидонами?

Зуб и Холобаев тоже сидели недалеко от нас и молча покуривали. Хуже нет этой неизвестности... До снятия готовности еще часа четыре светлого времени, а из дивизии с самого утра никаких дополнительных распоряжений не поступало.

Наши раздумья были прерваны возгласами: «Везут, везут!» Но в это же самое время от КП прибежал посыльный.

— Генерал Науменко к нам летит! — выпалил он командиру.

Холобаев вскочил в кабину стоявшей невдалеке дежурной полуторки, Зуб — вслед за ним: взялся за борт, оттолкнулся ногой от колеса и легко перенес в кузов по-спортивному пружинистое тело. Машина покатила на старт встречать начальство. Что летит к нам в полк Науменко неспроста, мы понимали: не к запоздалому же обеду он подгадывал?

На аэродроме быстренько раскинули свернутые полотнища посадочного «Т», и в это время из овражка вынырнул чуть не касавшийся колесами земли У-2. Генерал не стал делать над аэродромом круг, чтобы сесть в положенном месте, чиркнул колесами далеко в стороне от посадочных знаков и покатился — хвост трубой — до самого КП. А наша полуторка — вдогонку за ним. Недалеко от КП генерал выключил мотор, вылез из кабины, командир полка с заместителем уже перед ним стоят навытяжку, козырнули по всем правилам.

Глядим — к нам уже посыльный бежит:

— Боевой расчет, к генералу! — Мы бросились от расставленных на столе тарелок, и мысли о еде словно испарились.

Генерал Науменко — в гимнастерке, при орденах, белый подшлемник с очками на стриженной под бокс голове. У колена висит огромный маузер в деревянной кобуре. Мы застыли перед ним: стоим так близко, что чуем давно забытый запах цветочного одеколona.

Науменко говорил не спеша, глухим голосом:

— На аэродроме в Сталине противник сосредоточил большое количество самолетов... Сейчас, — он посмотрел на часы, — туда вылетел наш разведчик для уточнения данных. С получением от него подтвер-

ждающего радиосигнала — вам вылет. Зайдете в Половинкино, там к вам пристроится шестерка штурмовиков из другого полка. Истребителей, которые вас будут прикрывать, возьмете в Варваровке... На других аэродромах указания даны. — Генерал посмотрел на Холобаева: — Кто у вас сегодня ведущий?

— Капитан Елисеев, товарищ генерал...

— Ведущий — майор Зуб! — сказал Науменко, будто и не слышал произнесенную командиром фамилию другого летчика.

Мы даже вздрогнули от неожиданности.

Летчик, которому сразу же после утренней побудки объявили, что он в боевом расчете, исподволь готовит себя к выполнению боевой задачи. Он продумывает всевозможные варианты предстоящего полета, взвешивает, где его может подстергать опасность и как ее избежать. И что бы он ни делал, его не покидает чувство напряженного ожидания. И эта постоянная собранность, как сжатая внутри пружина, помогает подавить предстартовое волнение, которое одинаково охватывает всех — и новичков и асов.

Зуб сегодня не был включен в боевой расчет — и вдруг генерал его назначает ведущим!..

Летчики уставились на Зуба, а он ничуть не изменился в лице, только выпрямил ослабленную в колене ногу и спокойно спросил генерала:

— Разрешите готовиться?

— Да, времени очень мало...

Зуб заспешил на КП, вслед за ним мы сбежали вниз по осыпавшимся ступенькам блиндажа, уселись вокруг стола. Разложили карты, дружно задымили. Наш ведущий, не выпуская изо рта прилипшую к губе сигарку, щурясь одним глазом от дыма, прикладывал

к карте то масштабную линейку, то целлулоидный транспортир — продумывал маршрут. Наконец он назвал четыре пункта, мы их обвели кружками и соединили линиями. Маршрут полета выглядел, как сильно вытянутый с востока на запад ромб: одна вершина у Старобельска, противоположная — у Сталина. Записали под диктовку путевое время и компасные курсы. Общая продолжительность полета оказалась близкой к предельной. Зато мы обойдем стороной все пункты, прикрытые сильным огнем зенитной артиллерии, и аэродромы, где базируются истребители противника. И еще потому путь был так сильно удлиннен, что заход Зуб наметил с запада, откуда противник меньше всего нас ждет.

— Ну как, казаки, с маршрутом все ясно?

— Все ясно, — ответили мы.

Николай Антонович начертил боевой порядок, показал каждому из нас место в строю. Я оказался в первом звене, справа от самолета ведущего. В воздухе буду его соседом.

Сидим в кабинах, ждем сигнала. Который уже раз взгляд скользит по приборной доске, а пальцы нащупывают многочисленные переключатели, краны и рычаги, проверяют правильность их положения. Мой механик Сережа Темнов давно все подготовил к полету и теперь топчется на центроплане рядом с кабиной и зачем-то усердно трет белой тряпкой и без того сияющее бронестекло фонаря.

Слева стоит самолет ведущего. Я вижу, как Зуб неподвижно сидит в кабине, откинувшись затылком на бронеспинку. Неужели и ему не дают покоя тревожные мысли? Нет, наверное, этот мастер штурмовок вражеских аэродромов так же спокоен, как и в тот момент, когда его неожиданно назначили ведущим груп-

пы. Может, и я напрасно волнуюсь? Прилетит в Сталино наш разведчик, а аэродром окажется опустевшим... Или вообще он не долетит туда. Науменко пошлет другого разведчика, и нам еще долго придется томиться в кабинах...

Эти мысли вмиг оборвались вместе с глухим хлопком — над КП с шипением взлетела зеленая ракета, медленно падая и догорая, вычертила крутую дымную дугу. Нам — взлет. В воздухе я быстро пристроился к ведущему — стало спокойнее на душе. Немного прошли по прямой в хорошем строю, и вот уже на консоль левого крыла наползает почти лишенная травяного покрова плешина. Разбегаются маленькие, словно игрушечные, штурмовики, оставляя за собой веера бурой пыли. Мы вслед за Зубом сделали над аэродромом соседей круг, группа другого полка оказалась у нас точно сзади: до чего же ловко ведущий ее подобрал, рассчитав маневр!

Легли на курс, головной самолет начал медленно снижаться, потянул всех нас к земле. Внизу отчетливо видны разбросанные на склонах балок чахлые кустарники. На пустынном железнодорожном разъезде мелькнула будка путевого обходчика — наш исходный пункт маршрута, обведенный на карте кружком. С этого момента начинается исчисление путевого времени до цели.

Мы неслись у самой земли, над бурьянами и оврагами. Я косил взгляд на ведущего. Боковую задвижку фонаря Зуб держал открытой, и мне был отчетливо виден резкий профиль его худощавого, обветренного лица. Кожаный шлем туго обтягивал голову, очки подняты на лоб. Вдоль щеки ослепительно белела полоска шелкового подшлемника, подчеркивая загар. Зуб сосредоточенно выполнял привычную для него рабо-

ту: то наклонится к карте, то осмотрится вокруг, взглянет на ведомых. Кажется, что мы летим не на опасное задание, а на полигон. Лишь кургузые немецкие грузовики, промчавшиеся по дороге, напомнили о действительности: мы за линией фронта, здесь противник.

Ведущий посмотрел в мою сторону, поднял руку, сделал знак ладонью — словно поманил. По радио — ни слова, как договорились перед вылетом, чтобы не подслушал противник. Жест понятный — я сократил дистанцию. Зуб показал большой палец — хорошо!

Над перекрестком дорог самолет ведущего плавно накренился влево, меняя курс. Впереди на горизонте поплыли мрачные конуса похожих на египетские пирамиды терриконов, и низкое солнце теперь засветило в лицо. Зуб начал пристально вглядываться вперед, козырьком приставляя к глазам ладонь. Полет против солнца, когда впереди почти ничего не видно, показался долгим. Наконец еще разворот — и солнце начало уходить по правому борту к хвосту. Курс на восток — значит, скоро атака. Летим над черным перепаханным полем, я уже потерял точное представление о том, где мы и когда будет цель. Зуб снова повернул лицо, показал большой палец — решил приободрить. Через минуту он легонько качнул крыльями (это команда «внимание») и начал заметно уходить вперед. Я сдвинул вперед сектор газа, чтобы не отстать, остальные тоже увеличили скорость. Впереди показалась лесозащитная полоса, а за ней желтое здание. Окна его под крышей поблескивали в лучах низкого солнца, словно вспышки орудий. Самолет ведущего потянул всех на высоту. Я перевел взгляд на землю и оцепенел: вблизи желтого двухэтажного здания сгрудилось с полсотни двухмотор-

ных бомбардировщиков; между ними стоят пузатые бензозаправщики с длинными шлангами, протянутыми к самолетам, мечутся люди. А с другого конца аэродрома, навстречу нам, разбегаются два «мессершмитта».

Самолет Зуба уже опустил нос, от него заструились дорожки нацеленных на землю трасс. Передний «мессер» резко крутнулся, запахав крылом по бетонной полосе, задний тут же наскочил на него, рубя кабину вращающимся винтом...

Все это произошло в какой-то миг, когда у меня еще не прошло оцепенение. Нос моего штурмовика тоже оказался направленным вниз, на группу бомбардировщиков. Я припал к прицелу, навел вздрагивавшее перекрестье на первый попавшийся самолет со стоящим рядом заправщиком, надавил на гашетки — сорвались «эрэсы», побежали трассы, и внизу рвануло огнем: бомбардировщик пополз юзом в сторону, странно присел, подняв одно крыло.

Почувствовав силу своего оружия, я продолжал строчить длинными очередями, полосую скопище стоящих впритык друг к другу бомбардировщиков и стараясь в оставшиеся до сближения с землей секунды выпустить как можно больше снарядов.

Высота потеряна, бомбы сброшены. Выровнял самолет так низко, что отчетливо увидел огромные черные кресты с белой окантовкой, пробоины на крыльях и в фюзеляжах вражеских самолетов.

А где же ведущий? Я зашарил глазами — впереди и выше в разрывах зенитных снарядов размашисто плыл с переменными кренами штурмовик. Самолет Зуба я сразу узнал по почерку — так он летел со мной в Морозовскую — и тут же услышал его высокий, но спокойный голос:

— Повторная атака, повторная атака...

Мы потянулись за ним на высоту, в забрызганное лохмами черного дыма небо. Бьют зенитки, внизу рвутся бомбы, полыхают самолеты, а штурмовики, сделав круг, снова один за другим опустили носы, лихорадочно отплеываясь острыми языками пламени, мелькавшими у концов пушечных и пулеметных стволов. И снова, как и при первой атаке, не осталось места для какой-либо другой мысли, кроме одной — тоненькой, как кончик ниточки, нацеленной в ушко швейной иглы: «Попасть, попасть...».

— Сбор, сбор... — слышится голос ведущего, и снова виден впереди размашисто маневрирующий самолет. Ведомые, растянувшиеся во время атаки, быстро сблизилась с вожаком и идут вслед за ним вниз, к самой земле.

Ровно работает мотор, тихо потрескивает в шлемофонах. Зуб молчит. Отодвинул боковую задвижку фонаря. Опять хорошо виден его спокойный профиль с белой полоской шелкового подшлемника на темной щеке. Он снова то поглядывает на карту, то бросает взгляд на своих ведомых. И так хочется, чтобы он еще раз показал большой палец...

С задания вернулись все. Генерал Науменко выслушал доклад Зуба, стал ждать донесения разведчика-контролера, посланного за нами для проверки результатов штурмовки.

Вот оно и донесение: более двадцати сожженных бомбардировщиков да еще два «мессершмитта», которых Зуб успел подсесть на взлете.

После обеда Зуб отозвал в сторонку своих ведомых.

— Пойдемте на травке полежим, — сказал он. Мы расположились поудобнее, закурили.

— Давайте восстанавливать в памяти, что заметили по маршруту. Ты запомнил, — обратился он к Артемову, — как над кукурузным полем пролетали?

— Запомнил, конечно...

— А что там было приметного?

— Да вроде бы ничего особенного... Большое кукурузное поле зеленое...

— А людей там не заметил?

— Женщины платками махали, — подсказал Ворожбиев.

— Правильно, махали, — одобрительно сказал Зуб. — А сколько их там было?

— С десятков, наверное... — ответил Ворожбиев. Не один Ворожбиев заметил этих женщин, видел их и я, но посчитать не успел.

— Их было семь, — сказал ведущий. — А грузовики, что на дороге попались, видели?

— Видели, видели, — ответили наперебой.

— Сколько их было, и куда они следовали?

У нас опять заминка: в подсчете машин расхождения были небольшие, а вот дорогу, по которой они ехали, не каждый указал на карте правильно. В Донбассе много дорог, их легко перепутать. Один сказал — на Дебальцево, другой — на Горловку...

— Надо научиться фотографировать глазами, — заключил тогда ведущий.

Для того чтобы лучше запоминать детали, Николай Антонович придумал «игру в предметы».

— Желаящие играть — ко мне, — объявлял он на досуге. Мы группировались на одном краю стола, а Зуб на противоположном выкладывал из карманов зажигалку, расческу, перочинный нож, папиросы, карандаш... Несколько секунд мы смотрели на разложенные предметы и по команде отворачивали голо-

вы. Потом начиналось самое интересное — отгадывание.

Поначалу мы путались, а со временем стали более наблюдательными и ответы так и сыпались:

— Нож не на том месте, он лежал рядом с карандашом!

— Папироса теперь повернута к нам мундштуком!

— Исчезла расческа!

Веселая и полезная это была игра — она давала нам разрядку и тренировала зрительную память.

...Зуб не любил лихачества в воздухе. Он исключал из полетов все, что было рассчитано на внешний эффект и лишено тактической целесообразности. У него все было подчинено лишь одной задаче — при минимальных средствах добиться максимального результата штурмовки. Он был противником громоздких боевых порядков, сложных перестроений в воздухе и как ведущий строил маневр, думая о тех, кто идет с ним рядом и позади. Поэтому ему удавалось внезапно вывести самолеты на цель с наивыгоднейшего направления, а после атаки быстро собрать группу в четкий строй. И уж истребителям противника не доводилось поживиться легкой добычей — отставшими одиночками, за которыми они охотились специально.

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Как-то в жаркий июньский день я повел группу на штурмовку аэродрома. Аэродромы — цель очень сложная: они далеко за линией фронта. К тому же район, над которым нам предстояло лететь, был густо населен, и все населенные пункты были забиты вражескими войсками. Значит, нужно обходить их стороной, чтобы нас не обнаружили задолго до цели, и лететь надо как можно ниже. Ориентироваться в таких условиях очень трудно. Выручает компас.

...Летим бреющим — на высоте до 25 метров. Я часто поглядываю на компас, часы, карту, потом — на землю и на ведомых. Радуюсь, что опознаю опорные ориентиры, помеченные на карте перед вылетом, и что время их пролета точно совпадает с расчетным. Какая умная штука компас! Не доверяйся своему чувству, когда тебе вдруг покажется, что ты уходишь в сторону от намеченной на карте линии пути. Верь компасу — и он приведет тебя куда нужно, — только веди правильный счет путевому времени, и тогда не потеряешь ориентировку. Страшная вещь — потеря ориентировки... Еще задолго до войны я испытал, что значит заблудиться в полете. Именно тогда я доверился чувству, а не компасу.

Я возвращался один на У-2 из Пятигорска в Нальчик. Погода была отвратительная. Пробившись через

затянутые пластами тумана проходы между горами Бештау, Змейкой и Машуком, я вырвался наконец на степной простор, но и над равниной низко висела сплошная пелена облаков — будто натянутое солдатское одеяло.

Полет над железной дорогой с курсом на Прохладную был однообразным. От скуки я решил потренироваться вслепую, вне видимости земли и горизонта. Зашел в облака, назначив себе десять минут слепого полета. Эти минуты мне показались бесконечно долгими... Тогда я не удержался от соблазна подправить показания компаса: мне чудилось, будто самолет все время отклоняется от курса вправо. Время наконец истекло, я вышел под облака — но... не увидел ни железной дороги, ни ожидаемого населенного пункта. Начал беспорядочно метаться в разные стороны в поисках ориентира. Внизу была безлюдная степь: ни хутора, ни живой души... Немного успокоившись, взял какой-то курс и пошел по компасу, куда прямая выведет. Летел долго, пока не вышел на какую-то железнодорожную станцию. Увидел на буграх нефтяные вышки. Куда же это меня занесло? Попытался, снизившись, прочитать наименование станции на вокзальной вывеске — безуспешно. День был на исходе, бензин в баке тоже. Решил садиться и восстанавливать ориентировку самым надежным методом — опросом местного населения... Вдали от станции на ровном поле паслось стадо коров. Полетел туда, сел. Пастухом оказался сухонький старик. Мне было стыдно признаваться, что я заблудился, — и разговор я начал издали:

— Не найдется ли у вас, дедушка, закурить? — будто только потому и приземлился, что оказался без

курева. Другого повода завязать непринужденный разговор я не придумал.

Закурили. Какие только разговоры я не заводил с пастухом в надежде на то, что он назовет хоть какой-нибудь населенный пункт в этой окрестности. Собеседник говорил охотно и о чем угодно, но только географии, как назло, не касался. Время меня, однако, поджимало, я начал терять терпение и наконец, будто из простого любопытства, спросил его: «А вы, случайно, сами не из этой деревни будете?» — и показал в сторону железнодорожной станции.

— Не деревня это, а город Моздок! — обиделся старик. У меня под шлемом волосы зашевелились: я оказался настолько далеко от Нальчика, что со своим запасом бензина уже не мог туда долететь. Дело закончилось тем, что пришлось давать телеграмму. Горючее мне доставили на другой день самолетом, и с тех пор я и зарубил себе на носу: верь компасу!

...Выдерживая курс на Артемовский аэродром, мы пролетели над глубоким оврагом. Впереди на горизонте возвышался холм. Судя по времени, за ним должна быть наша цель. А вдруг мы уклонились в сторону? От такой мысли меня будто жаром обдало: «Верь компасу!» Разгоняюсь, косясь на ведомых, — они рядом. Под самолетами подвешены выливные приборы с гранулированным фосфором. Чтобы поджечь самолеты противника, приборы эти нужно открыть на очень малой высоте, иначе огненный дождь погаснет, не достигнув земли: фосфорные шарики при падении быстро сгорают в воздухе. Перед самым холмом я чуть подбираю ручку, и перегруженный штурмовик плавно идет вверх. Все шире панорама, и вдруг взору открываются стоя-

щие в два ряда бомбардировщики. Почти прямо по курсу. Значит, вывел группу на цель!

Сейчас атака... Я начал опускать нос штурмовика, и тут что-то оглушительно хлопнуло, самолет тряхнуло, он резко накренился, — в правом крыле зияет дыра. А руки и ноги действуют рефлекторно. Крен убран, штурмовик продолжает послушно снижаться. Перебоев в моторе не слышу. Впился глазами в наплывающий на сетку прицела бомбардировщик с крестами. Из-под крыльев моего штурмовика рванулись к нему «эрэсы», заработали пушки и пулеметы. Очередь, вторая, бомбардировщик вспыхнул. А земля уже близко. Вывод из пикирования, нажатие на кнопку, мгновенный взгляд назад. Мои ведомые несутся с огненными хвостами горящего фосфора, словно сами пылают. Белый дым окутал стоянки самолетов...

Впереди, где кончается аэродром, стеной стоят высокие сосны. Капот моего штурмовика ниже их вершин. Делаю «горку», и тут же снарядом ударило по мотору, в лицо, как из пульверизатора, полетели водяные брызги. Я сбавил обороты, чтобы не перегружать поврежденный двигатель, скорость резко уменьшилась. Мои ведомые один за другим проскочили вперед, и вскоре я потерял их из виду. Стрелка давления масла медленно двигалась к нулевой отметке, а температура воды неумолимо росла: были повреждены маслопровод и система охлаждения. Мотор скоро заглухнет, а лететь до линии фронта еще более пяти минут... Пока мотор кое-как еще тянул, я набрал немножко высоты, чтобы можно было спланировать на подходящее место, когда двигатель откажет. Лобовое бронестекло помутнело, впереди ничего не видно. Очки забрызгало маслом, сдвинул их на лоб. Смотрю через открытую боковую форточку, от

потока воздуха слезятся глаза. Лечу уже совсем низко, мотор все еще живет, хотя работает натужно, на «последнем дыхании». Но с каждым оборотом винта все ближе к линии фронта. Затеплилась надежда: может, дотяну до своих? Высота уже два-три метра, скорость критическая, самолет плохо слушается рулей. Наконец заглох двигатель. Мелькнула мысль: «На фюзеляж или на колеса садиться?» — а рука уже рванулась к рычагу выпуска шасси. Два характерных толчка — вышли колеса, и штурмовик со скоростью более ста километров в час покатился под уклон по каменистому грунту. И вдруг — треск: самолет рухнул на фюзеляж и со скрежетом пополз...

Тишина. Поднятая пыль на время скрыла высокое солнце. Я сдвинул назад фонарь кабины. Легкий ветер медленно относил пыль в сторону. «Где же я приземлился? У своих или у немцев?». Вижу, что впереди, метрах в двухстах, стоит сильно накренившаяся металлическая опора высоковольтной линии с повисшими обрывками проводов. Около самолета голое место, лишь впереди, недалеко, островок высокой травы с метелками желтых цветов. И тут длинная пулеметная очередь вспорола тишину. Пули зацокали за спиной по бронеплите, а я пригнул голову к коленям. После короткой паузы очередь снова резанула по дюралевой обшивке крыла рядом с кабиной. Пулемет бил откуда-то сзади, с близкого расстояния. Методически через равные промежутки он посылал одну очередь за другой. Остаться в кабине было опасно — добьют. Лучше уж лежать на земле, за мотором. Не поднимая головы, я приготовился к прыжку. Жду следующей очереди. Опять полоснуло. В одно мгновение я выскочил из кабины и распластался на земле. Теперь затрещали и автоматы. Значит, меня заметили...

Я прижался к горячей броне мотора у покореженной лопасти винта. Стреляли только сзади, значит, надо ползти вперед, чтобы скрыться в траве. Но свист пуль словно приковал меня к земле, и я не мог себя заставить пошевелить рукой. Мною овладело чувство обреченности — я положил подбородок на сложенные перед лицом ладони и бездумно уставился в одну точку. А все вокруг было освещено солнцем, цвела степь. Перед глазами покачивалась былинка, и по ней как ни в чем не бывало неуклюже ползла божья коровка. Добравшись до самого верха, она расправила крылышки и поднялась в воздух. Я повернул голову вслед за ней — в поле зрения что-то блеснуло, — я вздрогнул. Нет, это не вспышка выстрела, а какой-то мягкий блеск. Что бы это? Снова медленно повел головой в ту сторону — опять блеснуло. Наконец я увидел совсем близко — рукой дотянуться — небольшой светло-коричневый камень с шершавой поверхностью и почти зеркальной гранью на сколоте ребре. Такие кремни мы собирали в детстве, чтобы куском напильника высекать огонь. Сколотая пулей или осколком грань кремня блестела на солнце. Я взял камень, ощущая ладонью его тепло, сунул его в карман. Подумал: «Кончится война, он будет лежать у меня на видном месте. Дам его граверу, чтобы на сверкающей грани сделал надпись: «21 июня 1942 года», — это будет дата моего второго рождения. Я расскажу историю об этом камне моим детям, которых у меня еще нет, но которые, конечно, будут...»

Эти мысли вывели меня из оцепенения. Пулемет продолжал строчить, и я взвел пистолет. В это время сверху что-то странно зашелестело... Я припал лицом к земле, закрыл глаза — жажнуло где-то позади штурмовика. Пулемет умолк. Я догадался, что это бьет

наш миномет, бьет оттуда, где стоит покосившаяся опора высоковольтки. Надо ползти в ту сторону, и скорее, пока пулемет молчит... Выглянул из-за мотора. Конечно же, пулемет строчил с холма, с «господствующей высоты». Пополз по-пластунски, прильнув всем телом к земле, работая локтями, коленями, носками сапог. Наконец-то добрался и до того островка травы, который заметил еще из кабины, — но за травой не видно, что делается вокруг. А если фрицы где-то близко и тоже вот так хитроумно ползут, чтобы сцапать меня? Поднял голову из травы — щелчок по голове, что-то звякнуло. Припал к земле, провел рукой по шлему — в палец впился осколок стекла. Сдернул шлем с головы — стекла очков выбиты начисто. Шальная пуля? А может быть, и снайпер засек по блеску очков? Я отшвырнул шлем в сторону.

Долго еще я полз от одного островка травы к другому, пока не оказался у опоры высоковольтки. Теперь путь преградила спираль Бруно — огромный моток колючей проволоки. Ее не перепрыгнуть даже с разбегу, а мне нельзя и головы поднять... Полз вдоль спирали, там отыскалась большая дыра, пробитая снарядом: я пролез через нее и тут окончательно выбился из сил. Взглянул на часы и изумился: над целью были в одиннадцать, теперь тринадцать. Неужели же эту полосу — от самолета до опоры, каких-нибудь две сотни метров, я одолевал два часа? И тут же кольнула тревожная мысль: полз к своим, а куда попал? Ведь траншеи на переднем крае извилисты, нет ли в этом месте коварного «мешка»? В том месте я долго лежал, пристально всматриваясь в каждый бугорок, в каждый куст травы, и чутко прислушивался к редкой перестрелке. Миномет уже давно не бил, лишь изредка хлопнет одиночный выстрел, свистнет пуля. Иногда

чиркнет о бугорок и рикошетом отскочит вверх маленькой светящейся точечкой... А потом я сделал открытие. Присмотрелся хорошенько, и оказалось, что тот самый продолговатый бугор, о который задевали пули, — замаскированный бруствер окопа. Из-за этого бруствера изредка показывается верх каски, и тогда-то раздавался выстрел. «Кто же в окопе — наши или фрицы?» — гадал я.

Размышления эти были прерваны шорохом. Впереди заколебалась трава, потом из нее показалась вылинявшая пилотка. Звездочки на пилотке не видно. Я направил туда взведенный пистолет. Мелькнуло продолговатое темное лицо. Человек полз осторожно, озираясь по сторонам. За ним на ремне волочился автомат. Я прицелился ему в голову, и тут взгляды наши встретились. Человек окаменел. Мне оставалось только нажать на спусковой крючок, а у него автомат сбоку...

Мы молчали, не сводя друг с друга глаз. Потом на лице смуглого человека появилась гримаса, отдаленно напоминая улыбку. Сверкнув золотым зубом, он тихо спросил с каким-то странным акцентом:

— Ты из наших? — и, не дождавшись ответа, добавил: — Давай, — и поманил рукой. «Фриц!» — решил я и зашипел ему: «Не шевелись!..», добавив какое-то многоэтажное ругательство. Это возымело действие, и «противник» затараторил:

— Зачем-таки стрелять?! Я свой, свой!

— Врешь! А где звезда?

— Что ты говоришь за звезду? — задал он мне странный вопрос, будто умышленно тянул время.

— На пилотке.

Человек схватился за пилотку, проворно ощупал ее и перевернул. Теперь я увидел на ней фронтовую

звездочку защитного цвета. На душе отлегло, но подозрения полностью не рассеялись. Удерживая звездочку на мушке, я начал допрос.

— Фамилия?

— Ты хочешь мою фамилию?

— Твою, твою...

— Тогда Бирбайер...

И фамилия похожа на немецкую!

— Откуда родом?

— С Одессы...

Такой ответ меня не обрадовал. Одесса давно оккупирована румынами. Зачем-то я спросил еще:

— Где там жил?

— Так на Бэбэля, тридцать сэмь... — отвечает Бирбайер уверенно и, осмелев, предложил мне ползти впереди него в направлении к брустверу.

— Нет, — говорю ему грубо, — ползи сам вперед, а я тебя буду держать на мушке... В случае чего — разряжу!

Солдат ползет, часто оборачивается, я за ним, будто конвоир. Мы подползаем к брустверу траншеи сбоку, уже видны солдаты в касках. Ближний к нам — с большим круглым лицом, курносый — ухмыляется, рот до ушей. Он манит меня рукой и тихо подбадривает:

— Давай, давай, летчик, только головы не поднимай да зад пониже!

Я нырнул в траншею, как морж в полыню, и первым делом из протянутой кем-то фляги глотнул теплой воды. Потом закурил махорки.

В откопанной под бруствером нише сидел на корточках белобрысый солдатик в сапогах с широченными голенищами, с привязанной к голове телефонной трубкой. Косясь на меня, он усердно крутил ручку по-

левого телефона, тихо вызывал какую-то «Акулу». Меня одолевал расспросами круглолицый:

— А как страшнее летать, товарищ лейтенант, когда выше али ниже?

— Ниже безопаснее, — ответил я ему с точки зрения нашей тактики, но от темы о страхе уклонился. Ползая по земле-матушке, я этого страха натерпелся.

— А што ж вы, товарищ лейтенант, так низко летели, что даже в немецкую траншею угодили?

— А разве там траншея?

— Первая...

Теперь до меня дошло, что приземлился я у противника, а колеса снес о первую немецкую траншею.

— Что ж это вы головы высовываете из траншеи под немецкие пули? Разве не страшно? — спросил я.

— Это мы на палке приманку показываем, — кивнул он на валявшуюся и продырявленную во многих местах каску. — Снайпера ихнего дразнили, чтоб наш его с другой позиции усек...

Белобрысый солдатик торопливо сдернул с головы телефонную трубку и, протягивая ее мне, сказал: «Комбат!» В окопе все мигом стихли, словно телефонист добился связи с самим командующим фронтом, а то хватай и выше. Низкий голос загудел в трубке:

— Здравствуй, сталинский сокол! Как самочувствие?

— Самочувствие в норме! — ответил я по возможности бодро.

— Ну ждем тебя...

И тут только я подумал: «Хорош же «сокол» предстанет перед комбатом: одежда изодрана в клочья, локти и колени кровоточат...».

Согнувшись, мы с сопровождающим двинулись по ходу сообщения, спускавшемуся в овраг.

В глубокой балке оказалось настоящее пещерное поселение. В круче были отрыты землянки, входы завешены плащ-палатками. Солдаты снимают с сучьев засохшего дерева котелки, спешат к дымящейся полевой кухне — котлу на колесах с высокой трубой — как первый паровоз Стефенсона.

У входа в блиндаж, куда меня привел сопровождающий, стояли двое и еще издали улыбались, как давнему знакомому. Тот, что повыше ростом, с сильно скошенными огромными плечами, с тремя квадратами в петлицах, пробасил: «Комбат Мисаров». Другой, что дольше тряс мне руку, назвался старшим политруком Мураховским. Пригласили в блиндаж.

Два топчана, из неотесанных досок столик. На стене портрет вождя¹ в кителе военного образца и лозунг: «Наше дело — правое, враг будет разбит».

«Прочно обжились тут наши пехотинцы», — подумал я.

Комбат позвонил: «Люду ко мне!» Вскоре появилась блондинка с детским лицом и пухлыми губами. В руках санитарная сумка, пилотка лихо сдвинута набекрень, ладно сидят на стройных ножках сапоги, широким ремнем перетянута муравьиная талия. Над левым карманом гимнастерки не висела, а покоилась почти в горизонтальном положении медаль «За отвагу». Поведя голубыми глазищами и неумело козырнув вывернутой вперед ладонью, она доложила о прибытии. Мне подумалось: «И на переднем крае, оказывается, красавицы водятся, да еще какие!»

— Ну-ка обработай быстренько летчика, — сказал ей с улыбкой Мисаров.

¹ То есть Сталина.

Сестричка проворно управилась с моими коленями и локтями и удалилась. Шустрый Мураховский извлек флягу, обшитую шинельным сукном, вскрыл финкой банку тушенки, которую повсеместно называли не иначе как «второй фронт», хотя его все еще не было. Поставил на стол кружку, котелок с водой.

— Зарядись, летчик, с дальней дорожки. Разбавляй по вкусу сам. Спирт медицинский, для гостей держим, — не без гордости сказал он.

— Я потом запью, — сказал я храбрясь.

Выпил обжигающую жидкость и на выдохе выпалил свое звание и фамилию, а потом уже приложился к котелку с водой. Этот «номер» произвел надлежащее впечатление.

— Оказывается, летчики умеют! — подмигнул Мураховский своему невозмутимому комбату. Тот согласно кивнул, пробасив:

— Малость умеют...

От комбата и комиссара я узнал подробности моей посадки. Наблюдатели на передовой заметили мой штурмовик, летевший у самой земли. Видели и посадку. Шасси я действительно оставил в первой траншее немцев. Самолет после этого прополз на фюзеляже еще метров пятьдесят. Если бы перед приземлением я шасси не выпустил, то остался бы по ту сторону линии фронта... От немецкой первой траншеи до нашей — около двухсот метров. Позади распластавшегося штурмовика — населенный пункт Нырково, и совсем близко от места посадки высота 210,8. Та самая, с которой по мне бил крупнокалиберный пулемет.

Когда наблюдатели доложили комбату, что летчик выпрыгнул из кабины, тот приказал минометной бата-

рее подавить начавший бить по мне крупнокалиберный пулемет. А потом вызвал разведчиков и поставил задачу:

— Найти летчика, а то подорвется на минных полях!

Вызвалось пять добровольцев. Долго ползали они по нейтральной, но меня не нашли, и лишь солдат Бирбайер, находившийся в боевом охранении, столкнулся со мной.

— Придется Бирбайера к ордену представить, — сказал комбат комиссару. — Ведь обещали представить к награде того, кто найдет летчика.

— Так он же сам вроде бы в плен попал! — засмеялся Мураховский, по всему видно, большой шутник.

— А не пролетали ли здесь штурмовики перед моей посадкой? — задал я давно приготовленный вопрос.

— Пролетали, — ответил комбат. — С шумом-треском. Даже зацепили первую роту малость.

Догадываюсь: если «с шумом-треском» да «зацепили» — значит, стреляли по своим. Но в это даже верить не хотелось.

— Разве они стреляли? — спросил я комбата.

— Да так, самую малость...

Я уже заметил, что слово «малость» было у комбата ходовым, и оно у него имело несколько значений.

— А ничего они тут не натворили?

— Ерунда... Лошадь-водовозку уложили, да двух ротозеев царапнуло осколками малость. Люда их работала, в строю остались.

У меня не укладывалось в голове, как это мои ведомые смогли допустить такую оплошность? Решил оправдать своих ребят:

— Неопытные еще, по званию всего лишь сержанты, полетели кто по первому, кто по третьему разу. Зато аэродром они отменно разделали!

— Да ерунда все это, летчик, — махнул рукой комбат. — У нас полковая артиллерия и та ошибается. Нет-нет, да накроет малость. А с самолета сам бог велел. На такой скорости разберись, какая там траншея наша, а какая немецкая... А конягу тем более не распознать — чья она, формы ведь не носит. Молодцы, молодцы, летчики, — хвалил нас комбат без меры, посылая с конца финки в рот очередную порцию «второго фронта». — Почаще бы вы только их утюжили. Редко появляетесь...

— Кушай, кушай, летчик, — потчевал Мураховский. — Видно, ты в рубашке родился. На что вон разведчики: каждый кустик и бугорок знают на нейтральной, а тоже иногда на минах подрываются...

— Я-то в рубашке, а вот штурмовика нет. Явлюсь теперь я в полк на своих двоих... Жалко самолет.

— А дорогая эта штука? — спросил комбат о самолете.

— Полмиллиона, не меньше, стоит. — Об этой астрономической сумме я узнал от военпреда на авиационном заводе и сам тогда поразился. С тех пор меня не покидала мысль, как дорого стоит самолет, и в тылу, где живет не сладко, люди вносят личные сбережения на их постройку, чтобы скорее победить. На фронте часто случается так: полетел в первый раз — и сбили. Вот и мой штурмовик, еще и не сильно изношенный, лежит теперь на нейтральной полосе. Если бы его оттуда вытащить! Заменят мотор, подлатают, и будет еще летать... Я высказал эту мысль.

— А сколько он весит? — живо поинтересовались мои собеседники.

— Чуть больше пяти тонн...

— Если попробовать танком, то, пожалуй, на буксире можно вытащить...

Этой же ночью пехотинцы решили провести операцию по спасению самолета. Комбат куда-то позвонил, просил прислать «коробочку». Обещали. Нашелся и буксирный трос нужной длины — толстый провод от высоковольтной линии. Разведчики-добровольцы вызвались ползти с этим проводом к самолету, чтобы закрепить один конец.

— А за что его там привязывать? — спрашивают меня.

Объясняю, что можно намотать на винт. Лопастей сейчас изогнуты, не сорвется...

Танк прибыл поздно ночью («Блуданул малость», — сказал комбат). Танк осторожно подполз к самому краю оврага, заглушил двигатель. Скрылись в темноте разведчики. Мы с комбатом пришли в первую траншею. Была теплая звездная ночь, сильно пахло чабрецом, стрекотали цикады. Со стороны Ныркова, где сидел противник, доносились звуки губной гармошки. Какой-то немец наигрывал нашу «Катюшу»¹...

— Это в Ныркове веселятся, — пояснил комбат. Если бы не редкая автоматная стрельба, то трудно было бы поверить, что здесь идет самая настоящая война.

С той, с немецкой, стороны послышался голос:

— Рус Иван, сдавайся!

— А ... не хочешь, вшивый фриц? — послышался ответ с нашей стороны.

¹ Весьма популярная в предвоенные годы песня о девушке, которая ждет домой парня-пограничника.

Тут же одна за другой рванули две очереди, и навстречу друг другу стремительно пронеслись две трассы: красная и зеленая. Я присел. Комбат пояснил:

— Это от разведчиков отвлекают. Может, у них сейчас тоже ползают...

«Вот, оказывается, какая она, война на переднем крае», — изумился я, стоя с комбатом в первой траншее.

...Разведчики вернулись к часу ночи, недовольные. Трос привязать не удалось. У штурмовика уже раньше поорудовали немцы. Пошарили в кабине, а потом уползли восвояси. Тут же засветили немецкие ракеты, и по самолету прямой наводкой начало бить орудие. Разведчики едва унесли ноги.

Долго и методически била пушка. Потом в темноте вспыхнуло. Отблески пламени осветили распластанные на земле крылья. Через какое-то время раздался треск охваченных огнем пулеметных патронов. А когда высокое пламя начало лизать кабину, в черное небо взвилась красная сигнальная ракета — одна из тех, что была в кармашке у левого борта, рядом с ракетницей. Сжимая в руке осколок кремня, я смотрел, как догорал мой самолет...

Через двое суток я, обшарпанный и усталый, сошел с попутного грузовика. Побрел напрямик по бурьянам к своему аэродрому. Издалека видел капониры и стоящие под маскировочными сетями штурмовики. В стороне, возле холма, — люди. Это летчики, ожидающие получения задачи. А холм — насыпь над землянкой, КП нашего полка.

Летчики смотрят в мою сторону. Узнаю Колю Дорогавцева, Женю Ежова, Федю Артемова, Ваню Бойко. Я улыбаюсь им, а они смотрят так, будто я им чужой.

Никто даже навстречу не идет. И только тогда, когда до них оставалось несколько шагов, сорвался с места Холобаев, подбежал, встряхнул за плечи, пристально посмотрел в глаза, крепко обнял. У меня навернулись непрошенные слезы.

А в полку я узнал новость: никто из моих ведомых с боевого задания не вернулся. Я рассказал, что они перелетели через линию фронта, — и тогда послали запросы во все концы. Ведомые нашлись: кто в Сватове, кто в Старобельске, кто в Половинкине... Расселись поодиночке. В полк они приехали на попутных машинах, а самолеты их перегнали более опытные летчики.

Один из моих ведомых, веснушчатый Лебедев, поведал мне: «Вас сбили, а мы полетели дальше. Передатчика ни у кого нет, летим молча. Выйти вперед на место ведущего никто не решился. Потом начали расползаться: кто отвернул вправо, кто влево, кто продолжал лететь прежним курсом. Я долго летел один. Увидел аэродром — обрадовался, пошел на посадку. Выпустил шасси, закрылки. Смотрю — стоит самолет, на крыльях кресты! Сунул форсаж, мотор чихнул, чуть не заглох, но все-таки забрал. Несколько залпов зенитки вдогонку дали. Решил лететь строго на восток: поставил компас на заветную букву «Е». Буду, думаю, лететь с таким курсом, пока горючка есть. Вижу — опять аэродром. Посмотрел внимательно — стоят самолеты с красными звездами. Значит, наш! Когда уже сел, узнал, что это Сватово».

Этот полет приходит мне на память каждый раз, когда я смотрю на камень, лежащий у меня перед глазами. Надписи на его сколотом ребре нет: у граверов не

оказалось таких резцов, которые смогли бы одолеть его твердость. Иногда, после очередной генеральной уборки, когда вытирают пыль, этот камень исчезает, и я начинаю его искать. Дочка как-то по неведению вынесла его на улицу для какой-то игры... А сын-старшеклассник знает эту историю с камнем во всех подробностях, но она давно уже перестала его интересовать...

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Весной и летом сорок второго года наши войска, действовавшие на юге, вновь подверглись суровым испытаниям. В начале мая потерпел крупное поражение Крымский фронт, потерпело неудачу наше контрнаступление под Харьковом, нависла угроза окружения войск Южного фронта, оборонявшихся в Донбассе. Противник рвался на Кавказ...

Наш полк оказался за Доном около станицы Казьминской. Мы летали бить переправы, которые противник наводил у станиц Николаевской и Константиновской. Обстановка напоминала июнь сорок первого года, когда полк штурмовал переправы на Березине. И наши потери были не меньше, чем тогда.

Кожуховский читал нам приказ народного комиссара обороны № 227 от 28 июля. Слова, как камни, падали на сердце: «...Враг бросает на фронт все новые и новые силы... Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ... Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск... покрыв свои знамена позором... Население нашей страны теряет веру в Красную армию... Пора кончать отступление... До последней капли крови защищать каждый метр советской территории...

Паникеры и трусы должны истребляться на месте... Ни шагу назад!»

Мы — тоже частичка войск Южного фронта.

Бить вражеские переправы через Дон мы летали малыми группами, на бреющем, без прикрытия истребителей. Били переправы, но видели большие колонны противника уже на южном берегу. Майор Холобаев внушал молодым летчикам:

— На Березине не такое было... Мы на фронте стрелять и бомбить учились, а вы летали на полигон, стреляли по мишеням, знаете, как целиться... У вас приличный налет на «илах». К тому же вы теперь гвардейцы — вам и задачи гвардейские. Эту переправу вы должны разбить! Покруче пикируйте, с меньшей высоты бросайте бомбы — лягут там, где нужно.

Только что пришедшая в часть молодежь не сводила глаз с человека, который был для них живой историей полка. У Холобаева теперь уже не белая прядь волос над правой бровью, как год назад в Старом Быхове, а поседевшая грива. Он то и дело откидывает ее со лба пятерней. Одну руку он держит на грелке, спрятанной под гимнастеркой, — беспокоит большой желудок.

Константин Николаевич сидит в окружении молодых летчиков и темпераментно напутствует:

— Никогда не показывай противнику, что летит молодой сержант. Фриц знаков различия не видит, удостоверение личности не просит. Атакуй его нахально, дерзко... Тогда он подумает о тебе: «Это летит ста-а-арый волк!» — и Холобаев сам становился похожим на матерого зверя...

Из тех, кто начинал войну в Старом Быхове, уже почти никого не осталось. Подполковник Гетьман ко-

мандует дивизией, майор Холобаев назначен на должность командира полка. В госпитале все еще заживают тяжелые раны Николай Смурыгов и Виктор Шахов, лишившийся обеих ног. Теперь трудную эстафету от ветеранов приняли уже успевшие похвастаться Петр Руденко, Евгений Ежов, Федор Артемов, Иван Бойко, Михаил Ворожбиев, Владимир Зангиев. Выдвинулись в ведущие Михаил Талыков и Леонид Букреев. Это ему, действовавшему по «рецепту» Холобаева — покруче пикировать да с меньшей высоты бросать, — удалось в первом же боевом вылете влететь бомбой прямо в мост.

В те тяжкие дни у нас часто появлялись военные корреспонденты армейской газеты «Крылья Советов». Сколько хорошего и поучительного они напечатали о летчиках и техниках в рубрике «Трибуна боевого опыта», как умело, нужным словом укрепляли веру в победу! В газете появилась статья, в которой Букреева называли «мастером бомбежки переправ», и Леня после этого уверовал в то, что любая боевая задача ему по плечу.

Под Ростовом майор Холобаев ставил мне и двум моим ведомым — сержантам Николаеву и Кладько — боевую задачу: разбить понтонный мост на Дону у станицы Николаевской. Задача ясна, но как ее выполнить? Сержанты полетят впервые, трех самолетов для этого мало, истребителей для прикрытия не будет... А ведь известно, что над Николаевской с утра до вечера патрулируют «мессеры» и зениток там полно...

Слушая Холобаева, я считал нас обреченными, и от этого под ложечкой гулял холодок. Пытался чем-нибудь отвлечься. Мне даже пришла в голову та-

кая несуразная мысль: «Николаевскую переправу будет бомбить сержант Николаев. А вдруг такое совпадение ознаменует удачу и Николаев в первом же боевом вылете зарекомендует себя мастером, как и Леонид Букреев?» Размышлял я в таком духе, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Я не верил в разные предзнаменования и приметы, поэтому на фронте бороды не отпускал, брился ежедневно, не признавал ни понедельников (тяжелый день!), ни тринадцатых чисел. Больше того, по тринадцатым числам мне частенько даже везло в боевых делах, и это немало удивляло некоторых летчиков.

Мы трое стояли перед командиром полка, и я думал: «Неужели он сам уверен в успехе? Едва ли... Он получил приказ из дивизии — немедленно поднять в воздух те силы, которыми полк сейчас располагал. Наверняка и возражал, я уверен, что даже ругался в телефонную трубку, но ему строго приказали: «Выполнять! Ни шагу назад!» Вот поэтому и стоит перед нами Холобаев такой сердитый, распаленный.левой рукой придерживает грелку на животе, а правой сечет воздух перед нашими носами в ритм-словам. Я улыбнулся. Холобаев, заметив, зло зыркнул в мою сторону:

— Емельян! Что это значит?

Холобаев частенько сокращал мою фамилию, когда бывал в хорошем расположении духа, а тут разгневан — и вдруг «Емельян».

Я промолчал. Он, наверное, понял, что я угадываю его настоящие мысли. Он сам мало верил в то, что мы вернемся, но вынужден быть строгим, чтобы у нас не оставалось сомнений, парализующих волю. Поэтому так и рубил...

— Удар нанесете с этого направления, а возвратитесь домой вот так! — царапнул Холобаев ногтем по целлулоиду на планшете. Слово «возвратитесь» он произнес с непререкаемой убежденностью, словно в иной исход полета и поверить трудно.

Сержанты удивленно таращили глаза на командира полка. Еще вчера вечером он терпеливо учил, как важно скрыть от противника свое невысокое воинское звание. Почему же сейчас такой свирепый? Мне стало жаль Константина Николаевича, а не себя. Это хорошо. Когда жалко самого себя, легко поддаться чувству обреченности. Накачка командира помогла мобилизоваться.

— По самолетам!

Мы летим бредущим с курсом на Николаевскую. Ведомые в строю держатся хорошо. «Молодцы ребята!» Под нами притихшая стéпь. Изредка попадаются маленькие селения в одну улочку. Пересекли уже широкие заводи Манычского канала, как раз в том месте, где он разорван перешейком. Справа — плотина, слева — хутор Солёный — идем правильно. Потом под нами мелькнула извилистая, почти пересохшая речушка Сал. До цели осталась треть пути. Снова проносится под нами голая степь. Мы будем выходить на Дон правее переправы, за рекой развернемся на 180 градусов, а удар нанесем с противоположного берега со стороны Николаевской. Так советовал Холобаев...

Все чаще всматриваюсь: нет ли истребителей? Но пока в воздухе чисто. Может быть, все же удастся выскочить на переправу незамеченными? Лишь бы до цели не перехватили...

Впереди зазеленело — это придонские плавни. Видна колонна противника, переправившаяся на юж-

ный берег. Мы должны пересечь ее. Ведомые на своих местах. Предупреждаю: «Противник!» Разгоняемся, увеличивая скорость, проносимся над головами фашистов. Еще минута, и мы выскочим на Дон. Взглянул вверх — ходят три пары «мессеров». А нам пора набирать высоту. Успеть бы отбомбиться до того, как они нас атакуют...

Я подобрал на себя ручку управления, положил самолет в левый крен. Земля будто проваливается. Вижу Дон, на противоположном берегу колокольня, улицы станицы запружены войсками. Перестроился ли вправо сержант Николаев? Оглянулся назад — вижу, штурмовик падает с круто опущенным носом, ударился о южный берег Дона, вспыхнул. Над клубом огня взмыли два «мессершмитта». Сержант Николаев взорвался на бомбах, которые он собирался сбросить на переправу.

Но где же она, переправа? Я не вижу ее. На обоих берегах колонны противника, а ленты понтонов через реку нет. Скользнул еще раз взглядом по водной глади и на миг не поверил своим глазам: на середине реки по воде преспокойно двигаются два грузовика. Мост специально притоплен, чтобы скрыть его под водой! Придется целиться по машинам. Мой штурмовик с левым креном продолжает лезть вверх, внизу — станица Николаевская. Еще чуть повернуть — и можно переводить в пикирование. Зенитки молчат — значит, им мешают свои истребители. А где Кладько? Бросил взгляд направо — моего ведомого уже взяли в клещи две пары истребителей, секут огнем, штурмовик дымит. Но Кладько продолжает лететь за мной... Пикирование. Целюсь по машине. Длинная очередь — рядом с машиной будто вскипела вода. Нажал на кнопку сброса бомб — ощу-

тил под сиденьем четыре коротких толчка. Вывод из пике, снова взгляд назад: там огромный столб воды. Нет и Кладько...

У меня на хвосте сидят два «мессершмитта»! Резкий маневр со скольжением на крыло — к земле... Мой штурмовик буквально стелется над степью. Справа и чуть выше идет одна пара истребителей с белыми крестами на фюзеляжах и окрашенными в желтый цвет тупыми консолями крыльев. Слева — в таком же положении — другая пара. «Мессеры» так близко, что я хорошо различаю фашистских летчиков в шлемах и очках. Поглядывают в мою сторону. Никогда не приходилось видеть их так близко... Пара слева, пара справа — будто почетный эскорт. Эти сейчас не опасны. А где же третья пара? Через маленькое заднее окошечко, закрытое бронестеклом, вижу еще двух. Они уже на одной со мной высоте, передний водит капотом — прицеливается. Я резко сработал рулями. Дымные следы «эрликонов» прошли сбоку, разрывы засверкали на земле перед самолетом. Атаковавшие «мессеры» пошли наверх, заняли место сбоку, а эскортировавшая пара начала отставать — перестраиваются для атаки с хвоста. Мне опять удалось уклониться от очереди, и снова началась смена пар. Перестроения выполнялись немецкими летчиками быстро и четко. Они решили меня добить шутя, будто игру затеяли... Однако я приспособился к этим маневрам: все внимание сосредоточил только на тех, которые заходили с хвоста. Каждый раз, когда они, прицеливаясь, начинали водить капотом, я бросал штурмовик попеременно то в правое, то в левое скольжение, выводя его из крена в считанных метрах от земли. Время работало на меня. Мне удалось оттянуть истребителей на юг от Дона километров на три-

дцать. Самое страшное, что могло со мной случиться, — это упасть на территории, занятой врагом. Теперь хотя бы это мне не грозит.

Очередная атака. Штурмовик снова скользнул вниз с левым креном, и на сей раз «эрликоны» дробно застучали по поднятому крылу. Попытался убрать крен — ручка управления не двигается: снарядами разворотило элерон и заклинило управление. По всем писаным законам техники пилотирования мой штурмовик должен сейчас встретить консолью левого опущенного крыла набегавшую сбоку землю — и я окажусь под обломками... Инстинктивно я двинул вперед до отказа педаль руля поворота — и самолет резко вильнул, опущенное крыло нехотя поднялось. Ни секунды не раздумывая, я выпустил шасси, выключил двигатель, покатился по полю. Еще на пробеге глянул вверх: четверка истребителей повернула к Дону, а атаковавшая меня пара пошла свечой вверх, потом стала в вираж. Нет, оказывается, не просто в вираж — собираются пикировать на меня сбоку. Я успел выскочить из кабины, ткнулся головой к колесу, лег на бок, спиной к истребителям. Грохнула очередь, следом вторая... Что-то потекло под мотором — не то вода, не то бензин бежит тонкой струей. Истребители опять разворачиваются. Добьют они меня здесь...

Пока «мессершмитты» были ко мне хвостом, я сорвался с места и побежал к единственному кусту на поле, отбрасывавшему длинную тень. Бежать неудобно: парашют бьет под коленки, ноги подкашиваются. Упал в тень, смотрю, как истребители снова пикируют. Что это? Неужели успели заметить мою перебежку и целят не по штурмовику, а по мне? Ведущий «мессер» дал очередь, разрывы рванули недалеко от моих ног, вспахав грядку земли. Истребители опять

просвистели над головой. Последний раз «мессеры» спикировали без единого выстрела — израсходовали весь боекомплект. Поджечь штурмовик им так и не удалось.

Мой искалеченный «ил» стоял и будто плакал. Струйка бензина текла из-под капота на сухую, горячую землю. Я освободился от парашюта. Глянул на ранец — он словно мышами изъеден, из многочисленных дыр лезет белый шелк: посекло осколками «эрликонов». Парашют защитил меня от ранений.

По обстановке вижу, что переправившиеся немцы скоро будут здесь. Снял самолетные часы, дулом пистолета разбил приборы, выстрелил в нижний бензобак и зашагал на юг. Думал о Николаеве и Кладько и все вспоминал слова приказа: «Ни шагу назад!» Впереди показался поселок. Два ряда домиков прижались к дороге с обеих сторон. Сориентировался по карте — должно быть, консовхоз № 36. У крайней хаты колодезный журавль. Во рту пересохло, но заходить в поселок я сразу не рискнул. На Дону сплошного фронта нет, и передовые части противника обходили островки нашей ослабленной обороны и оказывались у нас в тылу — это я неоднократно наблюдал с воздуха. На всякий случай снял гимнастёрку, завернул в нее планшет, пилотку, ремень с кобурой. Пистолет сунул в карман, документы — за голенище сапог и зашагал по степи в оранжевой майке.

По дороге к совхозу показалась старушка с подростком. Заспешил им наперерез.

— Куда путь держите?

— А куда старые ноги унесут... — Поправила на голове сбившийся к затылку платок. Повернувшись к Дону, воздела к небу руки, сжала узловатые пальцы в кулаки и, потрясая ими, произнесла: — Нет креста на

них, проклятых! Бомбы и на детей, и на старух у переправы в Цимлянкой бросают, танками давят, из пулеметов бьют... Ироды! Ироды!

Потом ее руки бессильно повисли. Она взглянула на меня.

— Из военных?

— Да... — ответил я односложно. По брюкам и сапогам только, наверное, признала.

— А что ж так? — взглянула на мой сверток.

— Пробираться приходится. Идти далеко, а вот журавль колодезный увидел, решил попить, да заходить туда опасуюсь.

— Я Гришатку пришлю сказать...

Ждать пришлось недолго.

— Немцев там нету! — сообщил прибежавший пацан.

Я надел гимнастерку, пилотку, подпоясался ремнем, заспешил к поселку. В овраге заметил двух солдат. Оба без сапог, без ремней и без пилоток. Оружия тоже не видно. Один солдатик маленький, белобрысый, почти мальчик, второй оброс густой щетиной. Белобрысый уставился не то испуганно, не то удивленно. Я подумал: «Не удержали на Дону позиции», — и спросил:

— Где ваша часть?

— Ищем, товарищ лейтенант... — отвечает небритый.

— А почему без оружия?

— Утопло, когда через Дон плыли... Сапоги и те пришлось бросить на том берегу. Река широкая...

Белобрысый солдатик не сводил с меня глаз, и вдруг обрадованно заговорил:

— Товарищ лейтенант, а я вас знаю... Это же вы под Нырково в нашу траншею через нейтральную от немцев приползли?

Теперь уже я раскрыл рот от неожиданной встречи, узнав в солдатике того самого связиста, который вызывал в траншее «Акулу». Обрадовался я ему как родному.

Оказалось, батальон Мисарова, долго державший оборону под Лисичанском, понес большие потери, сам комбат погиб. Остатки батальона с политруком Мураховским прикрывали отход частей через Дон. Сами бойцы плыли последними под огнем противника: фашистские танки прорвались к переправе, смяв заслон...

Я думал о комбате Мисарове, политруке Мураховском, о солдате Бирбайере и, конечно, о голубоглазой медсестре Люде, которая тогда так ловко обработала мои сбитые в кровь колени и локти. Все это время я не переставал думать о ней, тайно мечтал когда-нибудь встретить ее...

Спросил у солдат:

— Медсестру Люду знаете?

— А как же не знать?..

— Жива, здорова?

— На Дону утопла...

— Как?!

— Побежала в воду — хромовых сапожек не сняла, да еще автомат у нее был на шее. Кричали ей: «Брось!» Не бросила. Может, он ее на дно и потянул, а может, и убило...

У колодца мы жадно глотали из ведра студеную воду. Из крайнего дома вышла женщина. Сложив руки на груди, участливо посмотрела на нас. Потом подошла:

— Посидите на крылечке... Я сейчас коровку сдою, парного молочка попьете. Может, и мой где-то вот так...

— Спасибо, мамаша, — сказал я за всех. — Мы तो-ропимся.

Солдаты, не евшие несколько суток, просили меня подождать. Они ведь не знают, как выбраться к Манычскому каналу, а у меня карта...

Сидим во дворе на крылечке. Двора, собственно, нет — изгороди никакой. На отшибе от дома, прямо против колодца, стоит покосившийся, весь в щелях сарайчик, еще дальше, за ним, возвышается островерхая куча кизяков... Я еще раз посмотрел на карту, уточняя маршрут. До Манычского канала по прямой километров тридцать, за короткую июльскую ночь туда не дойти.

С улицы прибежала девочка, испуганно затараторила:

— Дяденька, дяденька, а там едут, едут!..

Я бросился с крыльца, посмотрел за угол дома. В поселок въезжала колонна немецких машин. На переднем броневом автомобиле поверх люка у пулемета восседал фриц. Я бросился назад. «Немцы!» — зло шикнул солдатам. Они метнулись за кучу кизяков и скрылись в лопухах, а я влетел в сарайчик. Меня ошеломило громкое кудахтанье всполошившихся кур. Я скорчился у двери и окаменел, прильнув глазами к щели. Какая глупость, что залез сюда, а не побежал с солдатами! Но менять укрытие было уже поздно: головная машина подъехала к колодцу, остановилась. Фрицы набирали в канистры воду, заправляли радиаторы, умывались. Один даже рубашку снял, другой ему поливал на спину. Несколько солдат, повернувшись к моему курятнику, бесцеремонно справляли нужду. «Неужели расположатся здесь на привал? — подумал я. — Что тогда? Первым делом займутся курятником. Куры попадут в лапшу, а я? Отступить некуда,

разряжу обойму в упор по любителям курятины — вот и все...»

Решил переменить неудобную позу — ноги онемели, осторожно пошевелился — куры подняли гомон. Тогда я злобным шепотом обратился к глупым птицам: «Курочки, тише, тише...» Мерзавец петух, склонив набок голову, косил на меня немигающим глазом и продолжал подавать предательские сигналы тревоги. Ох, с каким удовольствием я бы свернул ему шею!

Передовой отряд гитлеровцев после непродолжительной остановки двинулся дальше. Когда колонна скрылась за бугром, я выскочил из своего убежища. Появились, как из-под земли, и мои солдаты.

— Вот оно, молоко ваше... — сказал я им. — За мной!

Мы перебежали через дорогу и заторопились по степи на юг. Шли степью, без дороги. Выдерживать направление на юг мне помогала Полярная звезда. Брели долго. Солдаты просили сделать привал, но я торопил. Разреши им только прилечь — потом не поднимешь. Я — в сапогах, а солдаты шли по стерне босиком, сбивая ноги. Я сегодня обедал в Кагальницкой, а они уже несколько суток без пищи. Я отдыхал, а у них позади несколько бессонных ночей...

Говорю им:

— Отдых дам только на рассвете. Надо подальше от Клейста уйти.

Думал напугать, а они плетутся молча. Клейст для них — пустой звук, они дремлют на ходу, спотыкаются.

Потом я услышал скрип телег, фыркание лошадей, тихий говор. Присели в стороне от проселочной дороги, прислушались: речь русская, видны огоньки папирос. Решил выяснить, куда эти люди направляются, вышел навстречу.

Телеги были загружены чемоданами, за ними шли десятка два штатских и один военный. Отозвал военного в сторону:

- Что это за команда?
- Призывники.
- Откуда?
- Из Мечетинской.
- Куда направляетесь?
- В Константиновскую на сборный пункт.

Я объяснил работнику военкомата, что Константиновская занята противником, через конесовхоз на Орловку прошел передовой отряд. Тот мне сразу не поверил. Ему тоже читали приказ, где были слова: «Ни шагу назад!»

На рассвете мы набрали на скирду соломы. Мои солдаты свалились на привалок, и я понял, что теперь их не поднять даже силой оружия. Однако тормошу за плечи, объясняю:

- Видите тот населенный пункт?
- Видим... — сонно бормочут они.
- Запомните, это хутор Калиновский. Немножко отдохнете и идите в том направлении. Потом переправитесь через Манычский канал...

Солдаты уснули мгновенно, не дослушав меня до конца. Иду один. Опять думаю о сержантах Николаеве и Кладько. Первый боевой вылет оказался для них и последним. Они летели со мной до самой цели, не остав ни на метр. Николаев погиб у меня на глазах. Кладько под обстрелом истребителей не свернул с боевого курса, и если не бомбами, то, может быть, своим самолетом угодил в мост... Остатки батальона Мисарова до последнего держались под Лисичанском, прикрывали переправу, а потом перебирались вплавь через Дон. А эти два солдата, спящие под

скирдой соломы... Проснутся, пристанут к какой-нибудь части и снова закопаются на новом оборонительном рубеже. Собраться бы только с силами...

Я шагал на юг, спешил добраться до Кагальницкой, в свой полк. Далеко в стороне низко пролетело к Дону звено «илов». Может быть, ребята из нашего полка?

На пыльном проселке я догнал подводу. В пустой телеге сидел сгорбившийся солдат. Кляча еле тащилась, но ездовой предложил:

— Садись, летчик, подвезу...

Я уже еле переставлял ноги. Подсел к солдату.

— Куда путь?

— За снарядами для батареи.

— А машин нет?

— На том берегу остались.

— Гнедая-то совсем оплошала.

— Фуража нет, трава выгорела, а сена не наклачишься, — оправдывался солдат.

Мы проезжали мимо тока. Сказал солдату:

— Бери ведро, корм-то под боком лежит.

Пока он ходил, я отгонял назойливых мух, роившихся у сбитой хомутом и смазанной дегтем холки лошади. Кляча стояла понуро, будто неживая, даже не отмахивается хвостом от мух, нижняя губа отвисла... Сколько же рейсов без корма и отдыха сделала она на далекую батарею! Если нет пределов подвигу, то существует предел усталости. Гнедая рухнет в упряжке, хрястнут оглобли, и тогда уже ее не поднять, как и тех солдат, что спят сейчас под скирдой перед очередным боем.

Ездовой вернулся с пустым ведром.

— Не дает сторож зерна. Говорит, не дозволено колхозное добро разбазаривать. Берданкой грозился.

Я схватил ведро, сам побежал к току. Пришлось показать сторожу пистолет. Возвращаясь к подводе с зерном, я услышал сказанное мне вдогонку: «Вот пальнуть бы солью — помнил бы одним местом!» Дед, оказывается, тоже не собирался сдавать своих позиций на Дону.

...Я из последних сил бегу к окраине станицы, там кружил, а потом пошел на посадку самолет У-2. Я все же успел. Летчик уже собирался взлетать. Ему на Сальск. Доставил сюда запасные части для истребителя, который стоял под навесом сарая. Задняя кабина свободная, и он посадил меня.

— Поглядывай хорошенько назад, «мессера» нам житья не дают. Заметишь — стучи по плечу. Будем плюхаться и разбегаться в разные стороны. Понял?

— Понял...

В Кагальницкую я добрался лишь к вечеру второго дня. Со старта ко мне быстро шагал майор Холобаев. Хотел доложить ему о прибытии — но он не стал и слушать. Обнял и, не отпуская, долго хлопал меня по спине, а потом сказал: «Будешь командовать третьей эскадрильей»...

— А что с Мосьпановым? — встревожился я. — Он был моим командиром эскадрильи.

— Вчера похоронили... Над аэродромом его сбили «мессеры»...

После ужина у копны душистого сена расположились летчики и техники. Я рассказывал о своих приключениях. На почтительном от меня удалении примостились незнакомые сержанты — это прибывшие только вчера из Уральска выпускники авиационного училища. Среди них был Иван Остапенко, Георгий Бондаренко, Виктор Корсунский, Василий Баженов, Иван Дудник,

Григорий Снопко... Они тоже дружно смеялись со всеми, когда я рассказывал о своем пребывании в курятнике и уговаривал глупых птиц: «Курочки, тише, тише...»

Ближе всех ко мне лежал младший лейтенант Михаил Талыков. Он тоже не так давно прибыл в полк. Пришлось мне как-то его отчитывать за безрассудство и своеволие и полете. Тогда он был у меня ведомым, а теперь назначен моим заместителем. Война быстро выдвигала людей, она же была к ним и беспощадна...

Я лежал на сене, откинувшись навзничь. С неба мне весело подмигивала Полярная звезда...

Завтра снова боевое задание. «Ни шагу назад!».

БЕЗРАССУДНЫЙ ВЕДОМЫЙ

Ведущий на фронте ценится на вес золота. Он летит на головном самолете. Это самый опытный в группе летчик. Если в полку есть ведущие, то часть боееспособна. Ведущему можно было «нацеплять на хвост» сколько угодно молодых не обстрелянных летчиков. А молодые у нас были не только не обстрелянными, но и недоученными, потому что выпускались по ускоренной программе военного времени. Поначалу этих ребят приходилось откармливать после полуголодной тыловой нормы. Потом мы проверяли их технику пилотирования, давали тренировочные полеты и только после этого пускали с ведущим для боевого крещения.

Ведущий — вожак в полете и лучший советчик молодому летчику на земле. Он может быстро собрать взлетевшие за ним самолеты; может провести группу по намеченному маршруту; может хитро обойти зенитные и истребительные заслоны противника; отыскать на переполосованной траншеями и искромсанной снарядами земле цель; тактически грамотно и, сообразуясь с обстановкой, выполнить атаку. Но, прежде чем постичь все эти военные премудрости, ведущему нужно было самому поболтаться у кого-то в хвосте и выжить. Сбит ведущий — и боевое задание может сорваться.

Ведомому тоже нелегко: он летит, стараясь держаться в строю. А сосед почему-то все время дергается: то провалится, то «вспухнет» над строем, за ним нужно следить. Почти не остается времени, чтобы взглянуть на приборную доску, заметить разрывы зенитных снарядов или приближение «мессеров». Ведомый не успевает вести ориентировку и обычно не знает, где летит. Ну а если ведущего вдруг собьют, а ведомые его все неопытные летчики — что тогда? Случалось и такое. Я уже рассказывал об этом...

Но и ведомый ведомому рознь. В одном боевом вылете я очень разозлился на своего ведомого... Мы шестеркой штурмовали противника в районе Лисичанска. Под нами — голая, порыжевшая от зноя, бугристая степь. По ней, развернувшись фронтом, по-черепашьи ползут немецкие танки, ведущие огонь. Один из них дымит, кружит на месте. Позади танков залегли редкие цепочки немецких солдат. Значит, наши с переднего края прижали их огнем. В самый раз подоспела наша шестерка! Мы перестроились цепочкой и один за другим, с разворотом пошли вниз, открыв огонь. Заходили вдоль фронта немецких танков. У самой земли открыли выливные приборы. Под штурмовиками огненный дождь: горит фосфор. Все внизу скрылось за клубами белого дыма. Снова набираем высоту. В бледном, словно слинявшем от жары, небе около наших самолетов непрерывно появляются и медленно тают дымные хлопья: бьют зенитки. Но нам сейчас не до них. Стали в круг — началась штурмовка. Одна атака, вторая... Мы ходили в кругу, а в это же время невдалеке десятка полтора немецких «Юнкерсов-87» — «лапотников»¹ с торчащими из-под

¹ Одно из русских прозвищ немецкого пикировщика.

фюзеляжа колесами — тоже устроили карусель. Поблескивая на солнце стеклами фонарей, они поочередно сваливались на крыло и почти отвесно пикировали на железнодорожную станцию Яма, ныряя в черный дым. Над «юнкерсами» разгуливали парочки «мессеров» и сверху высматривали добычу. А добыча для них — это наши штурмовики, прилетевшие без прикрытия.

После нескольких атак, когда боекомплекты к пушкам и пулеметам были уже на исходе, я заметил, как в нашу сторону направились четыре вражеских истребителя. Не иначе как по радиации их наводили. Я подал команду уходить от цели, отвернул к линии фронта, вслед за мной потянулись ведомые. И вдруг один из них, к моему изумлению, отделился от нас и снова начал пикировать. Какое безрассудство! Пришлось нам всем кружиться у линии фронта, на виду у немцев ждать отбившегося одиночку — верную жертву истребителей. К счастью, все обошлось: не замеченный истребителями штурмовик пристроился к нам, и мы взяли курс на аэродром.

После посадки я с глазу на глаз отчитывал за своеволие младшего лейтенанта Михаила Талыкова. Он хоть и был кадровым военным летчиком (успел перед войной закончить авиационное училище), но до лета сорок второго года еще не воевал. Передо мной стоял, насупившись, недовольно поджав губы, двадцатилетний паренек: ниже среднего роста, скуластый, с крупным упрямым подбородком, и смотрел на носки своих хромовых сапог.

— Ты слышал мою команду уходить от цели? — спросил я его строго и, конечно, приготовился выслушать всякие оправдания. А оправдания в подобных случаях такие: приемник, мол, оказался неточно на-

строенным на волну, а как все повернули от цели — вовремя не заметил. Но ответ Талыкова был настолько неожиданным, что я опешил.

— Слышал... — небрежно ответил он и коротко взглянул на меня исподлобья серыми глазами.

— А если слышал, так почему же сразу не пристроился?!

— Так ведь пушки и пулеметы у меня еще стреляли! — произнес он скороговоркой, убежденный в своей правоте. Из ответа выходило, что я был не прав, потому как преждевременно ушел от цели, не дав ему полностью расстрелять боекомплект. А то, что на случай воздушного боя с истребителями при возвращении с задания положено было оставлять часть патронов для пушек и пулеметов, — для него не закон!

Возбуждение после боевого вылета еще не улеглось. И тогда, еле сдерживаясь, я крикнул ему:

— Идите!

Он козырнул, круто повернулся, придерживая рукой планшет с картой, и пошел, твердо ступая с каблука.

Я долго смотрел ему вслед. Запомнились хромовые сапоги с собранными в гармошку голенищами. Он шел по жухлой траве, сбивая с нее пыль. Глядя вслед Талыкову, я успокаивал себя: «Ничего, остепенится парень, когда ему зенитки и «мессеры» перышки обобьют. Кто из нас на первых порах не хорохорился?»

Мне невольно пришел на память свой первый боевой вылет с ведущим младшим лейтенантом Иваном Бобровым. Я тогда тоже отчудил, да еще дважды в одном вылете. Сразу же после взлета, когда группа проходила над аэродромом, я пристроился к ведущему так близко, что, взглянув на меня, он, наверное, и дышать перестал. В таком плотном строю мне прихо-

дилось перед войной летать на спортивном самолете УТ-1 во время воздушного парада. На фронте я узнал, что такой сомкнутый строй — всего лишь красимость, он лишает маневра и для войны совершенно не пригоден. И все же я прижался к Боброву. А для чего? Чтобы оставшиеся на земле подумали: «А тот, что справа, не лыком шит!» Да и потом, во время штурмовки автоколонны, я сделал лишнюю атаку, чтобы показать свою храбрость перед ведущим...

Мой разговор с Талыковым произошел в начале июня сорок второго года, за несколько дней до событий, которые были так неожиданны для всех нас. Мы видели начало успешного наступления наших войск южнее Харькова, но потом эта группировка оказалась окруженной, и лавина фашистских танков и автомашин хлынула по Донбассу на восток. Нам пришлось часто менять полевые аэродромы: Погорелое, Шахты, Кагальницкая... Через пять дней мы уже оказались за Доном, южнее Ростова. Видеться с Талыковым в те дни почти не приходилось: он уже успел стать ведущим и со мной вместе не летал.

Как-то на аэродроме в Шахтах за ужином Талыков вошел в столовую вместе с несколькими летчиками-сержантами. В их числе были новички, только что прибывшие в полк: Григорий Княжев, Николай Письмиченко, Виктор Оленин. Кажется, в этот день Талыков водил их в первый бой, стал их «крестным отцом». Движения Талыкова, как всегда, были порывисты. Он сдернул с головы надвинутую на брови пилотку, с размаху опустил на скамью. Со стороны можно было подумать, что он на кого-то зол. Усталость тенями легла под его глазами. В тот день он трижды слетал на штурмовку войск, пытавшихся форсировать Северный Донец в районе Белой Калитвы. Талыков ел

молча и быстро, а когда водка ударила ему в голову всеми сорока градусами, он оживленно заговорил с соседями по столу. Ребром ладони бил по краю стола — доказывал что-то молодым ведомым... И в общезитии после ужина шумел:

— Чем больше заходов на цель, тем больше у фрицев танков и машин убавляется! — убеждал он кого-то в бесспорной истине.

«Носится со своей «теорией», как в прошлый раз, когда оправдывался после полета к Лисичанску», — подумал я. И все же мне было отрадно видеть Талыкова таким ершистым и задиристым. Он успел за это время побывать в разных переделках, ему уже досталось и «по перышкам», но он не обмяк, не «слинял», как говорили у нас, не потерял уверенности в своих силах и воевал очень зло. Частенько Талыков прилетал с «сухими» снаряжными ящиками, расстреливая боекомплект до единого патрона. Темперамент бил из него ключом, но мне казалось, что горячность погубит его раньше, чем случай...

К Кагальницкой уже подходили передовые части противника, и 29 июля 1942 года мы спешно перелетели на полевой аэродром в Сальских степях. Прямоугольник летного поля со всех сторон был окаймлен зеленым забором лесозащитных насаждений, но тень не спасала от жары. С неба нещадно палило солнце, и горячий воздух был неподвижен. Легкие комбинезоны, надетые поверх трусов, липли к телу. Прохлада держалась лишь в единственной землянке, где разместилась оперативная группа штаба полка. Но там тоже было невозможно высидеть: с потолка то в одном, то в другом месте струилась сухая земля и попадала за воротник — это в перекрытии орудовали многочисленные мыши. Майор Гудименко часто пере-

ставлял свой складной столик с одного места на другое и зло дул на разложенную карту, куда с потолка с шуршанием стекал песок.

Техники раздобыли для нас железную бочку с рваными краями, и наполнили ее водой. После возвращения с боевого задания летчики, сбросив комбинезоны, поочередно погружались в эту подогретую солнцем «купель», а потом, еще не обсохшие, спешили на доклад — такой порядок установил командир полка Холобаев.

Когда кончилась питьевая вода, мы утоляли жажду теплыми полосатыми арбузами, которые научились разбивать ребром ладони. Техники натаскали их с заброшенных бахчей...

С этого аэродрома мы летали не на запад, а на север — за Манычский канал — бить колонны противника. Их мы уже видели восточнее нашего аэродрома, и куда нам дальше перебазироваться — было неизвестно. Связи со штабом 4-й воздушной армии не имелось.

...Получили боевую задачу: штурмовать колонну войск противника, которая движется по дороге от Орловки на Несмеяновку, это между Доном и Манычским каналом. К этому моменту в полку осталось всего шесть штурмовиков. Прикрывать нас от «мессеров» будут два истребителя из полка Ибрагима Дзаусова. У него ребята — настоящие орлы, в числе их и Александр Покрышкин¹.

Взлетели. Я впереди со своим ведомым — Кудиновым, справа — пара Михаила Талыкова с ведомым,

¹ Второй по числу воздушных побед (59) ас советских ВВС, трижды Герой Советского Союза.

слева — пара Василия Шамшурина. Сразу же набираем высоту — так легче будет издали обнаружить колонну. За Манычским каналом мы заметили похожую на дымовую завесу полосу пыли. Вдоль речушки Сал проходила дорога из Семикаракорской на Несмеяновку. Я хорошо запомнил эти места: не в первый раз приходилось туда летать: пять дней назад я был именно там сбит истребителями и потом пробирался с солдатами из батальона Мисарова...

Мы подлетаем ближе к дороге и с высоты 600 метров уже хорошо различаем танки, автомашины, бронетранспортеры. Головные машины останавливаются, из них начинают выскакивать в придорожные канавы солдаты. А по нам уже лупят зенитки... Делаю доворот, чтобы зайти вдоль колонны, с ее головы. Один за другим мы пикируем, сбрасывая серии бомб. Выходим из пикирования, делаем левый разворот и, растягиваясь в цепочку, идем по дуге, чтобы построиться в круг для штурмовки. Там, где колонна, видим разрывы наших бомб. Теперь заходим поперек колонны: сбоку лучше бить машины. Опускаю нос штурмовика, ловлю в перекрестье грузовик, целюсь ему в бок. Фыркнули «эрэсы», взорвались рядом с ним. Даю длинную очередь из четырех стволов — грузовик вспыхнул. Хорошо на душе! Низко проношусь и снова набираю высоту для повторной атаки. Приближаюсь к заднему самолету, чтобы замкнуть круг, посмотрел вверх. А там уже шесть истребителей: два «яка» и четыре «мессершмитта». Сейчас вверху начнется свалка. Нашим «ястребкам»¹ достанется, да и мы здесь, внизу, должны быть начеку. Лечу по кругу, глядь — впереди меня уже «мессер»!!! Он нахально влезает в

¹ Общепринятое прозвище советских истребителей.

Наш круг и нацеливается на впереди идущий штурмовик. Торопя отсечь его огнем, я нажал на гашетки — перед истребителем сверкнули трассы. Он резко взмыл, но, перескочив через штурмовик, вдруг начал пикировать на следующий самолет — Шамшурина. «Маневрируй!» — крикнул я ему по радио, а тот почему-то летит и не шелохнется — не слышит. Немец быстро сближается с Шамшуриным — сейчас собьет! Я крутнул свой штурмовик внутрь круга и, не успев даже как следует прицелиться, нажал на обе гашетки. Мои трассы, сверкнув позади штурмовика, почти одновременно пересеклись с дымным пучком «эрликонов». Под фюзеляжем «мессера» блеснул огонь, он завалился в крен и, оставляя за собой полосу дыма, круто пошел к земле. Впервые мне довелось стрелять по истребителю — и сразу такая удача. А Шамшурин летит себе, вот уже переходит в атаку. Сейчас последний заход на штурмовку — и домой!

Пикирую на колонну и краем глаза замечаю тянущиеся ко мне с земли дымные шнуры. Это ведет огонь малокалиберная зенитная установка. Довернуть бы на нее, дать туда пару очередей, но не успеваю: слишком поздно заметил. Зенитка уплывает под крыло. Может, задний кто-нибудь ее подавит, если увидит? Я прицелился по бронеавтомобилю и, задержав дыхание, собрался нажать на гашетку, и вдруг — звенящий удар по мотору. Он сразу заглох, и вместе с тем будто остановилось и сердце. Прыгать? Высота мала, да и самолет над вражеской колонной. Остается одно — планировать через дорогу и садиться по ту сторону. А там будь что будет...

Перетянул через колонну, земля уже близко. «Выпускать шасси?» — мелькнула мысль. Это большой риск, но так я спасся под Нырковым, прокатившись на

колесах до первой траншеи противника. Может быть, и теперь повезет? Не попалась бы только канава, а то перевернусь. Тогда уж из кабины не выбраться. Вытащат меня немцы, как птичку из клетки, если останусь жив. Зато если сяду благополучно, то укачу подальше от этой колонны...

Все это пронеслось в голове мгновенно, рычаг выпуска шасси — от себя, колеса вышли. Самолет уже запрыгал по кочкам. Я уперся одной рукой в приборную доску, чтобы при толчке не стукнуться головой и не потерять сознания... Пробег закончился благополучно. Выскочил из кабины — ведомые с оглушительным ревом проносятся надо мной, курс — на аэродром. Они, конечно, слышали мою последнюю команду: «Кончаем работу». «Неужели они меня так и не заметили? — не без горечи подумал я о них. Но тут же другая мысль: — А если и заметили, чем они мне помогут?»

Озираюсь. Я всего в километре от колонны. Вижу результаты нашей «работы»: с десятков машин и танков кострами пылают на дороге. Не зря слетали... Мой самолет на виду у противника, стоит в степи, как на блюдечке. Ко мне бегут от дороги немецкие солдаты. Надо и мне бежать. Но куда? Кругом голая степь, ни кустика, ни бугорка, ни балочки. Хуже всего, если ранят: потом подберут и будут на спине вырезать пятки — конечные звезды. Нет, лучше уж застрелиться из пистолета в самый последний момент... А пока успеть бы поджечь самолет, чтобы и он им не достался.

Слышу трескотню автоматов. Сбросил с себя парашют, швырнул его под мотор — туда, где бензиновый кран, дернул за красное вытяжное кольцо. Распахнулся тугой, перетянутый резинками ранец, вспучилась слежавшаяся кипа белого шелка. Кран, как

всегда, законтрен стальной шпилькой. Пытаюсь ее сорвать, царапаю до крови руки. Кран не поворачивается, бью кулаком. Наконец хлестнула струя бензина. Теперь остается только чиркнуть спичкой. Хлопнул себя по одному карману, по другому — нет спичек! Да я же отдал их Талыкову перед вылетом, когда тот второпях закуривал! Вспомнил о ракетнице. Она всегда в кабине и заряжена. Быстро вскочил на центроплан, выхватил ее, спрыгнул вниз. Вытянул руку с ракетницей и, отвернув лицо, чтобы не обожгло при вспышке, выстрелил в упор. Пыхнуло, отскочил подальше, упал ничком на землю. Теперь все!

Вытащил из кобуры пистолет и услышал гул каких-то самолетов. Посмотрел (уже безразлично) в сторону дороги — цепь фашистских солдат ближе, но после короткой перебежки они вдруг, как по команде, залегли. Тут же донесся треск очередей, и там, у дороги, низко вышли из пикирования два истребителя. Так это же наши «яки»! Я не один! Вот они круто пошли вверх боевым разворотом, снова заходят для атаки на фашистских солдат. Выручить хотят ребята. Значит, и мне нечего лежать, все же стоит бежать куда-нибудь подальше от этого места.

Только было решился бежать — заметил мчавшийся от дороги немецкий бронеавтомобиль. А там еще что за штурмовик летит на бреющем в мою сторону от колонны? Я встал во весь рост. Хотелось, чтобы летчик увидел меня. Помашу ему на прощанье... Высота у него метров десять, он все ближе, уже различаю через открытую форточку шлем, очки на лбу, лицо повернуто в мою сторону... Я поднял руки, замаяхал — и тут увидел на фюзеляже большую белую цифру «9». Так это же Талыков! Он, как обычно, уходит от цели последним. Злой летчик, горячая голова... Я

помахал руками, и он легонько качнул самолет с крыла на крыло. Увидел! А может, мне только показалось, что качнул?

И вдруг «девятка» резко пошла вверх и тут же завалилась в левый крен. Наверное, Талыков еще раз хотел просмотреть место моей посадки, чтобы поточнее доложить командиру полка. Но у штурмовика из-под фюзеляжа выползают шасси. Неужели собирается садиться? Я потрясенно слежу за ним — самолет пролетает над колонной, разворачивается, планирует, даже видно, как посадочные щитки опустились под крыльями. А гитлеровцы на дороге уже пришли в себя. Вражеская колонна оцетинилась огнем, восходящий дождь трассирующих пуль вздыбился перед самолетом. Штурмовик без маневра снижается в этой огненной завесе — страшно смотреть. Хорошо, что в самолете мы всего этого не видим!

Неужели собьют? Но Талыков каким-то чудом минует огненную завесу. Трещат автоматы. Я снова упал, опасаясь, как бы не задело шальной пулей. Слежу за рискованной посадкой Талыкова. У меня-то обошлось благополучно, а вдруг он угодит колесами в какую-нибудь канаву, повредит шасси? Тогда что? Два пистолета к двум вискам? Талыков уже несется над землей, вдруг колеса ткнулись в бугор, штурмовик подпрыгнул — взревел мотор. «Раздумал садиться?» Нет, он мягко коснулся тремя точками и покатился, постепенно замедляя скорость.

«Девятка» остановилась в сотне метров от меня. Талыков стоит на крыле, машет рукой. Склонился позади кабины, что-то там делает. Мчусь к самолету что есть мочи, думаю: «А как же я влезу в кабину одноместной машины?» Он уже открыл крышку смотрового фюзеляжного лючка. Туда можно втиснуться одному из нас.

— Взлетайте, — крикнул мне Талыков, указывая на кабину, и хотел было нырнуть в фюзеляж.

Я, обессиленный от быстрого бега, говорю:

— Взлетай сам! Развернешься только на колонну — и по своим следам... Видишь, на траве остались?

Талыков кивнул и полез в кабину. Я ухватился за стойку антенны, спустил ноги в фюзеляж. Перед тем как спрятать голову, увидел: по степи мчится к нам, строча из пулемета, броневомобиль. Но уже взревел мотор, раздался визг тормозов, самолет круто развернулся, в уши ударил надрывный гул. Талыков пошел на взлет. «Лишь бы Миша выдержал направление. А вдруг фрицы на разбеге прострелят крышку? Тогда завертимся на диске — и уже оба отлетались». Ощущаю толчки. Они все реже. Вот самолет последний раз подпрыгнул и повис в воздухе. Взлетели!

Подо мной мелко вздрагивает фанерная скорлупа фюзеляжа. Через верх открытого люка вижу мелькающие трассы и невольно собираюсь в комок. Это не в бронированной кабине сидеть — тут каждая пуля может прошить насквозь снизу доверху. Но сейчас Талыков уйдет подальше от колонны, развернется, а там — на аэродром. Не напали бы только «мессеры»...

Меня сильно прижало к полу — Талыков заложил крутой разворот. Вслед за этим меня стало приподнимать — в глаза полетел какой-то мусор: самолет пикирует. Заработали пушки — это Талыков открыл огонь. Неужели «мессеры»? Это самое страшное, что может быть в моем положении. Талыков защищен броней, а я лежу, словно в фанерном гробу. Михаил на изрешеченном самолете может дотянуть до аэродрома, но в фюзеляже он привезет мешок костей...

Снова по перегрузке чувствую: закладывает вираж, снова пикирует. Бьют пушки. Догадываюсь: он, чертяка, атакует что-то! Начинаю злиться на Талыкова: пока он здесь вертится, могут действительно появиться «мессершмитты». Неужели он забыл про меня в горячах? Крикнуть бы ему, да не услышит... Тронуть за плечо? Невозможно: нас разделяет сплошная бронеплита. А Талыков опять пикирует.

Тогда я схватился обеими руками за металлическую трубу, соединяющую штурвал с рулем высоты, и что было сил начал ее раскачивать. Самолет и, разумеется, ручка управления в руках Талыкова задержались. Это, по-видимому, подействовало на него отрезвляюще, и он выровнял самолет.

Ровно рокочет мотор. Прикрывая ладонью слезящиеся глаза, я осторожно высунул голову из люка, взглянул на землю. Позади за хвостом самолета — полыхающая во многих местах колонна, чуть ближе — мой дымящийся штурмовик. А почти рядом с ним горит немецкий броневедомитель! Так вот, оказывается, куда пикировал Талыков! Смотрю вверх, в безоблачное небо — выше нас плывет пара «яков» — наши верные стражи.

...На задание вылетело шесть самолетов, вернулось четыре. Летчики доложили: «Ведущий сбит...»

— А где Талыков? — спросил командир.

Все пожимали плечами. Раз не вернулся — значит, тоже сбит. Собирались было записать в «поминальничек»: «29 июля 1942 года при штурмовке вражеской колонны в районе...».

Но минут через пятнадцать «девятка» приземлилась. Выключен мотор, стало тихо, только звон в ушах. Слышу строгий голос Холобаева:

— Талыков! Почему опять отстал от группы?

— Так я же еще садился...

— Где садился?!

— В районе цели...

Больше вопросов не последовало: я уже высунулся из фюзеляжного лючка. Талыков помог мне спуститься на землю, и мы по-братски расцеловались. Потом нас подхватили десятки рук. Я видел, как мелькали сапоги Талыкова, взлетавшие на высоту лесопосадки.

...Ночью грохотала гроза и небо полыхало синим пламенем. Летчики сгрудились в землянке, освещенной тусклым светом коптилки. Майор Гудименко сгорбился за своим складным столиком: составлял на Талыкова наградной лист. Шуршали мыши, с потолка сыпался песок. Прибежал с рации начальник связи Нудженко, весь сияет.

— Есть связь со штабом 4-й воздушной! Оттуда сообщили новый аэродром. Наземному эшелону можно двигаться.

Нам же придется ждать до рассвета: ночью на штурмовиках ни взлететь, ни сесть. Быстро свернули рацию, заурчали грузовики со штабным имуществом, и небольшая колонна тронулась по глухому проселку на восток. Среди ночи кто-то услышал гудение моторов и лязг гусениц. Послали на разведку техников. Оказалось, колонна немецких танков в километре от аэродрома двигается на восток. Развернули штурмовики в сторону лесопосадки, под хвосты подложили ящики от боеприпасов, чтобы стволы пушек и пулеметов направить пониже и стрелять по наземному противнику. Остаток ночи просидели в кабинах...

На рассвете мы взлетели с техниками в фюзеляжах, и я, помня свой последний полет, не завидовал своему пассажиру — механику Сереже Темнову.

ПЕРЕПРАВА

Войска Южного фронта откатывались от Дона к предгорьям Кавказа. Мы уже были на полевом аэродроме Новоселицкое — это восточнее Ставрополя. В нашем полку осталось только два самолета: с бортовыми номерами «8» и «9», словно неразлучная пара. Самолет с номером «9», как и его летчик, был тогда знаменитостью. Ведь это на «девятке» Михаил Талыков 29 июля вывез меня в фюзеляже из-под самого носа немцев. «Восьмерка» — моя. А всех «безлошадных» летчиков и техников отправили пешком или на попутных машинах за Минеральные Воды на сборный пункт — в аул Ачалуки.

Был жаркий полдень. Мы с Мишей только что возвратились с боевого задания. Доложив, что били и что видели, мы поспешили «в холодок», как говорил Талыков, — под тень дерева. Сняли ремни с тяжелыми пистолетами, намозолившими бок, расстегнули ворота взмокших гимнастеров, повалились навзничь — руки под голову. Над нами блеклое, безоблачное небо и трепещущие листья. Наслаждаемся минутами покоя, истинную цену которым познали только на фронте. В те свободные минуты, когда ты только что вернулся, а новую боевую задачу еще не поставили, стараешься отключиться от мыслей о войне. Чтоб не думать о том, как долго еще мы с Талыковым провоюем и который

из двух самолетов — «восьмерка» или «девятка» — останется в полку последним.

Но мыслей о войне не отогнать. Перед глазами только что пережитое в боевом вылете. Дороги от Сальска на Ставрополь — сколько глаз видит — курятся пылью. Это движутся механизированные части противника. А из Ставрополя, по дороге на Невинномысск — бесконечный конный обоз вперемежку с грузовиками. На подводах и в кузовах навалом узлы, шкафы и прочий домашний скарб... По обе стороны дороги — людской поток. Пестрые одежды, много детей. Почти у каждого над головой сломанная ветка. Ветками утыканы телеги и грузовики. Глядя на небо и шелестевшую листву, я думал о беззащитности этих людей, покидающих город. Немец подбирается уже и к моим родным краям...

На той же «волне», видимо, размышлял и Миша. Он вдруг спросил:

— Неужели они считают, что этими веточками замаскировались от «мессеров»?

— Значит, считают. Берут пример с военных...

Кто-то из техников приволок к нам ящик, перевернул его вверх дном — вместо стола. Девушка из БАО поставила две полные алюминиевые миски с наваристым горячим борщом. Хлебнули только по ложке-другой, есть не хочется. Начали лениво хлебать остывший борщ, девушка уже спешила к нам с курицей — двух летчиков из всего полка кормили сытно. Но ее обогнал посыльный:

— Срочно к командиру!

Швырнули ложки, схватили ремни, планшеты; на ходу застегивая гимнастерки и подпоясываясь, заторопились к землянке. Командир полка сам нетерпеливо шел навстречу. Почему-то злой и говорить начал

не сразу. Пристально посмотрел в глаза каждому, словно видел впервые, потом тихо сказал:

— Севернее Армавира, у станицы Прочноокопской, противник восстановил взорванный нашими войсками мост через Кубань. Сам Буденный¹ приказал разбить его авиацией, чтобы сорвать переправу танков. Задача эта... — Холобаев сделал паузу и, повысив голос, добавил: — Поставлена нашему полку!.. — Он произнес это так, словно перед ним стояло не двое, а, по крайней мере, шеренга летчиков. — Прикрывать вас будут шесть истребителей. Разбить мост во что бы то ни стало! — Он взмахнул рукой, словно шашкой.

Мы выхватили из планшетов карты, линейки, транспортиры, в голове вихрем понесли мысли: «Как же можно двумя штурмовиками разбить мост? Это же не понтонный, тот и взрывной волной можно повредить. А здесь нужно только прямое попадание. Такая задача под силу по меньшей мере эскадрилье. А может, тот, кто ставил по телефону Холобаеву эту задачу, и не знает, что от нашего полка одно название осталось? Или знает, но обстановка такова, что воевать приходится до последнего самолета, до последнего танка и до последнего солдата. Невыполнимых задач сейчас не признают... Выполнить или умереть. «Ни шагу назад!»»

— По самолетам!

Талыков зашагал впереди меня к своей «девятке» с множеством заплат на крыльях. Ступал он с каблука, словно пробовал прочность земли. Видно, злится. Может, его обидела резкость командира? Вырулили на старт, командир был уже там. Не дождавшись сиг-

¹ С.М. Буденный, маршал Советского Союза.

нала стартера, стоявшего наготове с флажками. Холобаев сдернул с головы свою пилотку и махнул ею: «Выметайтесь!»

...Летим очень низко над нескошенными полями пшеницы. Куда ни глянь — тихое желтое море. Во многих местах по «морю» гуляет багровое пламя, оставляя за собой черную пустошь. Поджигают свои, чтобы не досталось противнику. А на этом море островки — станицы и пруды, пруды... На их синеющей глади словно белые облачка плавают. Скользнула темная тень самолета по этому облачку, ударила гулом двигателя — и стаи белоснежных гусей и уток, словно от ураганного ветра, разлетаются к берегам, панически взмахивая крыльями. Благодатная Кубань, и до тебя докатилась война...

А вон там, далеко впереди, на желтой полосе хлебов темнеет станица. Она, как многотрубный пароход на горизонте: лениво тянутся к небу дымы пожаров. Это наш поворотный пункт на Прочноокопскую. Развернулись влево, тут же начали набирать высоту. Уже виднеется Армавир, извилистая река — Кубань. Через реку переброшена узенькая перемычка: это и есть мост. Мы все еще «скребем» высоту на перегруженных бомбами «илах», а впереди, будто черное облако, стеной повисли разрывы заградительного зенитного огня. Чем ближе к мосту, тем больше разрывов. Через потрескивание в шлемофонах слышны отрывистые команды наших истребителей: они завязали бой с «мессерами». Мы на боевом курсе, когда маневрировать уже нельзя. Еще чуть-чуть протянуть, не сбили бы до того, как войдем в пикирование... Мост надвигается медленно-медленно, будто скорость у нас уменьшилась.

Время! Самолет кренится, опускает нос. По бронестеклу поплыл и берег, и цель. Нарастает свист встречного потока воздуха, мост быстро увеличивается в размерах, самолет подбалтывает, и от этого вздрагивает мост на перекрестье прицела. В голове лишь одна мысль: «Попасть, попасть, попасть!..»

Нажатие на кнопку сброса бомб, и в этот же миг сильный хлопок, будто у самого уха лопнул детский воздушный шарик, самолет тряхнуло. Вывод из пикирования, разворот, мгновенный взгляд назад — там всплески воды, в крутом вираже самолет Талыкова. В шлемофонах сиплый голос истребителя и слова, больно уколотившие в самое сердце: «Мимо, мимо...»

Летим обратно. У меня на левом крыле дыра. Вот почему тряхнуло самолет в момент сбрасывания бомб — зенитный снаряд угодил. Ровно поет мотор. Талыков идет справа — крыло в крыло, а на душе плохо. Очень плохо. Задание не выполнено...

В эту теплую августовскую ночь лежали мы вдвоем с Талыковым на охапке сена, покрытой брезентовым чехлом от самолета. Где-то далеко бухали пушки, над Невинномысском отсвечивало зарево. Пролетел, нудно завывая, фашистский разведчик. Вдали воткнулся в небо синий луч прожектора — стоял вертикально, словно прислушиваясь к чему-то. Затем он лениво зашарил, слизывая пушистые звезды. Ближе стучали по железу молотками: наши механики Темнов и Логинов латали дыры на «восьмерке» и «девятке». Талыкову тоже досталось осколками по хвосту.

— Интересно, где теперь наши? — сказал Талыков. Наши — это «безлошадные» летчики и техники да девушки-оружейницы, прибывшие к нам в полк незадолго до начала отступления из Донбасса. Да еще во-

семь сержантов-летчиков, выпускников Ворошиловградского училища, объявившихся у нас под Ростовом. Где-то они? Пешей братии набралось много, а машин для перевозки их с одного места на другое нет. Двинулись пешком на восток еще из Кагальницкой. Это шествие возглавил командир второй эскадрильи майор Хашпер, тоже недавно прибывший в полк. Указали им конечный пункт сбора — аул Ачалуки. Уже пятнадцать суток мы не знаем, что с ними. Миша спрашивал о «наших», а думал, конечно, об одной сероглазой девушке — Ксении. Да и она, шагая где-то там, по пыльным дорогам, не перестает небось думать о своем «рыцаре». Не раз замечал, как она стирала ему подворотнички, носовые платочки — значит, непременно думает. Ох эти девушки...

Появились они у нас в полку в июне сорок второго. Был как-то звонок из штаба дивизии:

— Отправьте своего представителя на сборный пункт, пусть отберет для зачисления в штат полка шестнадцать девушек.

Кожуховский думал, что ослышался, переспросил:

— Девушек, говорите?

— Да, девушек...

— А что мы с ними делать будем?

— Они будут делать все, что положено оружейнику.

Начальник штаба всполошился. Невиданное дело! До сего времени женщины попадались только в штабах на должности машинисток или связисток, а чтоб техниками или оружейниками работать — такого в авиации еще не бывало. Разве у слабого пола хватит сил подвешивать на самолет стокилограммовые бомбы или снимать, разбирать для чистки и вновь устанавливать пушки по 70 килограммов весом?

Кожуховский выделил грузовик ЗИС-5, представителем послал комиссара третьей эскадрильи Якова Квактунна.

— Отбирай там девчат покрупнее... покрупнее... сам понимаешь...

Квактун намеревался выполнить в точности инструкцию нашего Эн-Ша, но ничего из этого у него не получилось. Начал выстраивать в одну шеренгу самых высоких, а вслед за ними без всякой команды потянулись и низкорослые. Все астраханки твердо заявили:

— Поедем только в один полк, разлучаться не желаем!

Шестнадцатой стала в строй Тося Табачная — от горшка три вершка. Ее-то Квактун хотел начисто забраковать, но у той по щекам покатались крупные слезы, а остальные в пятнадцать голосов застрекотали, как сороки. И Квактун сдался.

Все летчики и техники исподтишка поглядывали на прибывший грузовик. Около сарая, куда уже натаскали сена вместо постелей, шла разгрузка. Девушки были в хромовых ботиночках и подогнанных по фигуре гимнастерках, в юбочках до колен. Они быстро скрылись со своими пожитками в сарай. Наш «профессор», техник Максим Иванович Шум, тогда не удержался и выразился вслух:

— Девчатки фигуристые...

В сарай к новоявленным оружейникам наведалься Кожуховский. Там сержант Шергин уже потчевал их ужином: приволок из кухни большую кастрюлю с пшенной кашей, поставил ее на середину пола и командовал:

— Налетай!

Сам вытащил ложку из-за голенища — показал пример, — а девушки с непривычки жеманничали. По-

смотрел на все это Кожуховский, не сдержался и буркнул:

— Детский сад...

С тем и вышел. Командиру полка он доложил:

— С такими талиями... не смогут... не смогут они работать.

Наш Эн-Ша, однако, с выводами поспешил. Представители «детского сада» не только быстро научились справляться со своими прямыми обязанностями, но и заметно подняли моральный дух летного состава. Это подметил сам Борис Евдокимович Рябов. А как резко возросла бдительность при несении караульной службы! Если девушек посылали охранять самолеты, то от добровольцев на роль подчаска отбоя не было. Так что бдительность на постах возросла ровно вдвое, а количество нарушений в несении наряда резко сократилось.

Однажды часовой Чернова охраняла ночью самолеты. Заметила приближавшегося к ней ползком нарушителя. Ей бы крикнуть: «Стой! Кто идет?» — и лишь потом дать первый выстрел в воздух, а Чернова пальнула без всякого предупреждения. Жертвы, к счастью, не было по той простой причине, что за нарушителя она приняла клубок перекаати-поля. Забавный случай произошел и с самой маленькой оружейницей — Тосей Табачной (все ее звали «наш Табачок»). При смене часовых Табачной у самолета не оказалось. «Неужели покинула пост?». Тогда разводящий окликнул:

— Часовой!!

— Чего треба? — послышался откуда-то тоненький голосок.

— Ты где, Табачная?

— Я тутычки, — ответила она, выбираясь из-под самолетного чехла на теплом моторе.

— Почему туда забралась?

— Тутычки тепло, та и мыши пид ногами не бигают. Дуже я их боюсь...

Тося Табачная на первых порах не усвоила правил обращения с начальниками. Стоит она как-то дневальным по штабу. Проходит командир полка, а она на него только глаза тарашит. Командир подал ей руку, назвался:

— Я — Костя Холобаев...

— Брешете, вы не Костя...

— А кто же я, по-твоему?

— Вы командир полка...

Все это сущая правда, но было так только на первых порах...

А как с приездом девушек изменился внешний облик летчиков! Да и не только летчиков; наша «темная сила» (техники, механики) вдруг преобразилась. У всех, не исключая и самого Максима Ивановича Шума, появились белые подворотнички. Зато простыни катастрофически уменьшались в размерах. Уменьшилось количество телогреек. Злые языки говорили, что это дело рук наших девушек, которые потрошили эту амуницию и добывали вату... Мой комиссар эскадрильи Яша Квактун даже философскую базу подвел: «Это, — говорит, — переход количества в качество». Среди девушек объявилась портниха Клава Калмыкова, которая из трофейной немецкой шинели пошила такие мне бриджи, что потом многие в полку на них с завистью смотрели.

Комсорг Нина Алексеева, самая застенчивая из всех, обладала чудесным лирическим сопрано и так проникновенно пела «В землянке», что, на наш

взгляд, Клавдии Шульженко, которую нам довелось слушать в станице Тимашевской, трудно было тягаться с нашей полковой певицей. А чего стоили серые глаза Ксении Емельяновой!.. Однако я не собирался мешать Мише Талыкову мечтать о них. Ведь он рядом со мной на охапке сена лежит и ворочается с боку на бок... «Где теперь наши?»

На горизонте, в той стороне, куда нам скоро снова перелетать на новую точку с механиками в фюзеляжах, заалела полоска неба. Послышалось ровное дыхание Миши. Вслед за ним и я провалился в сон.

На следующий день Холобаев сказал:

— Задачу полку не отменили. Противник переправляет танки и продвигается на Майкоп и Туапсе. Командование требует, чтобы мост был разбит! — и припечатал крепко сжатым кулаком по столу. А сжат кулак был так, что даже кожа на суставах побелела. Пуская вместе со словами махорочный дым, заключил: — В общем, мост на нашей совести... Если и на этот раз не разобьете, придется вам же снова лететь... Сейчас выделяют усиленное истребительное прикрытие — двенадцать штук полетит, один контролер с фотоаппаратом, чтобы результаты точно зафиксировать. Пока заправляются, идите готовьтесь, думайте...

Мы с Талыковым ушли под наше дерево. Миша сел на землю, поставил локти на высоко поднятые колени, подпер кулаками скулы, устался на лежавший между ног планшет. У меня тоже было мутно на душе. «Мост на нашей совести...» Что это: упрек за вчерашний вылет? «Придется ведь снова вам лететь...» А будет ли кому снова лететь?

— Ну как пойдём? — спрашиваю Талыкова, имея в виду маршрут полета.

— Как бы ни идти, лишь бы мост разбить. — Он резко повернул голову, глянул мне в глаза: — Если и на этот раз бомбы мимо, развернусь и врежусь самолетом... .

Меня будто в грудь толкнуло. Я поверил его искренности — у Талыкова хватит решимости, это он уже доказал 29 июля там, у Несмеяновки... Что ему ответить? Если отговаривать — то, чего доброго, заартачится и еще больше утвердится в своем решении. Да и как буду выглядеть перед Талыковым я? Ведомый готов на все, а ведущий дрожит за свою шкуру? Я сделал вид, что ничего не слышал, и крепко задумался. «Погибнуть мы еще успеем... Как перехитрить противника, чтобы он нас не заметил издалека, как вчера? Азбучная истина тактики гласит: старайся не повторять того, что однажды сделал... А если зайти на мост с другого направления?» И тут меня будто осенило: как раз и получится, что мы будем подходить со стороны солнца! Если идти с пологим снижением и точно в створе между солнцем и целью, мы окажемся в слепящих лучах солнца — это помешает зенитчикам заблаговременно нас обнаружить. Вот только солнце слишком высоко уж поднялось... Ну и что? Мы высоту наберем побольше, снижение начнем издалека на минимальных оборотах, тогда и звук моторов нас тоже не выдаст... И еще пришла мысль: «Мы ведь вчера не давили огонь зениток, потому что перед атакой не успели набрать достаточной высоты. Теперь же другое дело!»

— Я полечу впереди и буду обстреливать дальний от нас берег, а ты оттянешься назад и пали по ближайшему. Подавим огонь зениток, а бомбами в это время будем целить по мосту, — сказал я.

Талыков внес и свое предложение:

— И бомбы сбросим не по инструкции, а метров с двухсот, а то и пониже... Ну тряхнет взрывной волной, пусть и дырки от своих осколков будут. Зато точнее попадем...

И вот мы в воздухе. Позади, словно конвой, — четверка истребителей; много выше ее вторая четверка плывет по небу. Это наши защитники. Остальные «ястребки» вырвались вперед, скрывшись в лучах солнца. Их задача — расчистить воздух от вражеских истребителей или сковать их боем до нашего подхода. Армавир мы обошли стороной, сделав изрядный крюк в сторону станицы Курганной. В этих местах тоже горели посева, и по всем проселкам ползли немецкие танки. Вот уже куда прорвались со вчерашнего вечера! Высоту мы начали набирать далеко от Прочноокопской, и, когда закончили разворот и взяли курс на цель, солнце оказалось строго за хвостом самолета. Снижаться было еще рано, а тут впереди что-то блеснуло на солнце. Навстречу пронеслась «рама» — двухфюзеляжный разведчик «Фокке-Вульф-189». Я взглянул на своих истребителей — думал, устроят погоню. Нет, не стали трогать эту «каракатицу». Молодцы ребята, удержались от соблазна увеличить боевой счет да еще и полторы тысячи рублей премии получить. Они твердо знают свое дело — охранять нас — и летят, соблюдая полное радиомолчание, никто словечком не перекинулся!

Показался мост — медленно наплывает на нас. На обоих берегах — скопище войск. Мы планируем на малых оборотах, направив носы штурмовиков на цель. Медленно теряется высота. А зенитки молчат. Хорошо... Ну пора начинать! Я выпустил «эрэсы» по дальнему берегу, заработали пушки, затрещали пулеметы, а мост уже в прицеле. Палец ложится на кнопку

сбрасывания бомб. Высота — четыреста... По привычке чуть было не нажал. «Бомбить ниже!» Секунда, еще одна, еще... Хватит! Вдавил пальцем кнопку и мгновенно ощутил сильный удар снизу. Показалось, что не на парашюте сижу, а на голой доске и по ней снизу кто-то ударил кувалдой. Самолет на большой скорости низко несется прямо на крутой берег. Делаю «горку» — под мелко вздрагивающими консолями крыльев мелькают танки, автомашины. В их гуще — дорожка багровых вспышек: это, конечно, Талыков при выходе из пикирования добавил туда огонька. В шлемофонах потрескивает, и тут же звучит знакомый сиплый голос истребителя:

— Молодцы, «горбатые»¹, попали в цель!

— Вас понял... понял... — ответил я, не торопясь и вроде бы вяло, а сам чуть не сорвался на радостный крик.

Сзади меня «девятка» плавно ложится то в правый, то в левый крен, грациозно выполняя «змейку». Я ценю это и понимаю, как сейчас хорошо на душе у Талыкова. Ровно поет мотор... Скорее бы аэродром Новоселицкое!

¹ «Горбатый» — русское фронтовое прозвище штурмовика Ил-2.

КАВКАЗ

Из Новоселицкогого мы перелетели на полевой аэродром Курская и оказались восточнее Минеральных Вод. Полк по-прежнему действовал лишь двумя самолетами: «восьмерка» и «девятка» оказались на редкость живучими. После бомбежки Прочноокопской переправы мы с Мишей сделали вдвоем десять боевых вылетов.

Было 8 августа 1942 года. Стояла такая жарища, какой в то знойное лето еще не бывало. До брони штурмовика не дотронуться — она словно раскаленная сковородка. Пока рулишь на старт, вода в системе охлаждения закипает, и мотор «самоварит» и «копит». При взлете с бомбовой нагрузкой штурмовики еле отрывались на самой границе летного поля.

Мы летали в легких комбинезонах, надетых поверх трусов: но и в таком одеянии даже при открытых форточках в полете чувствовали себя не лучше, чем в танке. Возвратившись с задания, рулили на стоянку к лесопосадке. Холобаев уже поджидал нас там, у водозаправщика, держа в руках шланг.

— А ну-ка, хлопцы, раздевайтесь! Быстро!

Мы сбрасывали комбинезоны, и командир, целясь в нас струей, приговаривал:

— Подставляйте-ка головы! Спины! Животы!..

Упругая струя приятно хлестала по телу, снимая усталость и напряжение. Мы фыркали, смеялись и в эти минуты забывали о том, что пришлось пережить в полете. Потом мы докладывали о выполнении задачи. «Канцелярия» нашего штаба размещалась тут же, в лесопосадке, недалеко от водозаправщика. Заместитель начальника штаба майор Гудименко со своей картой и бумагами расположился на ящиках от снарядов. Эти ящики ему заменяли и стол и стулья. Доложишь ему, что за этот вылет подожгли или повредили, сколько фрицев уничтожили, и потом он задает неизменный вопрос:

— Что видели?

И тут уж от Василия Тарасовича скоро не отделаешься. Все наши разведывательные данные он отмечал на карте, сопоставлял с тем, что докладывали ему после предыдущего полета, записывал в журнал боевых действий. А пока Гудименко занимается этим вопросом, на наши самолеты снова подвешивают бомбы и «эрэсы», укладывают в ящики ленты со снарядами и патронами к пушкам и пулеметам. Управляются быстро — на каждый самолет приходится по четыре механика. Потом командир снова поставит нам боевую задачу. А мы уже сделали два вылета и чертовски устали. Хочется полежать в тени под крылом самолета, отвлечься от всего.

— Что видели на дороге? — подчеркнуто вежливо и официально спрашивает Гудименко.

— Танки, автомашины, артиллерию... — безразлично отвечаю я ему. — Такая махина там прет...

А он все свое: «Что видели?», хотя знает об этом из предыдущего доклада.

— Где голова колонны?

— Подходит к Минеральным Водам...

— Покажите, пожалуйста, поточнее, — протягивает остро очиненный синий карандаш, которым на картах положено обозначать противника. Я нажал карандашом на то место, где мы с Талыковым видели головные части противника, — проткнул карту. Гудименко недовольно поморщился, отобрал карандаш. Подкладывает под карту папку, сам наносит условный знак — синюю стрелу.

— А где хвост колонны?

Он еще спрашивает, где хвост! Ведь почти от самого Дона нам не приходилось видеть конца колоннам противника — непрерывным потоком двигалась танковая армия Клейста. Вопрос о хвосте колонны уже начинает злить.

— Дорога курится до самого горизонта... — с напускным безразличием отвечаю я, чтобы скрыть свое раздражение и как-то досадить Гудименке.

— Сколько видели танков? — невозмутимо продолжает он, склонившись над картой и что-то записывая.

— Трудно сказать. Не считал... — я отворачиваюсь и начинаю крутить сигарку.

— Много, очень много! — вставляет запальчиво Талыков, забыв, что такие слова, как «много» или «мало», для Василия Тарасовича пустой звук. Ему нужны цифры, пусть не очень точные, но близкие к истине. Он должен составлять донесение в вышестоящий штаб.

— Давайте, пожалуйста, вместе прикидку сделаем, — уже просящим тоном говорит Гудименко, замечая наше нетерпение. И от того, как он это произносит, его становится жаль. Ведь нашему Тарасовичу и

ночью еще сидеть у коптящей снарядной гильзы, составлять итоговое донесение. Потом он будет его кодировать и долго «ворковать» в телефонную трубку, с трудом добившись связи со штабом дивизии. Если его там неправильно раскодируют, то уточнять будут до самого утра. А мы в это время с Талыковым будем отсыпаться...

Замечаем низко идущий У-2. Самолет приземлился с ходу, подрулил к лесопосадке. Из кабины вылез наш командир дивизии Гетьман. Мы обрадовались ему: давно не видели. Он тоже улыбается.

— Он, какие черные! Ну как воюете? Устали?

От этих слов да от пожатия руки стало хорошо на душе и в усталости признаваться не хотелось.

— Да нет...

А у Гетьмана уже сошла улыбка, сдвинулись на переносице выгоревшие брови. Он дает указания Холобаеву:

— Немедленно грузитесь на машину и направляйтесь в Ачалуки. Надо спешить, чтобы успеть проскочить вот по этой дороге... — он показал на карте путь. Посмотрел на наши самолеты — они уже с подвешенными бомбами и «эрэсами». — А вы уж слетайте еще разок на колонну. Сюда не возвращайтесь, посадка в Ачалуках. Следите за ракетами: площадку трудно отыскать с воздуха, вас будут ждать.

...Взлетели, набрали высоту, чтобы издали увидеть вражескую колонну. Курс на Пятигорск. Все ближе и ближе к нам шапки Бештау и Машука. Из темных они постепенно превращаются в зеленые. А что это там, вдали? Колонна? Точно, она. Неужели наши отходят к

Пятигорску? На всякий случай проверим. Посмотрел через форточку на идущего рядом Талыкова. Он заметил поворот моей головы, качнул с крыла на крыло. Значит, тоже видит колонну. «Не может быть, чтобы противник уже так далеко продвинулся!» Машук подплывает под левое крыло... И вдруг по нам стеганула зенитка. Тряхнуло самолет, вокруг появилось множество черных дымок. Противник! Ноги двинули педаль, Машук поплыл в сторону... «Что это я? Крен убрать! Цель впереди!» Взглянул вправо на «девятку» — она идет, чуть оттянувшись назад, как и положено перед атакой. Хорошо иметь ведомого, который не дрогнул в такой момент и не тащится у тебя за хвостом мертвым грузом. С ним забываешь, что нас только двое, а внизу колонна без конца и края...

Бьют вслед зенитки, на дороге горят машины, мечутся вражеские солдаты. Теперь курс на Ачалуки. Я взглянул на Талыкова, а тот круто отвернул в сторону, снова пикирует: заметил еще целую машину, как тогда, под Лисичанском. Пришлось его подождать...

Несемся на бреющем. Позади осталась станица Прохладная. Скоро должны быть Ачалуки, где нас ждут друзья... Одна за другой взвиваются красные ракеты. Становимся в круг, а там, где лежат белые полотнища, уже полыхает огонь. Переусердствовал дежурный по полетам: от ракет загорелась пересохшая трава. Но не ждать же нам, пока выгорит полоса: горячего мало. «Восьмерка», а вслед за ней и «девятка», сбивая винтами пламя, мягко катятся по земле.

Вечером полк выстроился в две шеренги. На левом фланге Дремлюк со знаменем. Перед строем, лицом ко всем, — мы с Талыковым. Он в вылинявшей, почти белой гимнастике, которую уже успела про-

стирнуть в арыке его сероглазая Ксения. Пилотка сдвинута на правую бровь, на бронзовой шее — белый подворотничок...

Командир полка сам читает приказ, в котором говорится о действиях пары штурмовиков при налете на Прочноокопский мост. Нам с Талыковым объявляется благодарность. Дружно отвечаем:

— Служу трудовому народу!

В Ачалуках командир полка решил отметить окончание второго «тура» торжественным ужином. Кроме каши, которая «шептала» в большом котле, должно быть еще и вино. Небольшой бочонок, неведомо кем и где раздобытый по такому случаю, дожидался своего часа около дверей сакли.

Перед ужином к нам на У-2 наведалься начальник политотдела дивизии.

— Что в бочонке? — спросил он, ткнув его каблук хромового сапога.

— Вино.

— Значит, так осмыслили приказ 227? Решили победу отпраздновать? — Не дожидаясь ответа, он вытащил дамский кольт-браунинг, висевший у него на крутом бедре, пальнул в бочонок и улетел.

Так наш бочонок без суда и следствия угодил под расстрел. Но не все из него вытекло — прицел был взят высокогато. Смекалистые ребята принялись из лужиц черпать красную влагу ложками, собранное фильтровали через бинт. Так что на небольшую компанию этого должно было хватить.

Константин Холобаев уселся по-татарски на полу сакли, усадил вокруг летчиков. Консервная банка с вином пошла по кругу. Не успела она снова вернуться к командиру, как в дверях в комбинезоне, в летном

шлеме появился... сержант Леня Букреев! Почти две недели прошло с тех пор, как он полетел на Дон бить переправу и не вернулся в Кагальницкую. Его считали погибшим, а он подоспел на торжественный ужин!

На следующий день мы с Талыковым перегнали «восьмерку» и «девятку» на другой аэродром и передали братскому 103-му полку.

Комиссар построил наш полк.

— Нас отводят на переформирование. Соберемся с силами, а потом — вперед, только на запад!

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

В ауле Ачалуки нам нельзя было засиживаться дольше одного дня, хотя мы все очень нуждались в отдыхе. Соединения 1-й танковой армии Клейста подходили к Нальчику, станице Прохладной и Моздоку, пытаясь прижать к горам группировку наших войск. Противник теснил ослабленную 37-ю армию генерала М.П. Козлова к лесистым предгорьям Кавказского хребта. Справа от нее 9-я армия генерала К.А. Коротеева спешила поглубже зарыться в землю на берегу бурного Терека, чтобы с севера прикрыть подступы к Военно-Грузинской дороге и к Грозному.

Двенадцатого августа 1942 года мы двинулись на восток по пыльной долине Алхан-Чурт, зажатой с обеих сторон Терским и Сунженским хребтами. В тыл отходили вереницы солдат с почерневшими бинтами, а навстречу, к передовой, шагали колонны пехоты с винтовками и автоматами. Встречались также подразделения солдат, которые по двое несли на плечах длинные тонкоствольные ружья, это шли истребители танков.

В оросительных каналах вместо воды чернела грозненская нефть. Это был новый вид противотанковых препятствий: в нужный момент каналы запылают огнем...

Кое-кто из нас примостился в кузовах растрепанных, громыхавших на ухабах грузовиков, но большинству пришлось продолжать пеший путь, начавшийся от Ростова. Ехали и шли молча — одолевали невеселые мысли. После зимних поражений гитлеровских войск под Москвой, Тихвином и Ростовом многие думали, что наступил наконец перелом в войне: ведь гитлеровцы потеряли тогда около тридцати дивизий и были отброшены на некоторых участках фронта на 400 километров. «Теперь — только на запад!» — думали мы. Но события неожиданно развернулись иначе: фашистским войскам удалось полностью овладеть Крымом, прорваться к Сталинграду и выйти к предгорьям Кавказа. А второго фронта в Европе все еще не было...

Меня война занесла в знакомые места. Я вспомнил санаторий Буюр-Нус, откуда заспешил в Николаев, чтобы не опоздать на фронт. А сейчас в Крыму немцы, и, кажется, на всех хватит этой затянувшейся войны. Враг рвется к Нальчику — городу моей крылатой юности, где в 1934 году я начал работать летчиком-инструктором в аэроклубе. В Дербенте, куда мы теперь направлялись, мне побывать еще не довелось, но об этом древнем городе я слышал от матери в детстве. От воспоминаний щемило сердце: разве можно было предположить, что война докатится до этих мест, которые я когда-то считал краем нашей земли? Вот и увижу теперь Дербент, где полвека назад ступала нога моих покойных родителей, увижу и то самое синее море, о котором рассказывала мать...

Остановку для сбора полка сделали на окраине Гудермеса возле заброшенного сарая и скирды. От несметных полчищ комаров и мошкары звенел воздух. Наверное, поэтому мы и не сразу услышали звук моторов высоко летевшего немецкого разведчика.

— Повыше Эльбруса попер, на Баку, — заключил Талыков, взглянув на свою карту.

— А может, и на Тбилиси, — возразили ему.

Мы не знали, куда двинемся после Дербента, и кто-то высказал предположение, которое никому до этого и в голову не приходило:

— А ведь нас могут теперь через Иран в Англию послать.

— Зачем?

— Так надо ж второй фронт открывать! Они, как видно, дрейфят, а мы пообвыклись, пример им покажем...

— А и в самом деле могут послать...

— Только пообносились мы здорово, внешний вид неподходящий.

— За этим дело не станет, новое выдадут.

Мысль о посылке советских летчиков для открытия второго фронта показалась нам правдоподобной. А потом еще размечтались о том дне, когда кончится война. Понимали, конечно, что придет этот день не скоро, поэтому счет времени вели трезво.

— Сколько пятились на восток, столько же и потерянную территорию отвоевывать придется, — высказался Федя Артемов.

Но кто-то его подправил:

— Это если только до нашей границы наступать, а как до самого логова — то еще годик придется накинуть...

— А интересно: будет ли тогда парад на Красной площади?

— Спрашиваешь! Конечно, будет! И наземный и воздушный! Штурмовиков через Красную площадь на бреющем пошлют.

— На бреющем нельзя — кремлевские башни высоки!

— А мы чуточку повыше их!

— А из бомболюков будем сыпать цветы, — убежденно сказал Талыков.

После разговора о параде все почему-то приумолкли. Возможно, кто и дремал, но многие, подперев ладонями подбородки, смотрели на пунцовый, мирно тлевший в дымаре жар.

Созданная нашим воображением картина выглядела красочно: солнечный день, штурмовики стремительно проносятся над древними кремлевскими башнями; под нами нескончаемый людской поток вливается на Красную площадь; колонны расцвечены алыми стягами, реют на ветру знамена... С земли нам приветственно машут руками, а мы, победители, сыпем сверху на колонны живые цветы... И наверное, каждый тогда подумал: «А кому же из нас доведется пролететь над Красной площадью в тот солнечный день?..»

На следующий день в Гудермес прибыли пешие. Им пришлось пройти от Ростова километров 700 под частыми бомбежками, без запасов продовольствия, с ночевками под открытым небом в степи. Пришли они обносившиеся, со стертymi ногами, многие даже босиком, зато никто не потерялся. Вместе с наземным эшеленом прибыл грузовик, заваленный вещевыми мешками и ободранными чемоданами. Там были и вещи погибших. Отправить бы их родным, но куда адресовать? Многие города и села, где жили семьи наших однополчан, оказались на оккупированной территории, а кто в какие края успел эвакуироваться — неизвестно.

Майор Хашпер, недавно назначенный на должность командира уже не существующей второй эскад-

рильи и возглавлявший наземный эшелон, обратился к Холобаеву:

— Вещи погибших — лишний груз. Машина и так без рессор осталась.

— Что ж, по-твоему, выбросить их?

— Зачем же? Надо раздать тем, у кого обмундирование пришло в негодность.

Кто-то из штабных возразил:

— С мертвых вроде бы неудобно...

— С каких это мертвых? — вскинулся Холобаев. — Это наши товарищи, погибшие в боях! Гимнастерку Мосьпанова или Бойко любой из нас станет носить с великой гордостью. Обязательно раздадим. И не просто будем раздавать, а специально организуем вручение. Сегодня же!

К вечеру у скирды выставили обувь, разложили стопочками гимнастерки, свитера. Сильно поредевший полк выстроили в одну шеренгу. Строй медленно обходил командир с начальником штаба. Остановились напротив «профессора» Шума: у того сапоги были хитроумно замотаны проволокой и все равно «просили каши» — портянки вылезают.

— Шум, три шага вперед!

Максиму Ивановичу Шуму вручили сапоги погибшего Ивана Боброва. С поникшей головой он возвратился в строй, а командир двинулся дальше. Федя Артемов стеснительно прикрывает ладонями выгоревшую дыру в подоле гимнастерки.

— Опустит руки... Уже и на летчика не похож, — пожурил его командир.

Артемову была торжественно вручена гимнастерка Ивана Бойко, нашего друга. Федя возвращался на свое место, неся сложенную гимнастерку на обеих руках, и на глазах у него проступали слезы. Как живой

виделся ему Иван Бойко — плечистый, с широкой улыбкой, голова забинтована. Таким Иван запомнился всем нам, когда появился в полк после вынужденной посадки в Донбассе. Он тогда еле перетянул линию фронта, срубил крылом сосну — и штурмовик завертелся волчком. Ивана направили в лазарет, но вскоре он сбежал оттуда и объявился на КП. Размотал бинты, чтобы шлем налезал на голову, и — к командиру:

— Посылайте на задание, не болит у меня голова!

А 16 июля он полетел на разведку колонн противника в район Миллерова и не вернулся...

Гимнастерка Артемову оказалась впору, только по знакам различия не подходила: Бойко был лейтенантом, а Артемов на ранг ниже, младшим. И пришлось тогда Феде снять по одному красному квадратику с выцветших петличек — на них остались не тронутые солнцем ярко-голубые отпечатки, как светлая память о друге.

...Обстоятельства гибели Ивана Бойко выяснились через 25 лет. Я развернул газету «Советская Россия» от 22 июня 1966 года — и увидел там статью с фотографией двух улыбающихся летчиков. Под снимком был текст: «Справа — лейтенант Бойко, не подскажут ли читатели, кто слева?» Эта фотография многие годы хранилась у колхозника хутора Ерофеевки Ростовской области. Восьмилетним мальчуганом он наблюдал за воздушным боем одного штурмовика с шестью вражескими истребителями, которые долго кружили, пытаясь зайти ему в хвост. Штурмовик ловко увертывался от дымных дорожек, которые с треском неслись к его хвосту. А потом наш летчик выпустил очередь вслед проскочившему вперед «мессеру», и тот вспыхнул. Но вскоре штурмовик тоже пошел на сни-

жение и скрылся за бугром. Мальчик побежал туда и увидел на лесной поляне самолет. Недалеко от крыла лицом вниз лежал летчик, словно укрылся от жаркого солнца в тени под раскидистым дубом, чтобы отдохнуть после тяжелого боя. Гимнастерку летчика на поясице будто прострочило швейной машинкой. Ночью его отец тайно похоронил летчика за хутором на высоком бугре. В кармане гимнастерки у него нашли фотографию — ту самую, которая была помещена в газете через четверть века.

Я тут же позвонил в редакцию: в летчике, который был слева от Бойко, я узнал себя, еще молодого...

Из Гудермеса железнодорожным составом мы тронулись в Дербент. Какое же это блаженство — лежать на верхних нарах под самой крышей товарняка, растянувшись на спине! Вагон покачивается, словно лодка на мелкой волне, а тебя уже не жалят комары, и под чугунный перестук колес крепко спится. И спал бы так, кажется, целую вечность. Но вдруг лязгнули буфера, вагон задергался. Тут же меня кто-то начал тормозить. Продрал глаза — мой сосед по нарам, летчик Петро Руденко.

— Вставай, вставай, та швидче! Командир кличе! — кричал он.

— Где мы? — спросил я спросонья.

— В Махачкалу приехали.

— Так нам же дальше, в Дербент!

— Яке тоби дило! Швидче собирайся, як сам командир кличе! — торопил меня Петро, стягивая с нар свои вещички — фанерный, окрашенный голубым эмалитом пузатый чемодан с висячим замком да темно-синюю довоенного образца шинель с «курицей» на левом рукаве. «Курица» — эмблема летчика: два рас-

простертых птичьих крыла, а посередине звездочка и скрещенные мечи. Вышитая когда-то серебряной витой канителью, на шинели Петра она давно уже почернела.

Командир действительно высадил с поезда шестерых наиболее опытных летчиков. Эшелон вскоре тронулся дальше. Мы разыскали нескольких наших техников. Они уже вторую неделю бились тут, чтобы отправить по железной дороге в авиаремонтные мастерские семь штурмовиков, — не было платформ. На этих штурмовиках нужно было менять моторы: в маслофильтрах находили серебристую стружку — признак разрушения подшипников.

Холобаев сказал нам:

— Сюда на этих самолетах ведь кто-то долетел — долетим и мы. До мастерских — менее часа лета. В горы лезть не будем, в открытое море — тоже, а пойдем вдоль бережка. Если у кого откажет мотор — садитесь только с убранным шасси на прибрежный песок или мелкую воду. Уразумели?

— Так хиба ж море милке? — удивленно спросил Петро.

— Ближе к берегу будет «милке», — улыбнулся командир.

Ему нравился украинский говор этого летчика, и в разговоре с ним он при удобном случае тоже «ввертывал» украинские словечки, неумело подражая собеседнику.

Младшему лейтенанту Петру Руденко, молчаливому летчику, шел двадцать третий год. Однако еще до войны он успел жениться и с фронта часто писал письма «до Оли» в хутор Муртусово Конотопского района. Узнав о сдаче Конотопа, он перестал писать и сделался еще менее разговорчивым. С детства кре-

стьянская жизнь не баловала Петра. И ходил он, глядя больше в землю и сутулясь, будто на своих крепких плечах нес мешок с зерном. С шестнадцати лет Петро работал на Конотопском электромеханическом заводе. Без отрыва от производства закончил аэроклуб, а потом Серпуховскую военную школу. По всему было видно, что нелегко далась Петру летная профессия, но он принадлежал к той категории людей, которые хоть и с трудом постигают всякие премудрости, но зато уж накрепко.

Воевал он смело, но в то же время прямолинейно, не применяя каких-либо хитростей для обмана противника, и, наверное, поэтому чаще других возвращался с задания на искалеченном самолете. Впрочем, к пробоинам в крыльях он был равнодушен... Сто боевых вылетов к тому времени совершил Руденко — рекордный в полку боевой счет, но из-за того, что поначалу у него не клеилось дело с ориентировкой, он дольше других летал ведомым. Теперь его выдвинули на должность заместителя командира эскадрильи. Ходили слухи, что представили к высшей награде, и все мы ждали, когда Петро будет Героем Советского Союза...

Руденко был бережливым. Даже на фронте, где никому неизвестно, когда пробьет его последний час, он складывал копеечку к копеечке и ничего лишнего себе не позволял. Но в Махачкале Петро удивил всех своей расточительностью. Командир отпустил нас в город: «Побродите вволю на людях. К вечеру чтоб все были на месте. Вылетим рано, пока не жарко, да и выспаться надо».

Мы ходили гурьбой по городу, искали «Тройной одеколон» для бритвы, но купить его нигде не удалось. Об этой принадлежности туалета забыли и го-

рожане, одеколон с прилавков давно исчез как предмет роскоши. У магазинов стояли бесконечные очереди — хлеб выдавали по карточкам. Тогда мы направились к пристани, чтобы посмотреть на синее море да искупаться. Там же, вдоль берега, сколько глаз видел, расположились многотысячным табором беженцы. Женщины с детьми, старики да старухи неделями ожидали посадки на пароход, чтобы эвакуироваться за Каспий. И море было совсем не синим, а грязным от нефти (говорили, где-то затонул танкер), на воде плавали арбузные корки, обрывки газет, всякий мусор...

Возвращаясь, хватились: исчез Петро Руденко. Появился он к вечеру с обклеенным синим дерматином чемоданчиком.

— А я патыхвон купив! — торжественно объявил он.

— Зачем он тебе, Петро? — заинтересовались мы необычной и по военным временам дорогой покупкой.

— Щоб на танцах у нас грав.

— Так ведь Юрченко на баяне играет!

— Вин такого не грае...

Петро откинул крышку, поставил единственную пластинку, покрутил ручку, и мы услышали всем знакомую «Рио-Риту».

— Пид цей фокстрот я з Олей познаемывся на танцах, — открылся нам Петро.

А за ужином при всех сказал Холобаеву:

— Як мене вже не стане, то подарить цей патыхвон, товарищ командир, тому летчику, який буде найхрабрійшим...

Утром следующего дня мы взлетели. Пристроились к Холобаеву и вслед за ним сделали над аэро-

дроном круг, чтобы набрать побольше высоты. Она нам могла пригодиться, чтобы в случае отказа двигателя хватило времени спланировать на «мелкую воду». Взяли курс на юг. Вскоре по правому борту навстречу медленно поплыли мрачные, с темными ущельями скалы Дагестана, а слева голубело тихое, словно застывшее, море. Вглядываясь в его даль, нельзя было понять, где оно кончается: вода сливалась с такого же цвета безоблачным небом. Консоль левого крыла медленно покачивалась над этим бесконечным покоем, и трудно было определить: ровно летит самолет или с креном. Пришлось все время косить глазами на горы да часто посматривать на стрелку прибора, показывающую температуру воды. Стрелка вскоре уже достигла красного деления, это максимум: мотор начал перегреваться.

Долго тянулись минуты, пока впереди, на крутом берегу, не показалась россыпь выбеленных домиков, остатки крепостных стен и в середине, словно поднятая к небу пика, мечеть. Это и есть Дербент, половина нашего пути. А когда город уплыл под крыло, горы постепенно отступили от берега, из-за моря поднялся огненный диск, позолотивший песчаные отмели. Температура воды в системе охлаждения перевалила за предел, и на бронестекле заискрились мелкие брызги — воду выбивало через клапан редуктора. Прошло еще двадцать минут напряженного полета, когда ждешь, что вот-вот заклинит мотор, и уже не до созерцания земных красот. Наконец аэродром. Один за другим мы приземлились с ходу, не делая никаких кругов. Долетели!

Командир ходил приосанившись, словно полководец, выигравший крупное сражение.

— Перекусим, потом искупаемся в синем море — и на поезд! — сказал он.

Столовая на аэродроме была маленькая, пришлось постоять в длиннющей очереди. А солнце уже жарило вовсю. С гор срывался ветер и гнал по земле космы песка. На зубах хрустело, на гимнастёрках выступила соль. Тело зудело не то от укусов гудермесских комаров, не то от насекомых, которые появились за несколько недель странствий по безводному Донбассу и Сальским степям.

Из столовой мы заспешили к морю, которое было очень чистым. Сутулый Руденко с патефоном широко вышагивал впереди. Он первым разделся, обнажив белое, цвета бумаги, тело. Только чернели, будто приставленные, кисти рук да ровно загоревшая шея. Петро зашел по колено в воду, нагнулся, зачерпнул пригоршню воды, хлебнул и зло сплюнул:

— Яка ж вона гирка... — Постоял в раздумье, выбежал на берег, схватил камень, сгреб свою амуницию, погрузил ее в воду и привалил камнем ко дну.

— Хай воны в ций води и подохнуть!

Развеселил нас Петро. Мы, как мальчишки, долго барахтались в воде, ныряли, хохотали, а потом улеглись подряд нагишом, подставив солнцу белые спины, и вскоре притихли. Только Петро все скрипел заводной ручкой патефона. По ногам ритмично плескалась зыбь. Сквозь дрему мы слушали бойкую «Рио-Риту», а потом и звуки патефона, и всплески прибоя, и нас самих будто унесло теплым ветром в море...

Федя Артемов проснулся первым.

— Сгорели! — крикнул он.

Все вскочили, как по боевой тревоге: где пожар?! И тут же раздался дружный смех: наши спины, и ноги,

и то, что возвышалось между ними, были цвета кума-ча, а у Холобаева на лопатках появились волдыри. Петро в одежде Адама понуро стоял около своего патефона: его любимая пластинка сплавилась на солнце, края свисали с диска, словно блин с тарелки, игла вошла в нее, как в мягкий воск. Мы быстро оделись и направились на вокзал. Руденко раздобыл крынку кислого молока и смазал всем спины. Но это мало помогло: в поезде до самого Дербента никто из нас не мог ни сесть, ни лечь. Стояли мы у окон вагона, и глаз невозможно было оторвать от синего моря. На горизонте виднелся пароход: за трубой по морю волочилась длинная полоса дыма...

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ КАСПИЙ

Созрел виноград. Для его уборки в Дербенте не хватало людей — мужчины ушли в армию, а женщин тоже осталось мало: кто копает противотанковые рвы, кто в переполненных госпиталях ухаживает за ранеными. Нас послали в совхоз снимать богатый урожай. Работали мы на виноградниках и отъедались: одну кисть в корзину, вторую — в рот. Но нам не пришлось как следует насытиться живительным соком: объявили, что летчикам предстоит дальний путь в Куйбышев, где обосновался с авиационным заводом С.В. Ильюшин. Часть техников тоже должна была отправиться с нами.

В догадках ломали головы: как туда теперь добираться? Все ближайшие железные дороги перехвачены противником, его авиация зверствует и на Волге — бомбит пароходы. Путь остается один — только через Каспийское море. Если пароходом, то надо плыть километров 600 до Гурьева, а дальше круглым путем по железной дороге.

Поздно вечером к нам зашел повеселевший от молодого вина Холобаев:

— Завтра отправляемся! Лишних шмуток с собой не брать! Прихватить парашюты! Полетим на «братской могиле».

У молодых летчиков-сержантов округлились глаза, а бывалые знали, что «братской могилой» повсеместно именовали давно устаревший тихоходный гигант с четырьмя моторами — тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Он имел на борту многочисленный экипаж, и, когда случалась катастрофа, приходилось хоронить сразу одиннадцать человек.

Утром нас погрузили в огромный бомбоотсек, а не уместившимся в нем пришлось забраться внутрь толстого крыла и лежать там, скорчившись. Наконец загудели моторы, самолет пошел на взлет. Мы сидели, как в закупоренном ящике, не видя белого света. Огромный металлический самолет от вибрации так лихорадило, что кожа мелко вздрагивала студнем. Вдобавок вскоре началась сильная болтанка. Тихоходный ТБ-3 с огромными крыльями то «вспухал» на восходящих токах воздуха, то вдруг терял опору, резко проваливался, и мы вместе с парашютами, на которых сидели, отделялись от пола. Многих начало укачивать, и побледневшие летчики по очереди стеснительно пробирались в хвостовую часть фюзеляжа. «Может, оттого так швыряет самолет, что мы летим над горами?» В полу отыскалась щель, любопытные начали к ней лхнуть и увидели картину, совсем не радовавшую глаз: под самолетом, совсем близко, дыбились высокие гребни пенистых волн. После этого все притихли, закрыли глаза, прикидываясь спящими. Лишь через пять часов полета под нами поплыли жаркие пески. Только тогда мы зашевелились, начали курить в кулак. К вечеру приземлились на травяном аэродроме. У нас под ногами долго еще качалась земля. От ужина отказались, завалились на нары в неосвещенном бараке: спать, спать...

На рассвете появился наш неугомонный командир: — Подъем! Не к теще на блины приехали! Быстро завтракать — и на заводской аэродром. Будем сюда перегонять самолеты.

В столовой мы нехотя ковыряли гнутыми вилками сухую, сбившуюся в комки пшеничную кашу. Голодная тыловая норма...

На заводском аэродроме в несколько длинных рядов выстроились новенькие штурмовики. Нам предоставили право выбирать самолеты. Техники придирчиво их осматривали, и наш «профессор» Шум был нарасхват, — каждому хотелось, чтобы он сам прослушал работу мотора. Выделялась нам и спарка. Вот когда наконец появился на свет этот долгожданный учебно-тренировочный УИЛ-2 с двойным управлением. На нем мы будем проверять технику пилотирования отобранных из запасной бригады летчиков и давать им провозные полеты.

Из Дербента нас прилетело человек десять воевавших летчиков. Среди них Петр Руденко, Михаил Ворожбиев, Владимир Зангиев, Михаил Талыков, Леонид Букреев, Евгений Ежов, Николай Дорогавцев, Василий Шамшурин... Привезли мы с собой и выпускников Ворошиловградского училища сержантов Ивана Остапенко, Георгия Бондаренко, Петра Цыганова, Григория Снопко, прибывших в полк еще в Кагальницкую, но не сделавших ни одного боевого вылета. Около двадцати летчиков предстояло нам взять в полк, оттренировать и подготовить к тысячекилометровому перелету на фронт.

Первую половину сентября с утра до вечера летали со степного аэродрома. Проверяли, отсеивали, тренировали летчиков. Холобаев предъявлял особые требования к радиосвязи. Он говорил:

— Кто в полете не слышит команд с земли, тот верный кандидат в покойники. Таких в полку мне не надо!

И все же без казусов не обошлось. Возвращался как-то с тренировочного полета сержант Снопко, светловолосый и добродушный летчик, всегда красневший при разговоре с начальством. Заходил он на посадку, а шасси выпустить забыл. Ему подсказывали по радио, но он на команды не реагировал. Красными ракетами угнали его на второй круг. Еще несколько раз Снопко упорно пытался посадить самолет с убранными шасси, тогда ему крест из полотнищ выложили и палили сразу из нескольких ракетниц. Измотавшийся летчик уже перестал обращать внимание на запрещающие сигналы, и решил садиться с убранными шасси. Когда он планировал, майор Хашпер предпринял рискованный шаг: выбежал на полосу приземления, поднял руки. «Не будет же летчик таранить своего командира эскадрильи, если увидит». Снопко, к счастью, заметил впереди человека и в пятый раз дал полные обороты двигателю, прекратив снижение. В этот момент Хашпер повалился на спину, поднял длинные ноги, начал ими дрыгать и хлопать ладонями по голенищам. Летчик, увидевший такую картину, сообразил, что он «ноги» забыл выпустить. Благодаря этому полет Снопко закончился без поломки.

Холобаев вгорячах хотел было отчислить этого летчика из полка, но, крупно поговорив с ним, все же оставил. На фронте Гриша Снопко оказался летчиком, украсившим нашу гвардейскую семью, а случай потери радиосвязи он запомнил на всю недолгую в авиации жизнь.

У меня в 3-й эскадрилье был сержант Иван Остапенко. Этот круглолицый флегматичный украинец из

села Долгенького Харьковской области оказался неистощимым балагуром. Притихшие летчики и техники с застывшими улыбками могли слушать Остапенко часами. Тогда вечернюю тишину, словно орудийные залпы, сотрясали короткие взрывы хохота. В центре своих историй он неизменно ставил себя, но прикидывался простачком, «работая» не то под бравого солдата Швейка¹, не то под любимца фронтовиков Васю Теркина². Случаи, взятые из жизни, у рассказчика обрастали затейливыми выдумками, и трудно было понять, где кончается правда и начинаются сущие небылицы. Остапенко был вралем с богатой фантазией, а люди, умевшие веселить, нигде так не ценились, как на фронте. Я был рад, что у нас в эскадрилье завелся такой.

Но вот с этим-то Остапенко и произошел случай, который мог разлучить его с полком. Холобаев, не покидавший в эти дни старта, часто брал микрофон, чтобы самому убедиться, как слышат летчики «землю». Поскольку на большинстве самолетов стояли только приемники (передатчики были лишь на самолетах командиров эскадрилий и их заместителей), то слышимость проверялась своеобразно — от летчика требовали выполнить какую-нибудь несложную эволюцию: сделает — значит, услышал...

Над стартом пролетал самолет с бортовым номером «25».

— Кто летит? — спросил меня Холобаев.

— Сержант Остапенко.

¹ Герой популярнейших романов чешского писателя Я. Гашека, солдат-недотепа времен Первой мировой войны.

² Мифический персонаж, герой фронтовых стихов И. Твардовского, неунывающий и везучий русский солдат-пехотинец.

Командир взял микрофон:

— «Двадцать пятый», если слышишь меня — помаши крыльями!

Остапенко, однако, продолжал полет по прямой, не шелохнувшись. Холобаев гневно бросил:

— Твой любимчик только на земле разглагольствовать мастер, а в воздухе он, оказывается, того... — и покрутил указательным пальцем около виска. — Уберем его из полка, пусть еще в бригаде подучится...

— Константин Николаевич, — говорю я командиру, — ведь он у нас от Ростова пешком протопал... Сядет — тогда и разберемся: может, лампа отказала или еще что...

— Плохому танцору всегда что-нибудь да мешает! Посмотрим, как он у тебя сядет...

— Посадка у него отработана, сейчас убедитесь...

И надо же такому случиться! Остапенко, хорошо сажавший самолет, на этот раз подошел к земле слишком низко, ткнулся колесами и «скозлил»: штурмовик сделал несколько прыжков.

— Видно птицу по полету... Пешком топать — не летать. Пришли его ко мне!

Остапенко подошел к командиру по-строевому, лихо козырнул.

— Приемник перед взлетом настраивал?

— Так точно, настраивал.

— Команду мою слышал?

— Так точно, слышал.

— А почему не выполнил?!

— Не мог, товарищ командир, — невозмутимо ответил сержант.

— Интересуюсь, что же помешало?

— Вы давали команду помахать крыльями, а этого сделать никак невозможно: крылья к фюзеляжу жест-

ко прикреплены. Вот если бы покачать с крыла на крыло, то дело другое... — с невинным видом объяснил сержант.

— А почему сел с «козлами»?

— Знал, что за невыполнение команды по радио нагоняй будет, волновался.

Стоявшие поблизости фыркнули, и Холобаев засмеялся громче всех.

Перелет полка на фронт был назначен на 20 сентября. Казалось бы, что тут сложного? Взлетел, собрал всю эскадрилью — 12 самолетов, пролетел час по прямой — и посадка для заправки. Такие посадки в районе Саратова, у озера Эльтон, под Астраханью, Махачкалой и, наконец, у Гудермеса — вот мы и дома... И условия для перелета благоприятные: небо безоблачное, воздух прозрачный — с высоты местность просматривается на многие километры. Видимость, как говорят в таких случаях, миллион на миллион. Пролетать будем в стороне от мест, где идет война, ни зениток тебе, ни «мессеров». Одним словом, прогулка. Между тем Холобаев на подготовку к перелету выделил целый день.

Мы занимались прокладкой маршрута, и командир появлялся то в первой эскадрилье у Петра Руденко (его выдвинули на должность комэски), то во второй, у майора Хашпера, то у меня, в третьей. Вот он снова как из-под земли вырос, выхватил у Остапенко карту и давай его экзаменовать:

— Компасный курс на первом этапе полета? Путевое время? Какие характерные ориентиры будем пролетать? — Сержант бойко, правильно отвечает. Я рад за него.

Судя по вопросам, командир больше всего опасается потери ориентировки. Но как по такой трассе за-

блудиться? Волга, потом единственная железная дорога в степи — очень надежные линейные ориентиры. К тому же впереди каждой эскадрильи, которые будут взлетать одна за другой через 30 минут, полетит лидер — бомбардировщик Пе-2 со штурманом на борту. Он будет вести нас от одного пункта к другому. Однако командиру полка этого показалось мало, и он решил к Петру Руденко приставить еще и контролера — майора Галущенко, только что назначенного к нам штурманом полка.

Николай Кириллович Галущенко, атлетически сложенный здоровяк с орлиным взглядом и прекрасно вылепленной головой, был превосходным летчиком. О таких говорили: не летает, а рисует в воздухе. И повоевать ему пришлось раньше нас: еще в тридцать седьмом он был летчиком-добровольцем в Китае, летал на бомбардировщике СБ. Вот его-то командир полка и решил приставить к эскадрилье Петра Руденко, чтобы подстраховать молодого комэску от всяких случайностей. Узнав об этой опеке, Петро надулся. Но командир, по-видимому, не забыл случая, как Руденко год назад, в Донбассе, чуть не угодил под суд. Тогда он, возвращаясь с задания, отбилсЯ от группы, потерял ориентировку и сел в степи. Расспросив у местных жителей, где он находится, летчик взлетел, но снова заблудился. День был на исходе... Вторично приземлился на окраине какого-то села, чтобы опять расспросить о местонахождении, а там говорят: «Немцы близко!» Тогда Руденко свалил в кабину, как в печку, охапку дров, облил бензином и поджег. В полк он вернулся пешком. Тогда и начались у Петра неприятности: слухи о близости противника оказались ложными, а самолет был уничтожен. Вот поэтому коман-

дир полка решил подстраховать его от всяких случайностей и зазорного в этом ничего не видел.

Рано утром мою эскадрилью выпустили первой. Быстро собрались звенья в клин четверок, легли на курс. Вскоре нас обогнал лидер и «повис» впереди с превышением. Справа от меня спокойно летит Остапенко. Поглядывая в его сторону, вижу широкую ленту Волги и медленно уходящие к востоку пожелтевшие Жигули.

Первая посадка. К самолетам подъехали бензозаправщики. Вслед за нами к аэродрому подошла эскадрилья Руденко. Когда все самолеты третьей эскадрильи были заправлены и механики уже начали залезать в фюзеляжные лючки, последняя эскадрилья Хашпера заканчивала посадку. Третьей эскадрилья — взлет. Точно укладываемся в график!

Снова в воздухе. Волга вильнула вправо и скрылась. Теперь мы не увидим ее до самой Астрахани. Далеко в стороне осталась моя родная Николаевка и разбитый теперь Сталинград. Под нами ровная степь. По железной дороге ползут товарняки: на фронт, на фронт... Наконец-то впереди показалось белое, словно заснеженное, соленое озеро Эльтон. Невдалеке от него нам сигналият ракетами. Ходобаев первым пошел на снижение, чтобы успеть руководить с земли посадкой. Сели, разминаемся, а в ушах стоит гул, будто все еще рожает мотор. Печет солнце. Вижу — ко мне спешит Федя Артемов, мой заместитель:

— У нас одного самолета не хватает!

— Чего мелешь! К аэродрому все подошли, сам пересчитал.

— «Двадцать пятый» исчез!

Опять Остапенко! Мы с Артемовым вскарабкались на мотор и с высоты обозреваем полынную степь.

— Что там пылит? — показывает он рукой и ладонью прикрывает глаза от солнца.

— Автомобиль, наверное. Что еще может в степи пылить?

— А не самолет ли рулит?

— Не мог же он приземлиться за тридевять земель...

К нам подбежал Холобаев, флажками в том же направлении тычет:

— Ты видишь, куда твой хохол¹ умудрился сесть?!

Остапенко долго рулил, попадая колесами в сурочьи норы, в моторе закипела вода. Техники облепили самолет, осматривали шасси, долго копались в моторе. Оказалось, что Остапенко вышел на последнюю прямую перед посадкой, а солнце, светившее в глаза, ослепило его, и он потерял посадочное «Т». Отвернул в сторону, заметил впереди что-то белевшее и пошел на посадку в том направлении. Приземлившись, сержант обнаружил, что сел он не там, где все, а белая полоска, которую он принял за посадочный знак, оказалась ложбинкой с высохшей соляной рапой...

Стоял сержант передо мной, потупившись и теребя ремешок у планшета.

— Разберут теперь по частям, — сказал он упавшим голосом. Я подумал, что он ведет речь о самолете, и успокаиваю перед очередным стартом, хоть и хотелось отчитать:

— Незачем его разбирать, штурмовик исправный...

— Да не самолет, товарищ лейтенант, а меня... Ведь летное происшествие по моей вине...

¹ Общеупотребимое обозначение украинцев в русском языке.

Дальше, до Астрахани, трасса для ориентировки очень трудная: почти половину пути предстояло лететь над пустыней, выдерживая по компасу курс вначале на юг, а потом, достигнув моря, — вдоль всего берега на запад. Нужно было сделать крюк, чтобы обойти зону боевых действий авиации противника. Перед вылетом каждому летчику вручили закупоренную бутылку с питьевой водой.

— Аварийный запас, пить запрещаю! — объявил командир.

Все догадались, когда может понадобиться эта вода. И снова взлет в прежней очередности...

Мы потянулись за Холобаевым. Потряхивало самолеты на горячих восходящих потоках, внизу однообразная картина: куда ни глянь — к самому горизонту убегают застывшие валы желтого песка. За двадцать минут полета я не приметил ни одного кустика, и только в одном месте какой-то ползучий обитатель пустыни оставил на песке бороздящий след. Невольно настороженно прислушиваешься к гулу двигателя, нет ли перебоев, и вспоминаешь о бутылке с питьевой водой.

Засинел наконец Каспий, выплескивая на прибрежные пески белые кружева. Мы долго еще летели вдоль пустынного берега, потом показались заросшие камышами протоки Волги и многочисленные острова. В стороне видна Астрахань.

Третий этап перелета эскадрилья закончила без происшествий. Остапенко на этот раз не набедокурил. Пока техники заправляли самолеты, летчикам начали выдавать спасательные жилеты. Мы впервые увидели это приспособление, которое может понадобиться тому, кто окажется в воде.

— Вот, товарищи, видите, — надувные шланги, — объясняет нам военный из отдела перелетов.

И мы действительно видим на красном резиновом жилете с отверстиями для рук две длинные резиновые трубки, будто от автомобильного насоса. Если надеть жилет, трубки концами достанут до подбородка.

— А вот этими пробочками, — продолжает он, — закрываются отверстия этих шлангов после того, как жилет будет наполнен воздухом...

— А как его наполнять? — перебивает затянувшееся объяснение Федя Артемов.

— Я как раз и хотел перейти к этому вопросу... А наполнять его нужно, товарищи, так: взять кончики шлангов в рот, через нос сделать глубокий вдох и дуть...

— Если его надуешь, то, наверное, и в кабину не втиснешься?

— Так не на земле же его, товарищи, надо надувать, а после того, как покинете самолет и убедитесь в раскрытии купола парашюта. Делать это нужно до приводнения...

Федя Артемов первым вызвался для показа: набросил на себя жилет и принялся усердно дуть. Лицо его от натуги побагровело, а жилет наполнялся медленно. Все же Федя на наших глазах постепенно наполнился до неузнаваемости. Тогда он сделал кислую мину, склонил набок голову, просяще протянул руку и забормотал: «Сала, сала, сала...» Мы засмеялись и вспомнили нашего славного Эн-Ша, который, наверное, все еще руководит уборкой винограда в Дербенте. Смех смехом, но если действительно придется покидать самолет над морем, то с малой высоты, на которой мы полетим, этого жилета надуть никак не

успеешь. Настроение испортилось. А тут еще на наших глазах Холобаев метался по старту, то и дело поглядывал на часы. Положенные тридцать минут истекли, но ни лидера, ни эскадрильи Руденко все еще не видно. Лишь один штурмовик низко просвистел над аэродромом, потом круто вздыбился и вверху завалился в глубокий вираж. Штурмовик, сделав небольшой круг, эффектно приземлился. Судя по почерку, это Галущенко. Но почему он один? Где же первая эскадрилья, которую должен был контролировать штурман полка?

Стоит на старте плечистый летчик перед маленьким Холобаевым — майор перед майором. Командир темпераментно жестикулирует, а Галущенко перед ним — по стойке «смирно» и лишь изредка и вроде бы некстати с ноги на ногу переступает. Уже села замыкающая эскадрилья, мы вырुливаем для взлета, а самолетов Руденко все нет. Холобаев остался в Астрахани выяснять причину, а Галущенко послал в группе со мной.

Над морем до Махачкалы мы летели уже без лидера, зато с боков и сзади нас охраняли истребители — сделанные в Англии «харрикейны», выкрашенные в ярко-желтый цвет. Немцы, оказывается, пронюхали о морской трассе перелетов на Кавказ и засылали сюда «мессеров» охотиться за самолетами. Особняком от нас, в стороне, летел майор Галущенко. Перед Махачкалой мы приблизились к берегу, и Галущенко, любивший пролететь «с ветерком», снизился над плавнями до бреющего. Тучи уток поднимались на крыло перед носом его штурмовика. Такой массы дичи видеть мне еще не приходилось! Вскоре я услышал голос Галущенко:

— У меня что-то с мотором, гарью пахнет, кажется, электропроводка горит.

— А как показания приборов? — запрашиваю его.

— Температура воды растет...

— Подходим к аэродрому, садись первым, — советую ему.

Когда я заходил на посадку, то увидел в конце аэродрома лежавший на брюхе самолет. Это Галущенко в спешке забыл выпустить шасси. Ходил он вокруг штурмовика и ругал себя последними словами, но делу этим не поможешь. Наши техники быстро поставили штурмовик на ноги, заменили винт. Опробовали мотор: работает нормально, ничего там не должно было гореть. В чем же дело? Сержант Шергин вскарабкался на мотор, полез руками в туннель воздухозаборника водяного радиатора, расположенного позади винта перед фонарем кабины летчика, и извлек оттуда... утку с обгоревшими перьями! Как она могла туда проскочить через вращающийся со скоростью до двух тысяч оборотов в минуту трехлопастный винт?!

С Петром Руденко случилась неприятность. Галущенко до Астрахани решил его больше не опекать: ведь Руденко полетит с лидером. А у лидера, который должен был взлететь последним, не запустился мотор, и Руденко полетел самостоятельно. Над дельтой Волги он отклонился от курса, потерял ориентировку. Горючее было на исходе, и летчики его эскадрильи расселись поодиночке где попало. Руденко сел на безлюдном острове дельты Волги. Грунт оказался мягким, самолет перевернулся, но комэска, к счастью, наставил себе только синяков и самолет не поломал. Мы разыскали всех, и они прилетели к месту сбора.

Перелет закончен. Тридцать шесть штурмовиков оказались налицо, но Галущенко был понижен в должности и принял первую эскадрилью, а Петр Руденко стал у него командиром звена. Досадно было: воевать научились, а тут, можно сказать, на ровном месте споткнулись.

СОБИРАЕМСЯ С СИЛАМИ

В районе Гудермеса мы сели в широкой долине на скошенный луг. Только зарулил на стоянку последний штурмовик, как в небе показался немецкий разведчик. Командир полка проводил его пристальным взглядом и тут же объявил аврал:

— Маскировать самолеты!

А чем их замаскируешь на голом месте? И все же нашлось чем: таскали охапки сена, обрывками веревок и проволоки вязали снопы, обвешивали ими пропеллеры, фюзеляжи, крылья. Техники и летчики так усердствовали, что вскоре забросанные сеном штурмовики даже с близкого расстояния нельзя было отличить от копны.

Жилье нашлось в опустевшем ауле Исти-Су, в часе ходьбы от полевого аэродрома. На склоне горы ступенчато лепились глинобитные сакли. Летчик-осетин Володя Зангиев пояснил нам, что название аула в переводе на русский означает — горячая вода. И действительно, почти кипяток с журчанием сбегал откуда-то с гор. Пахла вода тухлыми яйцами. А рядом с ручьем стояло нехитрое сооружение — врытый в землю деревянный сруб с заслонкой. Откроешь ее, и из ручья туда наливалась вода. Ей давали остыть, а потом десятка два любителей попарить косточки медленно погружались в горячий «лягушатник» и сидели

там до умопомрачения. Даже наши молодые сердца от такой процедуры учащенно колотились. Вода, говорят, была целебная!

Мы отмокали по очереди в серном источнике и думали, что, может быть, завтра получим приказ перелетать на фронтовой аэродром, поближе к Моздоку и Нальчику, где шли сильные бои. Не зря к вечеру из дивизии прилетел начальник разведки с картой обстановки. Он рассказывал, какие силы авиации и сухопутных войск сосредоточил противник на этом участке фронта, сыпал цифрами, называя нумерацию частей, их численный состав и потери. Мы нанесли на свои карты линию боевого соприкосновения, отметили пункты, где базировалась фашистская авиация. Внимательно слушая усталого начальника, мы поражались его осведомленности: можно было подумать, что он сам побывал в гостях у противника и все видел собственными глазами. «Хорошо работает наша разведка», — подумали мы. О своих войсках он ничего не должен был сообщать, но все же в заключение ободряюще заявил:

— Наш фронт собирается с силами, чтобы сокрушить врага!

А мы подумали: вновь сформированные полки нашей 230-й штурмовой авиадивизии — тоже сила, и сила немалая...

Пока мы летали за Каспий формироваться, положение Северной группы войск Закавказского фронта мало в чем изменилось. Еще в конце августа противник подошел к Тереку и уперся в нашу оборону. В районе Моздока на узком участке фронта фашисты сосредоточили мощный кулак из двух танковых и двух пехотных дивизий. Почти весь сентябрь они пытались с севера прорваться через Терский хребет в долину

Алхан-Чурт, чтобы захватить Орджоникидзе и Грозный. Около 6 тысяч солдат и 200 танков остались под Моздоком в «долине смерти» — такой ценой заплатил генерал-полковник Клейст за небольшую вмятину в нашей обороне. Не удалось противнику прорваться к Орджоникидзе и с запада — через горный проход Эльхотовские ворота, куда он перебросил с Туапсинского направления одну из отборных дивизий СС «Викинг». Она тоже понесла большие потери и вынуждена была остановиться.

Авиация 4-й воздушной армии в сентябре совершила 9 тысяч боевых вылетов и уничтожила немало вражеской техники и живой силы. Наши войска продолжали совершенствовать оборону, вновь сформированные части уплотняли боевые порядки. Около 100 тысяч человек местного населения помогали войскам строить Грозненский, Орджоникидзевский и Махачкалинский оборонительные районы. На заводах и в колхозных кузницах днем и ночью ковали кирки, лопаты и ломы, которых не хватало для земляных работ. В сентябре общее соотношение сил на всем фронте Северной группы войск — от Баксанского ущелья и далее по Тереку до берегов Каспия — изменилось в нашу пользу. Лишь в танках и авиации мы еще уступали противнику. Но по всему было видно, что и в этом его превосходство будет недолгим: через Каспий летели из тыла новые авиационные части, а от Махачкалы в сторону Грозного по дорогам шли колонны новеньких грузовиков с солдатами, громыхали танки, натужно стрекотали тракторы с гаубицами на прицепах.

...В Исти-Су мы провели не один день, но приказа перелететь ближе к линии фронта все не было. Вместо него поступило распоряжение: продолжать трениров-

ки на групповую слетанность и полеты на полигон. И мы летали с утра до вечера, не испытывая недостатка ни в горючем, ни в боеприпасах.

А потом пришел приказ: провести конференцию по обмену боевым опытом. Невиданное дело — конференция на войне! Значит, не так уж плохи наши дела, если нас не спешат вводить в бой.

Холобаев составил темы докладов, распределил их между летчиками. Неожиданно взбунтовался Федя Артемов:

— Какой, товарищ командир, из меня оратор? Я только выйду на трибуну и тут же заикой стану...

— А ты не ораторствуй! Расскажи по-человечески о налетах на Артемовский и Константиновский аэродромы, в которых сам участвовал с Мосьпановым. Все как было, от взлета и до посадки. И на схемке это изобрази. Никогда не вредно самому пошевелить мозгами и молодым летчикам интересно тебя послушать. Что касается трибуны, про это стойло забудь, его нам никто тут еще не приготовил. Ора-атор...

Тем докладов набралось много: одному надо было рассказать о противозенитном маневре, другому — о воздушном бое штурмовиков с «мессерами», третьему — о боевых порядках, четвертому — об атаке переправ... Помнится, что из бывалых летчиков лишь одному Петру Руденко не досталось доклада. Он готовился к поездке в Грозный на митинг молодежи Северного Кавказа. И потом мы узнаем из газет, что вслед за кабардинским партизаном Камботом Чатаевым и поэтом Дагестана Расулом Гамзатовым он произнес самую короткую речь: «Мы били, бьем и будем бить гитлеровцев до полной победы!» Зато летчик-гвардеец с двумя боевыми орденами Красного Знамени сойдет со сцены театра под самые продолжительные рукоплескания.

Мне Холобаев задал щекотливую тему о стрельбе и бомбометании со штурмовика. Это было легче показать на полигоне перед всеми летчиками, чем рассказывать. И не в стрельбе была загвоздка, тут все просто: опустил нос штурмовика, поймал цель на перекрестье, подвел самолет пониже к земле — жми на гашетки. Если вдруг светящиеся дорожки трасс прошли мимо, то небольшими движениями рулей направь их куда следует. Стрелять со штурмовика одно удовольствие: на твоих глазах вспыхивает вражеская машина — и тогда летчик окрылен успехом. Совсем иначе обстояло дело с бомбометанием. Не нашлось, оказывается, человека, который бы сконструировал для штурмовика прицел. Не появился этот прицел в течение всей войны, не было его и после. Поэтому у каждого из нас была своя метода. Бомбили на глазок, по чутью, или, как мы выражались, «по сапогу». Шутники придумали даже шифр несуществующему прицелу — КС-42, что означало: кирзовый сапог сорок второго года. Число это, кстати, возрастало с каждым годом и к концу войны достигло 45. Летчики приравнивались каждый по-своему и в общем-то бомбы клали метко.

Прицела не было, зато штурмовик начал обрастать различными метками и штырями-визирами, как днище корабля ракушками. Метки эти служили для определения момента ввода в пикирование. Ну ввел, а что дальше? Летчик должен был на глазок придать самолету угол наклона в 30 градусов и тут же начать отсчет в уме (как делали в старину фотографы) положенное количество секунд выдержки времени. Помимо этого надо было во время пикирования еще успевать бросать взгляд на высотомер, чтобы на кнопку сброса бомб нажать не выше и не ниже положенной высоты.

Раз появились перед глазами летчика заводские метки и штыри, то родилась и специальная инструкция о правилах пользования ими. Инструкцию положено было знать и сдать по ней зачет. Одного не учитывала эта инструкция: как летчику за считанные секунды да еще в боевой обстановке, когда рядом рвутся зенитные снаряды, успеть проделать многочисленные операции?

Я тогда спросил Холобаева:

— Как докладывать: по инструкции или по «сапогу»?

— Докладывай, как сам делаешь. О «сапоге» перед молодыми не взболтни! А чтобы тебе поверили, потом покажешь на полигоне...

На конференции вдоволь наговорились, поспорили и на многие вещи, о которых раньше не задумывались, стали смотреть другими глазами. Вспомнили тактические приемы, применявшиеся нашими прославленными мастерами, — майором Николаем Зубом и старшим лейтенантом Ильей Мосьпановым. Кое-что из их арсенала приняли на вооружение. Не заикался и Федя Артемов, рассказавший о боевых вылетах на вражеские аэродромы.

Перед показательным полетом на полигон я обратился к командиру:

— А что если о своих действиях в воздухе я буду по радио передавать, чтоб все слышали?

— Поворачиваться успеешь?

— Попробую...

Но как тут обойдешься без начальника связи Нудженко? Он пристроил около наземной станции репродуктор, и я попросил его придумать еще одно усовершенствование: вывести переключатель передатчика на ручку управления. Ведь к нему каждый раз прихо-

дится тянуться почти до самого пола... Нудженко сделал и это, и на моем самолете появился лишний проводок и кнопка контактного переключателя, примотанная к ручке управления изоляционной лентой: нажал — говори, отпустил — слушай. Прелесть! Позже у нас побывал заместитель главного конструктора Яков Иванович Мальцев. Он посмотрел на «лишнюю» кнопку, переключавшую к тому времени на все самолеты ведущих, и сказал:

— Усовершенствование дельное, мы внедрим его в серию.

Мой полет на полигон прошел успешно. С легкой руки корреспондентов его окрестили «лекцией с воздуха». Эта форма обучения получила у нас впоследствии широкое распространение. После полета ко мне подошел Холобаев, снял со своей гимнастерки большой парашютный значок мастера и прикрепил его на грудь.

— Так я же столько не напрыгал!

— Носи, носи на память. Глядишь, скоро придется еще одну дырку рядом вертеть...

Тогда, в Исти-Су, ни у кого из летчиков, кто прошел трудный боевой путь от Донбасса до предгорий Кавказа, не было ни одной награды. Не было ее даже у Талыкова, хоть наградной на орден Ленина составляли еще в июле сорок второго, в тот самый день, когда вывез он меня в фюзеляже своей «девятки» из-под носа у немцев. Не было награды у Артемова, не было ее и у меня, хоть и по полсотни вылетов мы уже совершили. Признаться, этих наград ждали все, кому полагалось. Ждали перед вступлением в «третий» тур. Иногда меж собой поговаривали:

— Слышал, начальство, что повыше, наградные под суку кладет.

— Кто это мелет?

— Сам от писарей слышал. Они-то в курсе...

— А может, не в дивизии, а в другом месте залежались?

Каждый мечтал о дне, когда придется на гимнастике «дырку вертеть». Ведь награду важно получить при жизни.

Незаметно промелькнул сентябрь, а мы все еще тренировались в Исти-Су. Молодые летчики научились метко стрелять и бомбить, стали уверенно держаться в строю не только при полете по прямой, но и при маневрировании, овладели техникой атаки цели всем составом эскадрильи. На это внушительное зрелище, не отрывая взгляда, смотрели все, кто оставался на земле. Двенадцать штурмовиков одновременно опустили носы, из-под их крыльев одним дымным росчерком метнулись к земле 96 «эрэсов» — дробно хрястнул залповый взрыв. Вслед за этим снопы трасс кромсают мишени, а при выходе из пикирования от самолетов отделяются черные точки, стремительно несущиеся вниз. Под ногами вздрагивает земля, поднимается пелена пыли, и громовое эхо гулко отдается в горах. Штурмовики вновь пошли на высоту, чтобы повторить атаку. Командир полка командует в микрофон:

— Внимание, в воздухе вражеские истребители!

Летчики слышат команду, и ведущий выходит вперед. Его самолет кренится, остальные вслед за ним вытягиваются в цепочку, и в воздухе образуется карусель. Этот боевой порядок придумали для самообороны от «мессеров» и назвали его «спасательным кругом». Одноместный штурмовик сзади беззащитен, но если бы фриц сейчас попытался кого-нибудь атаковать, то идущий у него позади сможет отсечь «мессера» своим лобовым огнем.

— Атака отбита, разрешаю посадку, — говорит в микрофон командир, садится в автомашину и спешит проверить результаты работы первой эскадрильи майора Галущенко.

Красиво она сработала, ничего не скажешь. Миша Талыков, стоявший рядом, первым нарушил молчание:

— Вот теперь мы собрались с силами! — И за чем-то притопнул каблуком.

А я тогда подумал: «Да, это уже не тот полк, когда пришлось воевать на двух штурмовиках».

...Полк был готов к отлету на передовой аэродром, но вдруг последовало новое распоряжение: 7-й гвардейский будет ночным. Это новость! Нам и слышать не приходилось, чтобы ночью летали на штурмовиках. Теперь снова будет задержка с переучиванием. В нашем полку немногие летчики летали ночью, да и то лишь на У-2.

В крайних саклях аула вечером стоял галдеж.

— Не пойму, какой толк, что будем летать ночью?

— А такой толк, что меньше будет потерь. Вон девчата из полка Бершанской по ночам тарахтят на У-2, — многие из них уже «наклепали» по триста боевых вылетов. А ведь у них вместо брони фанера да полотно. — У штурмовиков, как известно, редко кто до пятидесяти вылетов дотягивал.

— Теперь, братцы, прощай, бреющий, на высоту нас загонят: в потемках мигом в гору воткнешься.

— А если загонят на высоту, тогда уж стрелять не придется, только бомбить с помощью КС-42...

— И групповая наша слетанность насмарку пойдет...

— Это почему же?

— А как же ты, интересно, в темноте будешь держаться в строю? Даже пешие в ночных переходах друг другу на пятки наступают.

— Соседа по навигационным огням можно видеть. Для чего же, по-твоему, их установили на концах крыльев и на хвосте?

— Если хочешь знать, так «ночники» их включают только при взлете и посадке. Будешь с огнями летать, немецкие зенитчики только спасибо скажут: даже без прожекторов лупить будут. Ночные истребители по огням легко находят...

— Братцы! А как же мы цели ночью отыскивать будем?

— Придется осветительные бомбы бросать.

— А фугасные куда подвешивать?

На этот вопрос охотника отвечать не нашлось.

И началась в наших головах великая путаница. И это после конференции, когда все вроде бы стало на свои места!

На следующий день откуда-то привезли с полсотни фонарей «летучая мышь», расставили их на летном поле: ночной старт. Прожектора для освещения посадочной полосы не было. Прилетел на У-2 боевой летчик из ночного полка — нас вывозить. Мы летали от заката до рассвета несколько ночей подряд, и, на удивление, дело с переучиванием пошло очень быстро. Молодежь вылетела самостоятельно. А до чего приятно летать ночью на У-2! Воздух спокоен, и самолет плывет, не шелохнувшись, словно в сметане. Вокруг чернота, лишь слабо мерцают приборы, да на аэродроме тускло светят редко выставленные в два ряда фонари, напоминая улицу мирного города в поздний час. Видеть это на фронте непривычно: ведь все населенные пункты затемнены, машины по доро-

гам ездят без фар. Глядя вниз, невольно уносишься мыслями к безмятежным довоенным дням.

Мы стояли на старте и следили за пролетающим над нами самолетом. По звездному небу бежали три огонька: красный, зеленый и белый. И, если бы не та-рахтение мотора в ночной тишине, можно было бы принять их за полого падающие звезды. Это сержант Остапенко выполнял самостоятельный полет по кругу.

— Хохол-то твой землю носом роет, — одобри-тельно сказал командир. Он сделал смачную затяжку, жар сигарки осветил его лицо с глубокими морщина-ми около губ. И в этот самый миг яркий свет резанул по глазам, ударило волной всколыхнувшегося возду-ха, мы упали на землю. Первым вскочил командир: «Гасить фонари!!!» — закричал он. Все бросились врассыпную выполнять команду. Только теперь мы ус-лышали отдаленный завывающий гул немецкого «ноч-ника», спешившего до рассвета перелететь линию фронта. На востоке, со стороны Махачкалы, уже свет-лело небо. Техники закапывали опаленную взрывом воронку. Ни один человек, ни один самолет у нас на аэродроме Исти-Су не пострадал. Мы уже тряслись в грузовике по пути в аул и клевали носами.

— А фриц этот тоже по кирзовому сапогу отбом-бился, — слышался голос Ивана Остапенко.

...Программа полетов на У-2 заканчивалась, и на-стало время вылетать ночью на «иле». Кто полетит пер-вым? Это намеревался сделать сам Холобаев, но его, как на грех, в эти дни замучили приступы язвы желуд-ка — он и на старте не расставался с грелкой. Вызвав майора Галущенко, он спросил:

— Тебе ночью на СБ летать не приходилось?

— Приходилось.

— А на «иле» полетишь?

— Полечу, — не раздумывая, ответил тот. — Только первый полет надо бы в вечерних сумерках сделать, чтобы постепенно глаза к темноте привыкли.

— Хорошо. Полетишь на спарке, а в заднюю кабину майора Хашпера с собой возьмешь. Один майор — хорошо, а два — лучше.

Еще не стемнело, а УИЛ-2 с двумя майорами вырулил на старт и пошел на взлет. Сделал один круг над аэродромом и точно совершил мягкую посадку на три точки. Летчик снова дал полный газ, после отрыва самолет круто пошел вверх, направился в зону повиражить, чтобы дожидаться темноты. Ждать пришлось недолго. Со стороны Кавказского хребта в долину быстро напозала темень. Вскоре и штурмовика не стало видно, а потом он зарокотал над аэродромом. Мы его обнаружили, но не столько по навигационным огням, сколько по лохмам пламени у патрубков. Многие удивлялись этим огненным языкам.

— Его и с потушенными огнями, оказывается, можно легко найти, — протянул кто-то разочарованно. — На У-2 совсем другое дело.

— На У-2 пять цилиндров и выхлопные патрубки в коллектор помещены. А здесь из двенадцати цилиндров наружу огонь хлещет... — объясняет техник.

Сделав круг, штурмовик вышел на последнюю прямую и издалека начал снижаться на малых оборотах. Гул сменился редкими хлопками — летчик убрал газ перед приземлением. Газ убран, а пламя стало еще больше. Огненные усы все ниже и ниже. Мы настороженно прислушивались, чтобы уловить момент касания земли, но совсем близко от нас снова взревел мотор. Летчик ушел на второй круг. Еще раз Галущенко попытался сесть и снова ушел — на третий. Тогда он передал по радио:

— Слепляет пламя, не вижу фонарей. Буду пристреливаться...

Тут Остапенко обратился к Холобаеву с вопросом:

— А как же вы в потемках на штурмовку Бобруйского аэродрома летали?

— Хочешь тут конференцию продолжить?! — одернул его командир. Он не стал, конечно, разъяснять, что взлетали тогда действительно в темноте, но садились-то при солнышке. Галущенко долго «пристреливался» и приземлился лишь с пятой попытки и то с промазом, далеко выкатившись за ограничительные огни. На наше счастье, там не оказалось канавы, и единственная наша спарка уцелела.

Холобаев прекратил полеты, позвонил в дивизию. Из дивизии последовал звонок в воздушную армию, а оттуда пришел запрет «до особого распоряжения». Инженерам дали задание придумать пламегасители. Те решили с помощью удлиненных патрубков отвести выхлопы за кабину. Изготовление такого приспособления в полевых условиях оказалось делом непростым и требовало много времени. По этой причине нам так и не пришлось стать «ночниками».

Четвертого октября был наш праздник — первая годовщина награждения полка орденом Ленина. За день до этой даты дежурный по КП протянул Холобаеву телеграфную ленту, только что выползшую из аппарата СТ. Тот пробежал ее глазами, швырнул.

— Кожуховский! — крутанулся он к сидевшему за чтением бумаг начальнику штаба. Тот вскочил, оторопело вытянулся. — Я срочно вылетаю в штаб воздушной армии. Смотри, чтоб тут все было начеку! — и за чем-то погрозил пальцем.

Командир улетел на У-2, а наш Эн-Ша вдруг пустился по самолетным стоянкам, на ходу поправляя

сползавшую на живот противогазную сумку. Издалека было слышно, как он дает накачку техникам:

— Чтоб все самолеты были начеку!

— Да они у нас и так начеку, товарищ подполковник, — отвечает ему инженер полка Тимофей Тучин, сменивший Митина еще в Донбассе.

— Знаю... знаю, как они у вас начеку. Проверьте... Проверьте хорошенько еще разок... — Он взглянул на самолет и заметил вопиющий непорядок: — А кто это противогаз на пушку повесил?!

— Так мешает же он работать... — донесся откуда-то приглушенный голос.

— Кому это противогаз помешал?! — пуще прежнего взвился Федор Васильевич и увидел показавшегося из лючка фюзеляжа техника. — Оружие химзащиты всегда должно быть при себе! Надеть!

На этот раз Кожуховский долго ходил по стоянкам самолетов, но еще не успел навести на аэродроме «надлежащий порядок», как к нему через летное поле во весь дух прибежал посыльный. В руках телеграмма, содержание которой уже знали многие летчики. А она коротенькая: «Труба Кожуховскому лечу Холобаев».

Надо было видеть, как Федор Васильевич, прочтя ее, пуще прежнего забегал по аэродрому, ожидая возвращения своего грозного командира. Он забыл, конечно, про то, что Труба — это новый позывной нашего КП, и истолковал текст телеграммы в «прямом смысле»¹.

Прилетел Холобаев, вышел из самолета, улыбаясь, хлопнул Кожуховского по плечу:

¹ В русском сленге «труба» имеет, в том числе, значение «конец».

— Разрешили годовщину награждения полка здесь отпраздновать, потом уже воевать!

...Подготовка к празднику шла вовсю. Тушь, плакатные перья, краски, кисти, бумага — нарасхват. Не оказалось самой нужной краски. Додумались, как ее приготовить: потрошили красные ракеты, разводили в воде. Годится! Художников, и особенно поэтов, объявилось столько, что хоть отбавляй. Кожуховский прохаживался между столами, задержался у стенгазеты. Его внимание привлек отдел юмора. Он пристально всматривался в изображенного там со спины полного человека с мясистыми ушами и противогазом через плечо.

— Очень похоже... похоже... — забормотал он. — По ушам и противогазу сразу себя узнаю. Молодцы... молодцы, ребята, рисуйте, чтоб посмешней...

В этой предпраздничной суматохе к аулу Исти-Су подкатил грузовик. Из него вышли двое в военной форме, с орденами. Один из них, в темно-синих брюках навыпуск, как-то странно вышагивал на прямых ногах, носки ботинок кверху загнуты. Другой, очень худой, с розовыми шрамами на лице, одну согнутую руку держит у ремня. К ним навстречу бросились Холлобаев и Кожуховский. Никаких возгласов, а просто обнялись люди и долго стояли, склонив друг другу на плечи головы. Потом они шарили в карманах и терли глаза скомканными платками. Это Шахов и Смuryгов вернулись из астраханского госпиталя. Не прошло и года, как Шахов упал в лесу у Красного Шахтаря. Еще меньше времени прошло с того дня, как санитары несли на носилках Смuryгова к убитым солдатам. В полку почти никого не осталось из тех, с кем они воевали. Зато много новых сержантов-летчиков вы-

бежало на улицу. Без всякой команды они выстроились в ряд для встречи ветеранов, которых знали только по фотографиям и рассказам...

Светило солнце. Торжественное собрание шло под открытым небом. За столом президиума рядом с начальством сидел Смурывов с Шаховым, а между ними — Михаил Талыков. Позади них — гвардейское Знамя с орденом Ленина, возле него застыл часовой. Стена глинобитной сакли сплошь увешана лозунгами, фотомонтажами, таблицами. На них красноречивые цифры: сколько боевых вылетов совершил полк с начала войны, сколько бомб сброшено на врага, сколько выпущено снарядов, сколько уничтожено вражеской техники и живой силы. Не было только цифр, показывающих, какой ценой это нам обошлось...

Когда кончился доклад о боевом пути полка, к столу с разложенными на красной скатерти коробочками первым вызвали Артемова. На гимнастерке, доставшейся ему после Ивана Бойко, засверкал орден Красного Знамени. Назвали и мою фамилию. Холобаев перочинным ножом проткнул мне гимнастерку и рядом с парашютным значком привинтил такой же орден. Все ждали, когда вызовут Талыкова, но его в списках награжденных не оказалось: Мишин наградной лист все еще где-то кочевал.

А на следующий день нам назначили перелет на «точку номер три» — в район Грозного. Теперь-то уж мы по-настоящему собрались с силами! Мы были вооружены не только новыми самолетами, но и боевым опытом.

«ТОЧКА НОМЕР ТРИ»

Место, куда мы прилетели из Исти-Су, на карте значилось как совхоз. Теперь здесь наш полевой аэродром, именуемый «точкой номер три». Наши штурмовики стоят в капонирах под маскировочными сетями у подножия Терского хребта. С другой стороны летного поля расположились остроносые истребители ЛаГГ-3 полка Романцова. Они теперь будут постоянно сопровождать нас, защищать от «мессеров». Неподалеку от летного поля — три барака и чahalая акация с кривым стволом. Тут же, на деревянных подпорках, умывальник — корыто из ржавой жести на десяток сосков. Поблизости открыт блиндаж с бревенчатой, в несколько накатов крышей. Спустишься по земляным ступенькам, откроешь скрипучую дверь — там нары в два этажа для боевого расчета, а за фанерной перегородкой врыт в землю длинный стол из неотесанных досок, и на нем телефонные аппараты. Здесь летчикам будут ставить боевую задачу.

Только начинаем обживаться, а один из барачков уже назван «женским монастырем». Он заселен нашими девушками-оружейницами да официантками, поварами и медсестрами из БАО. Мы не можем даже переступить его порог, чтобы отдать девушкам постирать подворотнички: там верховодит строгая машинистка штаба Мария Бродская, прозванная Игу-

меньей. Перед ней почему-то робел даже штабной командир, частенько диктовавший по ночам какие-то документы. Она тишком вроде бы даже им командовала. Вольнонаемная, перед начальством не трепетала. Многое знала и помнила Бродская. Она могла пофамильно перечислить тех, кто начинал войну и кого уже не стало. Ей доведется знать и тех, кто будет эту затянувшуюся войну заканчивать...

Виктор Шахов добился разрешения летать. Мне поручили его тренировать на спарке УИЛ-2. Много сил у него отнимали эти полеты. Протезы растирали до крови ампутированные чуть ниже колен ноги. Перед сном я приносил таз с холодной водой. Виктор погружал туда культы и блаженствовал.

— Понимаешь, до сих пор пятки чешутся... Может, поэтому у меня и с координацией движений не ладится? — шутил он.

Действительно, на первых порах Шахов при взлете резко двигал педалями ножного управления, поэтому без моей помощи выдерживать направление ему удавалось не сразу. Потом все-таки приноровился — дело пошло на лад. Коля Смuryгов пропадал с нами на старте, но летать не смог. Перелом на левой руке случился неправильно, боль не позволяла сдвинуть вперед сектор газа. Коля очень переживал, ходил грустный. Его назначили на должность адъютанта второй эскадрильи.

— Вот тебе отпускной билет, — сказал ему командир, — поезжай к родным на месячишко. Подживет рука — будешь летать!

...Крайняя комната в «женском монастыре» наглухо отгорожена от общежития и имеет отдельный вход. В совхозе она служила канцелярией, а мы превратили ее в танцевальный зал. Техник Юрченко по вечерам

приходил сюда с баяном, и летчики бережно водили девушек в тесном кругу. А девушек наших на «точке номер три» словно подменили. Съездили они в банный день на грузовике в Грозный, и к вечеру все явились с завивкой перманент: волосы вьются мелкими кольцами, как у молодых барашков. Разве теперь усидишь вечером в своем бараке? Даже Петро Руденко зачастил на танцы со своим патефоном. Он ставил вновь приобретенную в Грозном «Рио-Риту», и дружное шарканье начищенных сапог заглушало хриплые звуки мембраны. Петро ходил гусиным шагом, держа партнершу на почтительном расстоянии и уставившись неподвижным взглядом куда-то поверх ее кудрей, словно в перекрестье прицела. После быстрого фокстрота в нашем танцзале становилось душно, и все выходили на осеннюю прохладу — поостыть.

В эти дни над Кавказским хребтом висела полная луна. Она сияла вверх, отражаясь в лужах после обильных дождей. От света луны все видно как днем, и парам некуда укрыться. Вот и торчат они у распахнутой двери. Разговор у партнеров почему-то не клеится. Ребята хоть делом заняты — знай смолят крепкую махорку, а девушки в военной форме с самым что ни на есть маленьким званием не знают, куда девать руки. И все почему-то норовят стать спиной к яркой луне. Зато летчики, особенно те, у кого появились ордена, подставляют грудь серебристому свету.

Ладно сидит форма на Маше Одинцовой. Туго затянута ремнем тонкая талия, стройные ноги словно влиты в узкие голенища перешитых кирзовых сапог. Она у нас самая боевая оружейница, за словом в карман не полезет, может любого «отбрить», а сейчас стоит перед Федей Артемовым и будто дара речи лишилась, знай теребит высокую прическу. Может быть,

оттого в ней такая перемена, что у моего заместителя на груди поблескивает новенький орден Красного Знамени, с которого парашютные лямки еще не успели стереть позолоту?..

Я подошел к ним и тоже стал так, чтобы луна на грудь светила, и тут только у Феде нашлись слова:

— До чего же хорошо на свежем воздухе... — Так и сказал: «воздушке», будто ребенок.

Я подстроился под тон Феде:

— А нам ведь баюшки пора... Завтра Холобаев до рассвета решил подъем сыграть. Боевую готовность полку дадут.

И пошли мы с ним мимо отливавших серебром луж к своему бараку, а Маша — в «монастырь». Ей тоже рано подниматься.

— Подъе-ом!..

Дежурный подал команду вполголоса, но в тот же миг закрипели и заходили ходуном поставленные в два яруса железные кровати. У двери на тумбочке стоит сплюснутая снарядная гильза, заправленная бензином и солью: заколыхалось ее коптящее пламя. Раньше всех выбегают из барака в нижних рубашках обитатели первого яруса, и уже гремит умывальник. На улице зябко и темно: луна спряталась за горы, из-за густого тумана не видно даже «монастыря». Федя Артемов спросонья влетел в лужу, беззлобно чертыхается. А другим от этого весело:

— Федя не в такт попал! — намекают на вчерашние танцы. Ополоснув наскоро лицо, влезаем в теплые комбинезоны, потуже затягиваем пояса с пистолетами, шлемофон с планшетом в руки — и в столовую. Она в этом же бараке, дверь рядом. Наш ранний завтрак — чай с куском хлеба и маслом. Хорошо пропус-

тить с утра стакан горячего чайку, ведь на сон грядущий столько махорки искурили!

— Кушайте, кушайте, — суетится официантка. Бегаёт от стола к столу с большим чайником, подливает. А под окном уже хрипло сигналит полупансионёр — командир торопит. Дожевываем на ходу, выбегаем из столовой и залезаем в кузов.

— Все на месте? — подаёт из кабины голос Холобаев.

— Все!

Полупансионёр дернулась и покатила на стоянку. Два луча от фар уткнулись в непроницаемую молочную пелену, близоруко шарят по глубокой слякотной колее. Почти вплотную подъехали к крайнему капониру, там темнеет силуэт расчехленного штурмовика. Один из летчиков спрыгнул с грузовика — тронулись дальше. Короткие остановки у каждого самолета.

Мой механик Темнов стоит около винта, докладывает о готовности самолета. После этого я обязан проверить контровку взрывателей бомб и «эрэсов», посмотреть, сколько бензина и масла в баках и многое другое... Я верю этому старательному технику, но инструкция строго предписывает летчику контролировать доклад, что я и делаю.

Сажусь в кабину. Щелкнул переключателем приемника — послышался легкий шорох в шлемофонах и голос командира: «Запуск!» По этой команде один за другим зарокотали моторы 36 штурмовиков, по долине прокатился мощный рев. Молотим на малых оборотах, ждем другой команды. Вот и она: «Огонь!» Почти одновременно затрещали пулеметы, заработали пушки. Яркие трассы вспороли пласт приземного тумана и засверкали в предрассветном небе. Потом все стихло. Тусклый свет фар снова ползет от одного са-

молета к другому: собирают летчиков и везут к блиндажу — нашему КП.

— Сегодня полку боевая готовность! — объявил командир. — Третьей эскадрилье ждать боевой задачи здесь!

Мои летчики один за другим забрались на нары — досыпать и ждать боевой задачи. Видны только их ноги. Одиннадцать пар сапог, по которым я многих узнаю. «Хромачи», заляпанные грязью, — Феди Артемова; просторные солдатские с большими подковками на каблуках — Миши Ворожбиева; «кирзачи» сорок пятого размера — белобрысого Коли Седненкова; с короткими голенищами, собранными в гармошку, — удмурта Васи Шамшурина. Эти ребята воевали еще в Донбассе. Остальные сапоги — сержантов, и среди них — Ивана Остапенко. Неразговорчивый он сегодня с утра, что-то на сон потянуло. Это от волнения: сегодня ему предстоит боевое крещение...

На столе два телефонных аппарата. Тот, что в зеленом ящике, — с пронзительным звонком — для связи со стоянками эскадрилий. Часто заливается его звонок, однако никто из спящих летчиков на это не реагирует. Но вот тихонько пропищал зуммер другого, черного аппарата, и тут же на нарах зашевелились сапоги. «Может, из дивизии ставят боевую задачу?» Дежурный, зажав ладонью трубку, тихо отвечает:

— Туман у нас еще держится...

Уже и второй завтрак в бидонах доставили на КП. Летчики проворно слезли с нар, выбежали из душного блиндажа на свежий воздух, у каждого в руке тарелка. А туман только чуть приподнялся от земли и тонким пологом повис над долиной, скрывая вершины Терского хребта. Вылета пока не предвидится...

Подкрепившиеся летчики повеселели, и их потянуло на разговор. Обступили Ивана Остапенко, тот рассказывает очередную историю, как он из училища к нам в гвардейский полк попал.

— Полетел это я самостоятельно в зону на виражи... — Остапенко сделал многозначительную паузу. — Крутился, крутился, глядь — за мной какой-то самолет увязался. Присмотрелся, а у него консоли крыльев желтой краской выкрашены. Меня словно жаром обдало: фриц! Как же это он до самого Уральска дотопал? Да еще собирается в глубоком тылу Ивана срубить! Я с перепугу так крутанул своего «Ильюшу», что вниз головой повис на привязных ремнях, мотор захлебываться начал. Убрал газ и успел подумать: «Ну вот, Иван Петрович, и отлетелся!» А самолет уже сам нос опустил, в глобус нацелился. Высотенка у меня, правда, еще была... Пока соображал, что произошло, — опять горизонт увидел. Тут только понял, что у меня переворот через крыло получился! Пошел на посадку ни живой ни мертвый. Приземлился. Смотрю, а вслед за мной тот самый самолет с желтыми консолями садится. Это, оказывается, курсант на «иле» с соседнего аэродрома блуданул — у них так самолеты размалеваны — и прицепился ко мне, как к поводырю. «Нет, — думаю, — ни за что не признаюсь инструктору, что недозволенная фигура у меня с переляку вышла. Чего доброго, еще отчислят за проявление боязни в воздухе». Сбрехнул я, значит, что переворот сделал преднамеренно, и в тот же день от начальника училища генерала Кравцова за воздушное хулиганство десять суток губы¹ мне... А среди курсантов слух пошел: в училище вто-

¹ Жаргонное обозначение гауптвахты.

рой Нестеров¹ объявился, фигуру высшего пилотажа на штурмовике сделал. От этого отчаюги можно ждать, что и «мертвую петлю» завернет... На губе сидел в героях: ведь Нестерову за петлю, говорят, тоже от начальства влетело. Два дня оставалось до конца отсидки, и вдруг вызывают меня к самому начальнику училища. Ну, думаю, прощай, «пятый океан»! Пророчили мне карьеру инструктора в училище, а теперь одна дорога остается — в пехоту... Захожу это я в кабинет, а там и начальник училища, и начальник политотдела, и мой инструктор, и еще какой-то незнакомый авиационный полковник — вся грудь в орденах. Хотел было на колени перед ними упасть, да вспомнил, что уставом это не предусмотрено...

— Товарищ генерал, — говорю, — простите, весь век буду дисциплинированным, ни одного летного нарушения не допущу, оправдаю ваше доверие...

Полковник с орденами ухмыльнулся и говорит:

— Товарищ Остапенко, не желаете ли на фронт?

А я стою и думаю: не шутит ли заслуженный полковник? Кто же от фронта откажется?! Инструкторы наши на что броню имеют и то ухитряются попасть в действующую армию. Откладывают в общую кассу деньги с каждой полочки, а потом в газете появляется статья: «Самолет приобретен на личные сбережения». А инструкторы перед этим билетик тянули из шапки: кому на нем воевать. Тут уж никакая броня не удержит — отпускают счастливчика. Вот и мой инструктор небось с завистью на меня сейчас смотрит.

— На фронт очень желаю! — отвечаю полковнику.

¹ Имеется в виду знаменитый русский летчик Первой мировой войны, впервые выполнивший «мертвую петлю» и начавший применять воздушный таран.

— Хорошо, Иван Петрович, — говорит, — ваше желание исполнится. Такие, что умеют не только по прямой летать, нам как раз и нужны. Можете идти досиживать свой срок на губе!

Остапенко сделал затяжку, выпустил дым и, глядя поверх наших голов, сказал:

— Вот теперь и думаю: не случись со мной эта история — не видать бы мне 7-го гвардейского как своих ушей!

Все дружно засмеялись — опять неожиданная концовка у Остапенко получилась: отлил новую пулю¹. С тех пор с чьей-то легкой руки Ивана стали звать Остап-пуля.

...Все выше поднимался туман, местами уже появились голубые просветы. На гребне Терского хребта открылась триангуляционная вышка. Значит, ждать осталось недолго. Оно, конечно, интересно послушать байки, но не мешает еще раз напомнить ведомым о действиях в воздухе. Заканчивая короткое напутствие, я снова предупредил молодых летчиков:

— Запомните: самое главное в боевом вылете — не отрываться от строя!

Я посмотрел на сержанта Остапенко и будто прочитал его мысли: «Сколько можно повторять одно и то же? Давно все уже ясно. И в строю я держаться, будьте уверены, научился. Хоть еще не сделал ни одного боевого вылета, но не раз видел, как стартуют на боевое задание другие... Да и за время пешего перехода от Дона ко всяким страхам притерпелся. Вот полетим — докажу тебе, комэска, что Остапенко тоже не лыком шитый, не хуже прославленных Талыкова или Артемова дам фрицам жару!»

¹ То есть рассказал байку.

Из блиндажа выбежал дежурный:

— Боевой расчет, к командиру!

От этой команды летчиков третьей эскадрильи словно качнуло порывом ветра. Раньше других у входа в блиндаж оказались мы с Артемовым — комэска с заместителем. Вначале мы чуть было не сорвались на бег, но вовремя попридержали шаг, только стал он необычайно пружинистым. Хотя наш командир не терпит нерасторопности, но, когда дело доходит до получения боевой задачи, я сдерживаю себя не только в движениях, но и говорить начинаю медленнее. Этим, конечно, не заглушить волнения, которое ледышками покалывает где-то там, внутри, но свое волнение нужно уметь скрыть от ведомых. Они должны поверить в тебя еще здесь, на земле. Поэтому и стараешься быть внешне спокойным. Спускались в блиндаж, а мысли кружили вихрем: «Куда пошлют? К Моздоку или к Эльхотовским воротам? Хорошо бы для начала сержантов сводить в такой район, где меньше зенитного огня, да и с «мессерами» чтобы не встретиться».

Командир, увидев нас, нетерпеливо хлопнул ладонью по разложенной на столе карте:

— Боевая задача! Быстрее рассаживайтесь!

Зашелестели картами, у всех, кроме некурящего Ворожбиева, в руках дымят сигарки. Потянут — и руку под стол, чтобы никто не видел, как дрожат от напряжения и страха пальцы. А командир торопит:

— Южнее Моздока — Вознесенская... на самом Терском хребте... Нашли? Там же отметка 703. Все видите? Километрах в десяти севернее от нее, на скатах хребта, наши войска отбивают атаки пехоты и танков противника. Вот тут и надо ударить.

— Емельян! — обратился он ко мне. — Смотри же, чтоб своих не зацепить! Понял?

— Понял, — отвечаю.

Я поднял глаза от карты, а ведомые, все как один, пялят глаза на мою левую руку, в которой я держу папиросу. Я умышленно не спрятал ее: локтем оперся на стол, и оттого, что расслабил предплечье и кисть, папироса в пальцах не дрожит. Это мой старый прием. Он тоже действует на ведомых успокаивающе. «Если ведущий не волнуется, значит, все вернемся». И хорошо, что так думают, а меня сейчас занимают другие мысли. «Как отыскать нашу цель? Эту самую отметку 703 на карте видно, но на земле эти цифры рисовать для нас никто не собирается. К тому же бой идет на голых скатах, боевые порядки, наверное, смешались — и где там противник, где свои? А если молодые летчики от зенитки шарахнутся и не туда отбомбятся? Легко сказать: «Своих не зацепить!..»

Грузовик домчал нас на стоянку, и я увидел, как Остапенко спрыгнул около своего самолета. Навстречу — механик Николай Бублик. Более десятка летчиков он уже проводил и в первый, и в последний вылет...

Мы успешно отработали по цели и вернулись без потерь. Но... Штурмовик с номером «25» приземлился последним, с разбитым фонарем. Прямо со старта за ним помчалась машина с красными крестами, и выбравшегося из кабины сержанта Остапенко с залитым кровью лицом подоспевшие медики сгребли под руки, повалили на носилки. Рядом с носилками голосила оружейница Тося Табачная:

— Ой мамонька! Та чоловіку всю пыку разбыло, а вони тут чухаються... Та вызить його швыдче в лазарет!

Ивана погрузили в санитарку и увезли...

Мы снова сидим в блиндаже за длинным столом. Командир стоит, как тогда, перед вылетом. Нет одного лишь Остапенко, который так хотел выполнить боевую задачу не хуже прославленного Талыкова. О нем сейчас вроде бы и забыли. Командир полка строго спрашивает меня:

— Как ударили?

— Да вроде бы ничего... — Как себе самому давать оценку? Все били, как могли, старались.

— Как это понять «вроде бы ничего»? — вдруг ошестинился он. От этого тона меня покорибило.

— Сами бы посмотрели, какая там мешанина... — Понял, что сказал не то, и добавил: — Хотя бы наши ракетами обозначали передний край — никаких сигналов.

— Когда нужно, я буду сам смотреть... А на ракеты нечего сваливать! Сигналили — не сигналили, ответственность с ведущего не снимается!

— Если будет за что, то и отвечу...

— По своим не ударили? — все допытывается командир. И отчего ему такая мысль в голову взбрела? Злой он сегодня.

— Этого быть не должно.

— А какая гарантия?

— Не гарантия, а уверенность в этом есть...

Командир еще долго спрашивал ведомых, но ясности от них никакой не добился. Вышли из блиндажа, прилегли на прохладную осеннюю землю. Надо бы сделать разбор полета, но говорить не хотелось... Небо совсем очистилось, светит солнце, и хорошо видны дали гор, покрытые зеленым каракулем. Скоро снова лететь. Но уже без Остап-пули. Что с ним?

Приковылял хмурый Шахов. Он сегодня готовился к боевому вылету, сорок седьмому по счету, но был звонок из штаба 4-й воздушной армии.

— Шахову летать не разрешаю! — сказал командующий. — Кто гарантирует, что не собьют? А потом немцы листовками забросают, начнут трубить на весь свет: мол, довоевались русские до последнего, с протезами заставляют летать...

Узнав об этом, Шахов ушел за капонир, чтобы никто его не видел, там заплакал. Второй раз за войну: первый — когда сгорел Николай Синяков, второй — теперь.

— Будешь офицером штаба, — успокаивал его командир.

Шахов поглядывает, как взлетает первая эскадрилья майора Галущенко. Штурмовики третьей эскадрильи готовятся к очередному вылету. Федя Артемов смотрит в ту сторону, где Маша Одинцова подтаскивает к самолету стокилограммовую бомбу.

Из блиндажа выбегает заместитель начальника штаба Гудименко, размахивает какой-то бумажкой и издали кричит нам:

— Подтверждение!!!

Сунул мне телеграфный бланк. Читаю: «Командующий 9-й армией благодарит штурмовиков, работавших в 10.20». Теперь уже есть не только уверенность, но и гарантия!

И вдруг смотрим и не верим своим глазам: из-за барака показался Остапенко! Шагает бодро, на лице широкая улыбка. Что за чудо: увезли на носилках с окровавленным лицом, а сейчас ни единой царапинки?

Улыбающийся Остапенко рассказал нам о том, что с ним случилось в первом боевом вылете. Когда он уселся в кабину и поставил ноги на педали управления, его подошвы ни с того ни с сего начали выбивать мелкую дробь. Сунул носки сапог поглубже под ремни педа-

лей. От недавнего приподнятого настроения у него и следа не осталось, в голову лезли неожиданные мысли: «Вдруг не сразу пристроюсь и потеряю группу? А как опознаю цель? Ведь это не мишень на полигоне, которая по краям известью обведена... Что, если не увижу?» А о том, что этот первый его боевой вылет может оказаться последним, у летчика подумать времени не было — над ухом он услышал знакомый голос:

— Запускают! — это Бублик стоял на центроплане рядом с кабиной, подсказывал.

Глянул по сторонам — на других штурмовиках винты уже завращались. Дотянулся до пола левой рукой, открыл вентиль сжатого воздуха — винт начал проворачиваться, но другой рукой никак кнопки вибратора не найдет. Бублик быстро нагнулся в кабину, сам нажал — мотор чихнул, заурчал...

Остапенко порулил на старт, а потом и взлетел своим чередом. В воздухе он не отрывал взгляда от впереди идущих самолетов, боялся их потерять. Показалось, что очень уж долго кружит над одним местом. Посмотрел на землю — аэродрома не видно. Головные звенья уже легли на курс, а Остапенко отстал. Двинул вперед сектор газа — передние самолеты начали быстро наползать на него хвостами, а потом самолеты будто кто на ниточке поддержнул вверх. Остапенко услышал в шлемофоне знакомый голос комэски, звучавший тоном ниже обычного и нараспев:

— «Двадцать пятый», не дергайся, займи свое место...

Это замечание успокоило, даже мелькнула мысль: «До чего же легко было держать свое место в строю там, на КП, перед вылетом». Он пристроился к своему звену и полетел ровно.

Но недолго пришлось так спокойно лететь: послышался знакомый голос: «Приготовиться к атаке, цель слева впереди, начинаем маневр!» — и вся группа поплыла влево, потом вправо, некоторые самолеты запрыгали то вверх, то вниз. Где же тут смотреть на цель: не столкнуться бы с соседом. А ведущий снова подает команду: «Маневр, маневр!..» — и его самолет стал удаляться, а позади него какие-то дымки. «Наверное, форсаж включил, выхлопы из патрубков», — подумал Остапенко. И тут же заметил, что лобовое бронестекло мутнеет. Это не обескуражило летчика. У него в кармане была припасена чистая тряпочка: в училище курсанты ухитрились протирать стекло в воздухе, осторожно высовывая в форточку плотно прижатую к фонарю ладонь. Выхватил тряпку, потянулся к форточке, и тут черный «выхлоп» возник перед глазами, самолет трянуло, и у летчика перехватило дыхание. Ветер начал давить в лицо. Лобового стекла как не бывало. Засвистел ветер. Остапенко сразу даже не сообразил, что произошло, — одна только мысль была: «Не потерять бы своих». Но вот штурмовики уже опускают носы, переходят в пикирование. Отдал ручку от себя, сильнее засвистел ветер, и тут команда: «Бросай!» Из люков посыпались бомбы. Остапенко зашарил пальцем по ручке управления, нажал на кнопку сброса, двинул аварийный рычаг, самолет облегченно вспух.

Штурмовики один за другим пошли к самой земле, начали кружить. На концах пушечных стволов запульсировали красные язычки пламени. Остапенко тоже нажимал на гашетки, и его самолет дрожал как в лихорадке. На земле что-то дымило, горело, и снизу стремительно летели красные «перчики». Он их отчетливо видел, хоть ветер сильно дул в кабину. Пригоди-

лись защитные очки, надвинутые на глаза. А ему до этого казалось, что поднятые на лоб очки являются только украшением летчика. Остапенко было еще невдомек, что они спасают глаза и при пожаре. «Еще заход!..» — услышался голос ведущего. Остапенко потерял уже этим заходам счет, как и всякое представление о том, с какого направления надо атаковать. Во рту пересохло, по лицу градом катился пот, он то и дело смахивал его левой рукой. Вдруг услышал: «Сбор, сбор...» Нужно пристраиваться, но самолеты куда-то исчезли. Где же они? Глянул в сторону — рядом белые полосы прочертили воздух, и тут же пронесся вперед самолет с крестом на фюзеляже. Нажал гашетку, трассы пошли вдогонку «мессеру». Остапенко крутанул штурмовик, да пониже, к земле. И тут заметил: невдалеке идут штурмовики. Начал их догонять, вскоре пристроился. Курс на восток. Какая-то речка уплыла под крыло, справа показался хребет с нефтяными вышками. Перевалили через него, понеслись над долиной. Увидел большой город — значит, Грозный.

Вот и аэродром. Но что это?.. Аэродром не грунтовый, а с бетонированной полосой. Группа, к которой пристроился Остапенко, пошла на посадку. Не хватало еще на чужой аэродром сесть! Пот градом катит из-под очков, сержант закрутил головой, увидел вдалеке бараки у подножия хребта, и там тоже кружат самолеты! Обрадовался: сделал круг, хорошо рассчитал, мягко приземлился. Дома! Рулил к своей стоянке, где уже поджидал Николай Бублик с высоко поднятыми руками, которые он почему-то вдруг скрестил над головой: знак выключить мотор. «В чем дело?» — недоумевал Остапенко, но тормознул, выключил зажигание. Быстро выбрался из кабины, сбросил

парашют и собирался уже спрыгнуть с крыла, как его подхватили медики. Оказалось, что в момент «выхлопа» — это был разрыв зенитного снаряда — он порезал пальцы о разбитое стекло. А потом, утирая в полете пот с лица, так разукрасился, что со стороны смотреть было жутко!

На следующий день во фронтовой газете появилась заметка о подвиге сержанта Остапенко, который, «будучи тяжело ранен в голову и истекая кровью, привел поврежденный самолет на аэродром и совершил блестящую посадку». Остап-пуля послал вырезку из газеты в училище своему инструктору.

НАД НОГАЙСКИМИ СТЕПЯМИ

Линия фронта по-прежнему проходила по Тереку. Мы надолго засели на «точке номер три». В конце сентября в 50 километрах западнее Моздока фашистским войскам удалось захватить плацдарм у населенного пункта Майского. Но в тот район штурмовиков не посылали — значит, наше командование вклинению противника на западном обводе линии фронта значения не придавало. Мы часто летали в район Моздока, где, несмотря на большие потери, фашисты продолжали с севера таранить нашу оборону основными силами 1-й танковой армии. Тревожили сводки Совинформбюро, в которых сообщалось о тяжелых боях в районе Сталинграда. Мы еще тогда не знали, что вокзал тринадцать раз переходил из рук в руки, что враг атаковал рабочие поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», что город полыхал, а по Волге текла горящая нефть. Хотя между флангами нашего Закавказского и Сталинградского фронтов был разрыв более чем в 200 километров, сталинградцы считались нашими ближайшими соседями. Нужно было помогать им активными действиями здесь, чтобы противник не смог перебросить резервы с Кавказа к Сталинграду.

Наша воздушная разведка обнаружила такой же большой разрыв между сталинградской и кавказской

группировками противника. Тогда командование решило ввести в эту брешь 4-й казачий кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко для нанесения ударов по тылам 1-й танковой армии Клейста. К северу от Грозного, за Терекон, где предстояло действовать нашим казакам, раскинулись обширные Ногайские степи с редкими поселениями. В свободные минуты мы занимались изучением этого трудного для ориентировки района: там придется летать. Усаживались перед вывешенной «немой» картой без надписей. Кто-нибудь наставлял указку на темные точки, извилистые линии, а мы на память называли странные наименования поселений, соленых озер, еле приметных речушек. Все это надо запомнить хорошенько, чтобы в полете меньше пользоваться картой.

Пришел к летчикам заместитель начальника штаба по разведке капитан Иван Филимонович Радецкий. Развернул на столе свою карту, расправил ладонями, склонился.

— Даю обстановку в Ногайских степях, — и сделал паузу. Кто-то из летчиков тут же спросил:

— Начнем с линии фронта?

— Никакой линии фронта, товарищи, нет... — ответил он.

— Какая же это война без линии фронта? — последовал вопрос Феде Артемова. Вопрос был шуточный, так как Федя прекрасно знал, что когда наши войска отходили от Дона к предгорьям Кавказа, то линии фронта на наших картах тоже не было, а война шла, да еще какая! Может быть, мой заместитель ожидал, что Иван Филимонович ответит тоже шуткой. Но Радецкий только откашлялся и продолжал информацию.

— Противник небольшими силами занимает следующие населенные пункты...

Летчики торопливо вынули из планшетов синие карандаши.

— Отметьте: Абдул-Газы, Ачикулак, Махмуд-Мактеб, хутор Березкин... Там у противника отмечены кавалерийские подразделения...

— Неужели у фрицев тоже есть кавалерия? — удивился кто-то.

— По данным всех видов разведки, — продолжал Радецкий, — в Ачикулаке до четырехсот кавалеристов, батальон пехоты и тридцать танков. В остальных пунктах — небольшие пехотные подразделения...

Радецкий ничего больше не сказал. Мы же не на шутку забеспокоились: как бы не спутать с кавалерией противника наших казаков. Вражеские тупорылые, с высокими бортами грузовики мы научились отличать от своих полуторок, а как отличишь лошадей? Вся надежда была на авиационного представителя, которого послали с радиостанцией в пески к казакам. Он-то может подсказать летчикам, где свои и где противник, если, конечно, мы будем действовать у него на виду.

В один из дней к нам на аэродром пригнали большую машину-фургон, а рядом подняли высокую антенну на растяжках. Вместе с этой машиной прибыл штурман дивизии Василий Кривошеин. Собрал летчиков, начал объяснять:

— Это приводная радиостанция. С ее помощью из любого района можно точно выйти на свой аэродром.

— А на цель она тоже может вывести?

— Нет, не может: цель нужно отыскивать самим. «И то хорошо, — подумали мы. — Ведь после штурмовки иногда так закрутишься, что сразу и не сообразишь, в какую сторону лететь».

Кривошеин продолжал:

— Перед вылетом вам настроят самолетный приемник на частоту приводной, при возвращении не забудьте его включить. Тогда и делать вам нечего: удерживай стрелочку посередине — вот и все. Понятно?

— Понятно, — ответили мы, но у кого-то нашелся вопрос:

— А у противника такие станции есть?

— Конечно, есть...

— А если они на ту же частоту настроят?

— Тогда можно прилететь в гости... — улыбнулся штурман.

Летчики недовольно загудели:

— С этой приводной к черту в лапы попадешь!

— Напрасно шумите, товарищи, — успокаивал штурман. — У нас с противником частоты не совпадают, да к тому же свою станцию вы сможете отличить еще и по музыке.

— По какой такой музыке?

— Поставим какую-нибудь известную вам пластинку, она будет музыкальным паролем нашей станции.

После такого разъяснения вдруг спохватился Петро Руденко:

— Тоди будемо ставить «Рио-Риту»! — предложил он, и все грохнули.

...Второго октября кавалерийский корпус генерала Кириченко из района Гудермеса двинулся на северо-запад по безводным Ногайским степям. Для скрытности он совершал переходы лишь по ночам. В десятых числах октября казаки, пройдя 150 километров, стремительным ударом разгромили вражеские гарнизоны в Абдул-Газы и в хуторе Березкин. Напоив коней, они двинулись на Ачикулак. Противник, обнаружив передвижение кавалерии, начал спешно перебрасывать резервы, и тогда наш полк получил задачу штурмовать немецкие

войска в районе Ачикулака. Проложили маршрут, подсчитали расстояние — получилось почти 200 километров. Истребители полка Романцова сопровождать нас до конца не смогут. И то хорошо, если «протолкнут» через истребительные заслоны противника в районе Ищерской; этого района стороной никак не обойти.

Третья эскадрилья в воздухе. Четверка штурмовиков впереди, две другие по бокам — уступом назад. Позади и выше нас повисли две пары истребителей — прикрытие от «мессеров». Летим низко, курсом на северо-запад. Пронеслись над мутным Тереком. Под нами поплыли песчаные барханы — не за что зацепиться глазом... Снизил высоту до предела.

— Слева «мессы», идем на сближение... — Это голос ведущего истребителей Васи Федоренко. Такой спокойный голос, будто сейчас ничего особенного не произойдет. А ведь начнется свалка.

Взглянул налево — на фоне белого кучевого облака четыре темные точки.

— Понял, понял, — отвечаю Федоренко, а сам прикидываю: четыре наших и четыре вражеских — выходит, один на один. Если хоть пять минут продержатся они в «карусели», то мы успеем уйти километров на тридцать, и не так-то легко нас тогда догнать и обнаружить.

— Тр-р-ройка, пр-р-икр-рой, атакую, — снова слышен голос Федоренко, раскатисто выговаривающего букву «р». Значит, уже сцепились.

А навстречу пески, пески... На двадцатой минуте полета я заметил в стороне, у пересохшей речушки Куры, до сотни спешившихся конников. Завидев нас, они начали бросать вверх кубанки¹. Как же далеко забрались они по этим пескам! А вот, судя по времени,

¹ Прозвище «казацкой» шапки.

тот самый хутор Березкин, из которого недавно казаки вышибли немцев. Только теперь я успокоился: летим правильно, через десять минут должен быть Ачикулак.

Истекает расчетное время — перешли в набор высоты. Так издали можно увидеть цель, да и бомбы у нас снаряжены взрывателями мгновенного действия — из-за ударной волны низко бросать нельзя. А может быть, авиационный представитель нас заметит и подскажет, где наша цель?

Впереди большой населенный пункт: одноэтажные домики, сады, посередине пруд, в нем мирно плавают белые утки. Во многих дворах стоят немецкие грузовики. Около наших самолетов уже появились редкие черные хлопья. «Что же мы будем штурмовать? Эти машины? Но не бить же по домам? Надо еще посмотреть...» Пролетаем над Ачикулаком через редкие дымки. Как бы в этот момент хотелось услышать по радио подсказку авиационного представителя, но в наушниках только шорох. А что это там на окраине, у конюшен?.. Большой табун лошадей! Много оседланных... Стоят у длинных коновязей, и там уже забегали солдаты. Некоторые проворно вскакивают на коней и пускаются вскачь в разные стороны. Вот она и цель! Правильные разведывательные данные были у капитана Радецкого — до 400 кавалеристов.

— Атакуем!

Пикируем один за другим, внизу рвутся наши «сотки»¹. Вывел самолет из пикирования, полез с креном в набор высоты и увидел, как от чьей-то бомбы рухнула крыша конюшни, повалил густой дым. Мечутся и падают кони, топчут кавалеристов. Наверное, там,

¹ Стокилограммовые авиабомбы.

внизу, сейчас дикое ржание, которого никто из нас из-за гула моторов не слышит. Бьют зенитки, но огонь не такой сильный, какой бывает у Моздока. А может быть, в пылу боя мы не замечаем всех разрывов? Заходим для повторной атаки. Но что там теперь атаковать? У горящей конюшни лежат вперемежку лошади и солдаты. Эти уже никогда не пойдут в атаку ни в пешем, ни в конном строю. Но по полю скачут стайками уцелевшие... И штурмовики понеслись в разные стороны — догонять.

«Как же теперь собрать группу?» — забеспокоился я. Ребята слишком увлеклись погоней, а горячего — в обрез... Набрал высоту и начал делать большие круги в стороне от Ачикулака. «Сбор, сбор!» — повторял я команды, а сам вертел головой, отыскивая ведомых. Вдалеке заметил длинную полосу дорожной пыли: с запада к Ачикулаку двигалась вражеская колонна — хорошая цель для группы, которая должна вылететь вслед за нами. Ведомые, разгоряченные штурмовкой, подтянулись наконец ко мне, и я лег на обратный курс. Включил приемник — качнулась, как живая, стрелка радиополукомпаса и застыла в вертикальном положении. Я услышал бойкий фокстрот, вспомнилась наша танцевальная комната... Отличная слышимость, — не верится, что мы так далеко от своего аэродрома!

Снова показалась речушка Кура, в стороне хутор Березкин, но наших казаков там уже не видно: ускакали куда-то дальше на запад. Зато я заметил пролетевших навстречу 12 штурмовиков. Обменялись радиосигналами. Это майор Галущенко повел свою эскадрилью на Ачикулак. Передал ему о колонне, замеченной при уходе от цели. «Понял, понял», — ответил мне ведущий. Мои ребята летят в хорошем

строю. Под нами проносятся подсвеченные солнцем песчаные барханы, на душе спокойно.

...Не раз пришлось нашему полку летать в Ногайские степи. Казаки Кириченко остались нами довольны. Доказательством тому — огромная бочка с кизлярским вином и надписью на ней: «Летчикам-гвардейцам от гвардейцев-казаков». Сам генерал Кириченко распорядился доставить ее на наш аэродром.

Мы сидели около КП, ожидая очередной команды на вылет. Стоял солнечный октябрьский день, и воздух был необычайно прозрачен. Вдалеке синели склоны гор, а над ними вздымались снежные вершины. Федя Артемов восхищался видами:

— Красотища какая!

И до чего же восторженная натура этот Федя! Он вроде бы и не обескуражен своей сегодняшней неудачей в полете: не смог повести группу, сплоховал.

— Тебе давно пора быть ведущим, — сказал я ему вчера. — Летаем с тобой все время вдвоем, а без смены ведь тяжело обоим. Давай чередоваться: раз я свожу эскадрилью, раз ты. Я устал, да и у тебя глаза ввалились, только нос торчит...

Летал Федя всегда слева от меня — это его любимое место в строю. Притрется, бывало, так близко, что приходится отгонять. А чем черт не шутит на войне: хрястнет рядом зенитный снаряд среднего калибра и завалит сразу обоих. Кто тогда будет водить? Я этого Феде, конечно, не сказал, а привел аргумент, не менее убедительный:

— Ты же видишь, что в первой эскадрилье водят по очереди Галущенко и Руденко, а во второй даже трое: там, кроме комэски, Талыков и Смирнов.

Федя на это ответил откровенно:

— Ой, до чего же боюсь вести...

— Почему же?

— Я, пожалуй, после взлета группу не соберу, а хуже всего — не уверен, что выведу на цель.

— Так только кажется. Ты сделал полсотни вылетов, сумеешь. Давай завтра же попробуем: полетишь ведущим, а я пойду у тебя справа, буду подстраховывать. Если не выйдет, занимай свое любимое место, а я пойду впереди.

И вот сегодня у нас из этой пробы ничего не получилось. После взлета он слишком рано сделал первый разворот, круг над аэродромом получился маленький, последним самолетам пришлось группу догонять. Федя это заметил, резко сбавил скорость, задние самолеты начали напоздать, получилась «гармошка». И все произошло так быстро, что мои подсказки по радио не помогли. Пришлось-таки Феде стать на свое излюбленное место.

— Дай мне разок слетать еще ведомым, а потом будем меняться, — сказал тогда Федя.

И вот мы сидим рядом около КП, любуемся чудесными видами. Солнце светит над Кавказским хребтом. И вдруг там, куда мы смотрели, чистое небо вдруг покрылось множеством темных клякс, послышались частые хлопки. Федя крикнул:

— Пикируют, пикируют!

Девять темных точек в журавлином строю стремительно неслись к земле со стороны гор. Одна из них засветилась и продолжала отвесно падать огненной каплей, оставляя за собой дымную черту, — затрепетала и угасла, словно ракета на излете.

— Сбит, сбит!

А с нашего аэродрома взлетали истребители. К хлопкам зениток прибавилась трескотня пулеметов.

Юркие истребители, словно осы, увивались позади немецких бомбардировщиков, пикировали вслед за ними, будто связанные огненными нитями трасс. Снова показался дымный след, тут же медузами повисли два белых купола.

— Еще один!

Совсем близко застучали зенитки, мы от неожиданности втянули головы в плечи. Через наш аэродром на бреющем неслись двухмоторные «юнкерсы», отчетливо видны кресты на фюзеляжах. Теперь их не девять, а всего шесть. Никакого строя, удирают по одиночке в сторону Терского хребта. Заднего догоняет наш ЛаГГ-3, фриц отбивается, опустил нос. Очередь, еще одна — задымил левый мотор «юнкерса», бомбардировщик резко накренился, чиркнул крылом за землю, закувыркался... Конец ему!

А над Грозным клубился черный дым... Он затянул горы и солнце, ветром его относило в долину. Черная непроницаемая завеса вскоре навалилась на наш аэродром. Стало так темно, что мы не видели своих барачков. Трое суток стояла эта крошечная тьма. Гигантский дымный след протянулся на 200 километров — до Махачкалы. Ни о каких полетах не могло быть и речи. Лишь автомашины осторожно двигались по дорогам с зажженными и плохо светившими фарами. На всем лежала липкая копоть, наши лица были черны. Мы сидели в бараках, где непрерывно горели коптилки. «Значит, фрицы отказались от мысли захватить грозненскую нефть», — думали мы.

РЕШАЮЩИЕ БОИ

Двадцать пятого октября 1942 года 70 бомбардировщиков противника бомбили штаб 37-й армии в районе Нальчика. Управление войсками было потеряно. Сотни немецких танков двинулись на восток с маленького плацдарма у поселка Майского. Части 37-й армии с боями отходили к предгорьям Главного Кавказского хребта и несли большие потери. Теперь мы летали только в сторону Нальчика: били немецкие танки и пехоту у Ерокко, Чиколы, Дур-Дур. Наши войска стягивались к Орджоникидзе, чтобы не допустить прорыва противника к Военно-Грузинской дороге.

Первого ноября авиация противника совершила бомбардировку Орджоникидзе, а 2 ноября фашистские войска прорвали внешний обвод Орджоникидзевского укрепленного района и передовыми частями вышли к пригороду. В этот день я водил свою эскадрилью бить танки под Алагиром. Мы произвели несколько атак, подожгли три танка. Возвращались на бреющем. Летели долиной, под нами мелькали лишь огромные поля неубранной кукурузы. И тут, бросив взгляд на землю, я случайно заметил след гусениц. «Для чего бы сюда мог забраться танк?» — кольнула мысль, и тут же увидел еще следы. А это что?.. Зброшенный кукурузными будыльями танк! Еще один!.. А когда отвел взгляд в сторону — их сосчитать оказа-

лось невозможно! Несколько минут я летел над кукурузными полями еле дыша и отчетливо распознавал замаскированные танки, танки, танки... Притаились, как тараканы в щелях, ни одного выстрела не сделали по нас. Значит, скрытно сосредоточились для решающего броска. После посадки первым делом доложил:

— В этом районе, — я показал на карту, — обнаружил огромное количество танков.

— Что значит огромное? — с недоверием посмотрел на меня командир. — Поточнее доложить можешь?

— Могу! Не меньше тысячи, наверное! — совершенно не опасаясь возможных преувеличений, сказал я. Ведь сосчитать их я не смог, но то, что увидел в долине, меня ошеломило.

— Кто еще видел эти танки? — командир спросил моих ведомых, они стояли растерянные и молчали. Я понял, что никто из них, держась в строю и не сводя глаз с соседнего самолета, этих танков не увидел. Я же ничего не передавал ведомым по радио, опасаясь, что противник подслушает разговор, и подумав: «Пусть фрицы утешают себя тем, что их не заметили».

Командир сказал:

— Иди ляг, поспи часок, — и хлопнул меня по плечу. Этот в общем-то дружеский жест я воспринял как явный намек на то, что он мне не поверил. У меня внутри закипело.

— Товарищ командир, — обратился я официально, — прошу вас немедленно связаться со штабом воздушной армии. Я сам доложу генералу Науменко!

Командующий 4-й воздушной армией генерал Науменко послал разведчика. Все подтвердилось... Три дня подряд наша воздушная армия атаковала скрытно переброшенные с Моздокского направления 13-ю и 23-ю танковые дивизии противника, сосредоточив-

шиеся в долине перед решительным броском на Орджоникидзе. Противник же продолжал рваться к городу. Он пробил узкий коридор вдоль крутых лесистых гор, но расширить прорыв к северу ему не удалось. Там, развернувшись фронтом на юг, стойко оборонялись войска 11-го гвардейского стрелкового корпуса.

6 ноября продвижение противника было приостановлено. В эти дни наш полк действовал с предельным напряжением: только возвратится с боевого задания одна эскадрилья, а другая уже начинает взлет. В тот день моя эскадрилья сделала три вылета. Четвертого не предвиделось — время клонилось к вечеру. Федя Артемов повеселел: скоро будет сытный ужин. Сытный потому, что который день мы отказываемся от обеда. Его привозили на аэродром, чтобы не было задержек с вылетами. А какая еда, если только взял миску, а тут ракету на взлет дают или подбитый штурмовик на посадку идет! Да и не до этого летчикам, они думают: вернутся или нет. Зато вечером мы съедали и обед и ужин вместе, а некоторые даже после этого добавки просили. К тому же сто граммов за вылеты положено, а когда идешь вечером в столовую — нет одного, нет другого, третьего. Потеряли... Три места пустых. Ребята не вернулись с задания, а водка на них выписана — 100 граммов. Вот и стояли эти 100 граммов у пустых мест, и их командир эскадрильи распределял среди нас, как большую награду...

После ужина будут танцы, Федя увидит там статную Машу... В общем, у него было несколько причин для того, чтобы повеселеть.

— Завтра двадцать пятую годовщину Октября¹ отметим! — говорит Федя. — Только вот с деньжатами у

¹ То есть Октябрьской революции 1917 года.

меня туговато, — он запустил пятерню в свои кудри и озорно чешет затылок. — Просил одного хлопца одолжить — не дал.

— Почему?

— А случится что, — говорит, — с кого получу?

— Кто так сказал?!

— Да там один... со склада... — беззлобно махнул он рукой.

— Вот подлец!.. — Я пошарил по карманам, нашел Феде на духи. — Вечером надолго не скрывайся, генеральная репетиция будет.

К празднику мы готовили маленькую, придуманную нами самими постановку, в которой было всего два действующих лица. В роли фашистского генерала, потерявшего под Орджоникидзе штаны, я уговорил выступить майора Галущенко. Но адъютантом к нему никто идти не хотел: уж очень был грозен на первой репетиции увешанный картонными крестами генерал — стучал кулаком по столу и орал на своего лакея громовым голосом. Федя согласился на эту немую роль после того, как ему сказали, что это комсомольское поручение.

И тут хлопнула ракета: все-таки лететь нам сегодня под вечер в четвертый раз. Снова лететь на Гизель, откуда немцы все еще пытаются прорваться на более выгодные позиции. И вот мы летим над Сунженской долиной. Под левым крылом плывут южные лесистые склоны. Видна Столовая гора. Ее не спутаешь ни с какой другой: вершину на высоте три тысячи метров будто кто гигантским мечом наискосок снес. Надо держаться чуть правее ее. В районе Гизели много зениток, но мы приноровились заходить на цель не со стороны долины, а с гор: на их темном фоне противнику труднее вовремя обнаружить окрашенные в темно-зеленый цвет штурмовики. Под нами — дымя-

щийся город. Я прижимаюсь еще ближе к горам и тесню идущего слева Федю. Высота более тысячи метров. Зенитки все еще молчат, а цель уже видна. Еще немножко протянем — и вниз на скопившиеся у дороги машины... Начинаем маневр.

Вдруг залп зениток. Мой самолет вздрогнул, слева в поле зрения что-то мелькнуло, глянул — беспорядочно кувыркается штурмовик с отбитым крылом. Он рухнул в лес на склоне горы, и там взвился столб огня...

— Артем! Артем! — закричал я не своим голосом и повернул на зенитки. Ведомые ринулись следом. Сбросили бомбы, штурмуем. Один заход, второй, третий... Зенитки замолчали. Мы начали бить по машинам, но тут на нас сверху навалились «мессеры». Ходим в оборонительном кругу на малой высоте, истребители пытаются зайти с хвоста то одному, то другому. Рядом со мной прошла трасса, крутнул свой штурмовик, оглянулся — «мессер» пронесся мимо. Его отогнал шедший у меня сзади Вася Шамшурин. Молодец! Не раз пришлось с ним отбиваться от истребителей. Вижу, на его самолете ленточки перкаля на руле поворота трепещут: стеганул все же Шамшурина фриц по хвосту... И тут я заметил вверху своих истребителей.

— «Маленькие»¹, прикройте, прикройте, нас атакуют у Гизели!

Истребители ринулись вниз, и «мессеры» свечой ушли в сторону гор. Закончив штурмовку, мы легли на обратный курс.

...Вот и «точка номер три».

¹ Еще одно классическое фронтовое прозвище советских истребителей.

Только выключил мотор — к моему самолету подкатила полуторка, из нее выскочил командир.

— Как выполнено задание?

Я сбросил парашют, прыгнул с крыла, встал перед командиром, стиснув зубы.

— Сбили... — еле выдавил слово. — Федю Артемова...

Отвернулся, зашагал прочь, к темневшим вдали баракам.

А сзади шаркают о траву сапоги.

— «Мессеры» или зенитки? — хочет уточнить командир.

Вместо ответа я сдернул с головы шлем, хватил оземь, только стекла очков брызнули. Бараки расплылись в глазах. А в ушах звучало: «Завтра двадцать пятую годовщину Октября отметим...»

Низкие облака закрыли зеленые горы. Непрерывно сеял мелкий дождь, барабаня по крыльям штурмовиков; в долинах лежали туманы. Наши войска, перегруппировав силы, наносили контрудары, окружая вклинившуюся вражескую группировку у Гизели. Горловина, через которую противник мог еще вырваться на запад, вот-вот должна была закрыться, и все же немцы, оказывая отчаянное сопротивление, удерживали за собой узкий коридор вблизи Дзуарикау, где проходила единственная дорога. У меня в эскадрилье осталось мало опытных летчиков. Вчера над Хаталдоном сбили моего давнего друга осетина Володю Зангиева. Вдвоем с сержантом Письмиченко он прикрывал мою группу от нападения «мессеров». Всех истребителей послали прикрывать Орджоникидзе — два наших штурмовика без бомб выполняли их роль. Зангиев вел неравный бой над своим родным селом Ардоном, сбил вражеский истребитель, но сам, горя-

щий, упал в расположение противника. Днем раньше не вернулся Миша Ворожбиев. Теперь не стало Феди Артемова... Только младший лейтенант Вася Шамшурин воевал уже «второй тур», хотя по должности не продвинулся и до командира звена. Но он за повышением не гнался: рад был тому, что не приходится кем-то командовать. Всегда смущался, когда техник отдавал ему рапорт. Потупит, бывало, глаза и не чаёт, когда закончится эта «процедура». Вася не раз попадал на зуб командиру: тот выговаривал ему «за низкую требовательность к подчиненным». А подчиненных у Васи — техник да оружейник, с которыми он обращался запросто. Командир сам был крут, но наделить такими же качествами Шамшурина ему никак не удавалось.

— И чего он на меня взъелся? — недоумевал Вася. На вид Шамшурин был неказистым. Лицо клинышком, большой лоб, а над ним непослушно торчит щетка прямых волос — все, что оставалось от стрижки под бокс. Чаще всего помалкивал, больше любил слушать других. Из всех летчиков выделялся своим тихим, но заразительным смехом. И бывало, если чей-то рассказ на перекуре нас не веселил, обращались к Шамшурину:

— Вася, хихикни, а то не смешно!

...Полеты, полеты, полеты... Все измотались, а передышки нет. Войска противника оказались почти в полном окружении, но сколько их там на небольшом клочке земли! Бить не перебить! У нас же убывали не только физические силы: полк сильно поредел. Пришло, правда, пополнение, новички: Злобин, Папов, Чернец, Фоминых. Некоторые из них летали раньше только на истребителях, и их нужно было переучивать.

Окончательно испортилась погода. Облачность прижимала нас к самой земле, и по штурмовикам стреляло все, что только могло стрелять. Самолеты возвращались буквально изрешеченными пробоинами, техники еле успевали их латать. Но и мы каждый раз оставляли на земле десятки полыхающих вражеских автомашин и танков, сотни скошенных очередями гитлеровцев.

...Было 8 ноября. Нам задача — уничтожить вражескую технику на окраине Дзуарикау. Полдень, облака чуть приподнялись, открыв невысокие «ворота» между двумя хребтами, — уже хорошо. Взлетели, понеслись на бредущем в сторону Столовой горы. При подходе к Орджоникидзе погода улучшилась: через разрывы в облаках солнце бросало свет на перекопанную траншеями и искромсанную снарядами, минами и бомбами землю. Перелетели линию фронта, маневрируем в частых разрывах зениток, приближаясь к цели. Впереди, у самого подножия зеленых гор, — будто игрушечные белые домики, а рядом — дорога. На окраине Дзуарикау сады буквально забиты машинами. Наверное, фрицы приготовились к прорыву из окружения. Это — наша цель. Слева у меня теперь вместо Артемова идет Остапенко, справа — Шамшурин, сзади — еще Миша Талыков, Женя Ежов — сводная группа.

— Цель впереди... — предупреждаю ведомых.

Остапенко тут же подтянулся. Шамшурин почему-то приотстал. Но что это? Под фюзеляжем его самолета, на котором надпись: «Отомстим за Мосьпанова!», заструился огонь: он тоненькой ниточкой потянулся к хвосту, разрастаясь на глазах. Значит, пробит нижний бензобак, что под ногами у летчика.

— Шамшурин, Шамшурин, снизу горишь, возвращайся! — передал я ему как можно спокойней.

В ответ он лишь легонько качнул с крыла на крыло — у него нет передатчика. Качнул крыльями — значит, слышит. Но почему не отворачивает? До линии фронта недалеко. А пламя все больше и больше, уже из боковой задвижки кабины заструился дым. Шамшурин сдвинул назад фонарь, взялся левой рукой за лобовое бронестекло, приподнялся, посмотрел вперед. Очки у него надвинуты на глаза — что-то высматривает. Что же он медлит?!

— Прыгай!! — кричу ему. Он погрузился в дымную кабину, увеличил скорость, оказался впереди. Самолет с огромным огненным хвостом начал полого снижаться, удаляясь от нас. От него потянулись трассы — Шамшурин короткими очередями бил по скоплению машин на окраине Дзуарикау. Одна очередь, вторая, третья... Ближе земля, надо выводить из угла!

— Вывод, вывод!! — успел крикнуть я. И тут же нагруженный бомбами штурмовик взорвался, в гущу машин покотился огненный ком.

— Атака! Атака!!

Мы один за другим перешли в пикирование туда, где пламя и дым...

Танковые дивизии немцев предпринимали последние усилия, чтобы вырваться из ловушки, в которую попали. Они пытались пробиться в Суарское ущелье у селения Майрамадаг, но там сражались курсанты-моряки, штурмовики помогали им с воздуха. Враг не прошел. 11 ноября нам сообщили радостную весть: окруженная гизельская группировка противника раз-

громлена! Это была наша первая крупная победа на Кавказе.

Наши соседи-сталинградцы начали окружение 330-тысячной группировки противника на Волге. Теперь-то все уже твердо верили, что скоро мы двинемся на запад. Но не бывает бескровных побед. Полк в эти дни понес новую тяжелую утрату: в день окончательного разгрома гизельской группировки противника не вернулся наш Петро Руденко — самый закаленный боец. Он погиб в неравном бою с вражескими истребителями в районе Моздока. Темно-синяя шинель с поблекшей эмблемой висела на гвозде, а на опустевшей койке рядом с набитой соломой подушкой стоял патефон. Я вспомнил сказанные Петром слова: «Як мене вже не стане, то подарить цей патых-вон тому летчику, який буде нахрабрейшим...» Мысленно я перебирал имена погибших за эти дни... Все они сражались беззаветно, но этот патефон я бы отдал Василию Шамшурину. Бессмертен его огненный таран у Дзуарикау. Кто мог подумать, что в этом тихом парне таился такой колоссальный заряд мужества?!

Был митинг. Выстроили полк. Вынесли гвардейское знамя. Зачитали Указ о присвоении звания Героя Советского Союза Петру Ивановичу Руденко. Зачитали представление на присвоение высшей степени отличия посмертно Василию Григорьевичу Шамшурину...

Новый, 1943 год мы встречали на «точке номер три». Настроение у всех было приподнятое. Еще бы! Противник начал отходить на запад, наши войска преследовали его. И еще одна радость: появился в полк считавшийся погибшим Миша Ворожбиев. В первых числах

ноября его самолет разбился в районе цели. Осколком разорвавшегося в кабине снаряда Ворожбиеву выбило глаз. Когда начал приходить в сознание, почувствовал, как кто-то шарит в его карманах... Чуть приоткрыл здоровый глаз: над ним фриц — уже снял часы. Решение пришло в один миг: Миша схватил мародера сильными пальцами ниже подбородка и задушил — тот даже не пикнул. Семь суток Ворожбиев карабкался по крутым склонам лесистых гор, слизывая иней с веток. Оказался в Ташкенте, в глазной клинике профессора Филатова. И вот теперь со вставным глазом объявился на «точке номер три»: «Хочу летать!» И он начал летать на учебно-тренировочном самолете, обучал пополнение.

Новогодний вечер мы устроили в сарае. Вывесили лозунг: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной армии. Будет и на нашей улице праздник!»

Раз большой успех у пехоты, то в ход пошли и залежавшиеся наградные листы на летчиков. Было вручение орденов. Николай Галущенко и Михаил Ворожбиев получили свои первые высокие награды — ордена Красного Знамени. Дождался такой же награды и Михаил Талыков. Мне в тот вечер вручили два ордена: Красной Звезды и Отечественной войны. Такой орден нам еще видеть не приходилось, поэтому он переходил по рядам из рук в руки — каждому хотелось посмотреть на расходящиеся к краям серебристые лучи и скрещенные посередине саблю и винтовку со штыком. Миша Талыков, сидевший со мной рядом, долго рассматривал этот орден, а потом сказал:

— Жаль, что тут нет и пикирующего самолетика. А то выходит, что только пехота и кавалерия воюют...

— Тогда уж и пушку и танк надо, чтобы артиллеристам и танкистам не обидно было, а где это все тут

разместишь? — решил я защитить свою награду. За поддержкой я повернулся к Ворожбиеву.

Тот сидел себе с ухмылочкой, поблескивая неподвижным стеклянным глазом.

— Давай, Васек, я его тебе привинчу.

В это время на подмостках раздвинули брезентовые самолетные чехлы, заменявшие театральный занавес, начался концерт. Выступали самодеятельные певцы, танцоры, поэты и фокусники. Но гвоздем программы был наш скетч. Майор Галущенко, изображавший попавшего в окружение под Гизелью фашистского генерала; был в ударе. Он настолько перевоплотился, что комиссар моей эскадрильи Яков Квактун, выступавший теперь в роли адъютанта, вместо Феди Артемова, прямо-таки трепетал перед ним... Уж больно грозен был генерал, учинивший разгром адъютанту за утерю штанов и за поздний доклад об окружении... Далеко за полночь закончился концерт. Потом на подмостки вышел командир полка и объявил:

— Завтра готовиться к перелету на новый аэродром в Галюгаевскую!

Вот это новогодняя новость! Нам предстоит совершить 100-километровый прыжок на запад. Это будет наш первый с начала войны аэродром на освобожденной от гитлеровцев земле.

Прощай, «точка номер три»!

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Пятого января 1943 года мы приземлились на раскисшее от дождей летное поле недалеко от Моздока. Колеса глубоко увязали в грунт. Во время рулежки пришлось пристально всматриваться в стоявшие тут и там указки с надписью: «Разминировано». Здесь до нашего прилета успели уже поработать саперы. Как-то не верилось, что совсем недавно отсюда взлетали на перехват наших штурмовиков «мессершмитты» и вражеские зенитки встречали нас плотным заградительным огнем. А теперь мы увидели здесь кладбище немецких самолетов, с любопытством рассматривая продырявленные снарядами фюзеляжи и крылья, исковерканные лопасти винтов.

— Дров-то они, оказывается, наломали порядочно... — говорили летчики.

Фрицы оставили нам в целости добротный сделанный блиндаж. Стены и потолок его были обиты фанерой, так что от шуршащих мышей земля нам за воротники не сыпалась. Немцы также об «эстетике» побеспокоились: на стенах намалевали разные «картинки».

Вблизи нашего нового аэродрома находилась почти дотла сожженная станица Галюгаевская. В пепелищах шныряли одичавшие черные кошки. Повстречался нам первый житель Галюгаевской — сухонький старичок в рваном малахае. Редкая белая борода, давно

не стриженные волосы — до плеч. Он был похож на отшельника.

— Здравствуйте, дедушка! — окружили мы его, и каждому хотелось расспросить о житье-бытье при немцах.

— Здравствуйте, детки, — он снял малахай и смотрел на нас, часто мигая бесцветными, слезящимися глазами. Мы наперебой предлагали папиросы и шарики шоколада «Кола», который выдавал летчикам полковой врач Борис Кот. Это бодрящее средство нужно было принимать в умеренных дозах, а то кто, бывало, за один присест сжует с десятков этих шариков, тот теряет и покой, и сон. Дедушка охотно принимал подарки, а сам с любопытством рассматривал наши теплые комбинезоны, трясущейся рукой потрогал у кого-то меховой воротник.

— А они тут слухи распускали, — говорил он, — что Красная армия разута-раздета, только кислицами в горах питается и с голоду мрет: «Капут, капут...» А вы вон какие красавцы, все справные, даже сладости водятся...

Дед рассказал, что, когда пришли немцы, они выгнали всех жителей из домов — им пришлось жить в погребках и норах. А перед отступлением немцы угнали почти всех местных жителей, включая девушек, рыть окопы, а дома сожгли.

...Противник отступал. Его нужно было бить с воздуха, но погода, как назло, испортилась окончательно. Низко висели облака, непрерывно сеяла морось, временами срывался мокрый снег. Самолеты на стоянках покрылись ледяной коркой. Туман застилал горизонт, и дальше границы летного поля ничего не было видно. Пехоте-матушке тоже приходилось трудно. Дороги — месиво, машины буксовали, погру-

жаясь в грязь по самый диффер. Солдаты шли пешком да еще на горбу тащили минометы, ящики с боеприпасами, помогали лошадям вытаскивать застрявшие в грязи пушки. А противник отрывался. У него было преимущество: железная дорога — единственная магистраль от Прохладной через Минеральные Воды на Кавказскую — находилась в его руках. Гитлеровцы спешно грузили в вагоны потрепанные части, награбленные ценности и вслед за последним эшелонном пускали путеразрушитель. Позади этой чудовищной машины оставались скрученные в бараний рог рельсы и разорванные пополам шпалы. Самое бы время штурмовикам бить паровозы, чтобы задерживать эшелоны, но погода... Ведь нет ничего опаснее обледенения. В общем, по довоенным понятиям погода была нелетная. Но у войны есть свои суровые законы.

У нас на аэродроме появился командир дивизии, собравший летчиков в размалеванном немцами блиндаже. Мы расселись и притихли: ждем, что он скажет.

— Командующий Северной группой войск генерал Масленников, — начал он, — поручил 7-му гвардейскому полку выполнение особо важной боевой задачи...

«Какая же боевая задача в такую погоду?» — думали летчики. В блиндаже стало очень тихо.

— Командующий требует любой ценой нарушить железнодорожное сообщение на участке Минеральные Воды — Невинномысск. Надо попытаться хотя бы одному самолету достигнуть Минеральных Вод и повредить железнодорожные пути.

Все понимали, что первым полетит кто-то из самых опытных. А их в полку осталось меньше, чем

пальцев на одной руке. Кого же назначит командир дивизии? Но он не назначил, а спросил:

— Кто полетит?

Наступила неловкая пауза...

— Разрешите, товарищ полковник, попробовать мне! — услышался голос майора Галущенко. Он меньше всех раздумывал — значит, самый решительный. Вызваться после него было уже неловко.

— Хорошо, товарищ Галущенко, готовьтесь.

Галущенко козырнул и направился к выходу.

У самолета засуетились техники и оружейники. Подготовкой к полету руководил прибывший по такому важному случаю инженер дивизии Митин. Начали подвешивать «сотки» с взрывателями замедленного действия, «эрэсы». Подтянули к самолету водозаправщик с горячей водой, стали обливать из шланга крылья, барабанить по обшивке деревянными ручками отверток — скалывать подтаявшую ледяную корку. Митину пришла мысль смазать моторным маслом лопасти винта, передние кромки крыльев, стабилизатора и киля — места, которые в первую очередь обледеневают в полете: ведь на штурмовике антиобледенительных устройств нет. Техники усердно терли масляными тряпками самолет, а летчики стояли поодаль и с тревогой наблюдали за необычными приготовлениями. Галущенко по-хозяйски прохаживался вокруг штурмовика, сам все проверял, что-то подсказывал техникам, в нашу сторону ни разу не взглянул. Не до нас ему сейчас.

Галущенко не случайно вызвался лететь первым. Он был непревзойденным мастером виртуозного пилотажа на штурмовике, лучшим во всей 4-й воздушной армии. Во время тренировочных полетов он часто демонстрировал такие трюки, которые никому из нас

и не снились. Командование, неоднократно наблюдавшее за этими полетами, не ограничивало Галущенко. Тренировочные полеты, изобиловавшие крутыми виражами и «горками», летчик обычно заканчивал резким снижением до самой земли, скрывался из виду. Затем показывался бесшумно несшийся к аэродрому на предельной скорости штурмовик. Высота была минимально допустимой; казалось, что самолет концами лопастей винта подгребает под себя землю. Поравнявшись с посадочным «Т», самолет с крутым углом взвивался вверх. Тяжелый штурмовик с необычайной легкостью за считанные секунды, как бы на одном дыхании, забирался на большую высоту, на глазах уменьшаясь в размерах. Когда скорость была почти потеряна и самое бы время выравнять самолет по горизонту, летчик вдруг энергично поворачивал его вокруг продольной оси, на солнце сверкал фонарь кабины, и штурмовик в перевернутом положении все еще продолжал набирать высоту. Затем он плавно опускал нос, отвесно пикировал, медленно уменьшая угол, и целился мотором на аэродром. От больших перегрузок за концами крыльев тянулись белые шнуры рассекаемого воздуха. Высота терялась быстро. Казалось, для вывода самолета из крутого угла не хватит рулей и он неминуемо врежется в землю. Но расчет всегда был настолько точен, что штурмовик выравнивался у самой земли и в том же месте, откуда он начинал головокружительный набор высоты.

Умение маневрировать с предельными перегрузками позволило Галущенко первым открыть счет сбитым «мессерам». На его боевом счету их было уже два. Как-то его одного «зажали» восемь вражеских истребителей, и ему минут десять пришлось вертеться в этой стае. Прилетел он тогда лишь с одной про-

боиной в крыле. Вышел из самолета, а у него из-за отворота летного жилета посыпалось... печенье: это во время воздушного боя от перегрузок оторвалась привязанная проволокой к спинке сиденья коробка с аварийным бортпайком, и ее содержимое «плавало» по кабине.

...Я внимательно следил за приготовлениями Галущенко к опасному полету из Галюгаевской и думал, что тут и пилотаж не спасет — здесь надо быть мастером слепого полета. Галущенко тем временем взобрался на центроплан, надел парашют, уселся поудобнее в кабину, повел широкими плечами, будто ему было тесно. Завращался винт, воздушной струей позади самолета сорвало с лужи тонкий ледок. Летчик увеличил обороты, и самолет, глубоко промяная колесами застывшую за ночь землю, неохотно тронулся с места.

Галущенко пошел на взлет. Долго бежал штурмовик, еле оторвался от земли на самой границе аэродрома и тут же скрылся в дымке. «Сейчас вернется», — думали летчики, всматриваясь в белесую муть и чутко прислушиваясь к звукам. Но тянулись минуты, а Галущенко не возвращался. Стояли под зябкой моросью, курили. Теперь остается ждать, пока не истекут сорок минут расчетного времени. Лишь бы самолет не обледенел... Время тянулось долго...

— Летит, летит! — крикнули наконец несколько голосов, и мы увидели штурмовик с выпущенными колесами и посадочными щитками; летчик изумительно точно с ходу вышел на аэродром и приземлился. Самолет рулил, а под крыльями болтались тросы контровки бомбовзрывателей — значит, бомбы сброшены, значит, он долетел до Минеральных Вод.

Галущенко проворно выбрался из кабины, прыгнул с крыла, зашагал к командиру дивизии. Каким-то не своим, глухим голосом доложил:

— Товарищ полковник, путь разрушен... Вот здесь, — показал на планшете место. У летчика на щеках выступила «гусиная кожа», под глазами — синие круги.

Полковник спросил:

— Вам холодно?

— Там было жарко, а здесь пробирает, — смущенно улыбнулся летчик.

— Пойдемте в блиндаж, там все доложите.

Трудно пришлось Галущенко в этом полете. От Моздока он «уцепился» за железную дорогу, потом «брил» на высоте телеграфных столбов. Через некоторое время начало обледеневать лобовое стекло — и без того ограниченная видимость ухудшилась. Следить за землей пришлось через боковую форточку. Больше всего летчик опасался столкнуться с водонапорными башнями на станциях или с какой-нибудь заводской трубой. Было намерение вернуться, но он переборол себя. Когда миновал Георгиевск, за рекой Кумой погода вдруг улучшилась: облачность поднялась, начало оттаивать лобовое стекло.

За Минеральными Водами он вышел на железную дорогу. Но как бомбами с замедлением взрыва повредишь путь? Железнодорожная насыпь высокая, бомбы с малой высоты падают плашмя — кувыркаются и взрываются, скатившись вниз. И тут Галущенко заметил под железнодорожной насыпью водосточный туннель. Пришла мысль «закатить» туда бомбы. Сделал несколько заходов, сбрасывал по одной, каждый раз учитывая поправки на рикошет. Наконец взрыв ударил точно под насыпью, и она осела. На обратном

пути летчик увидел в стороне плотную пешую колонну отступавших фрицев. Взмыл повыше с глубоким креном, вмиг оказался позади колонны. Прочесал ее из четырех огневых точек — от хвоста до головы, и еще раз — с противоположного направления.

Заканчивая доклад, Галущенко сказал:

— Такой каши, что осталась на дороге, мне видеть еще не приходилось, — и он зябко передернул плечами.

А мне представился виртуозный маневр, выполненный летчиком за считанные секунды: разве можно успеть разбежаться с дороги?..

В железной печке потрескивали и шипели сырые дрова. В оконце, что под самой крышей блиндажа, было видно, как повалил густой мокрый снег. Полетов в этот день не было.

...Утром погода несколько улучшилась. Меня вызвал командир полка:

— Особое задание генерала Масленникова... — сказал он. — По агентурным данным, противник на станции Нагутской сосредоточил много паровозов, — формирует из них составы для эвакуации. Нужно этому помешать.

Я взглянул на карту. Нагутская — небольшая станция западнее Минеральных Вод, лететь туда километров 200. В Минеральных Водах все еще базируются вражеские истребители — значит, надо обходить их стороной, севернее. Речушка Мокрый Карамык обозначена на карте пунктиром; она подходит к самой Нагутской, протекает за грядой холмов. Если лететь все время над ней, можно скрытно подойти к цели.

— Хорошо бы сегодня хоть двумя самолетами ударить, — сказал командир. — Возьми себе ведомым сержанта Цыганова. В строю он держится хорошо, бомбит тоже метко...

Петя Цыганов — остроносенький паренек лет двадцати, прибыл к нам в полк недавно. Узнав, что его назначают в такой ответственный полет, он просиял.

— Будешь делать все, как я. Понял?

— Понял, — кивнул Петя.

Мы взлетели, и так же, как вчера Галущенко, «уцепились» от Моздока за железную дорогу, понеслись на бреющем. Вскоре мы врезались в снежный заряд — пришлось снизиться до предела, чтобы кое-как видеть землю. «Вдруг потеряется ведомый?» — мелькнула мысль, и я тогда пожалел, что полетел не один. К счастью, снегопад вскоре кончился. Я увидел Цыганова — он уцепился за меня справа, словно клещ. «Молодец, Петя!» — приободрил я его, а он качнул с крыла на крыло. Облачность все же временами прижимала нас почти к верхушкам телеграфных столбов. Где-то там, слева, должны быть Минеральные Воды. И вдруг за рекой Кумой мы словно попали в иной мир: в кабине стало светло, облака приподнялись, видимость хорошая... Только теперь надо ухо держать востро: противник может заметить нас издали и поднять наперехват истребителей из Минеральных Вод.

Под нами проносится припорошенная снегом бугристая степь. Мы огибаем эти неровности, то и дело ныряя за холмы. А вот она, та самая глубокая балка, по которой летом течет Мокрый Карамык. Летим над ней, словно в корыте, приближаемся к Нагутской. Заходить на станцию решили с запада, наискосок, чтобы после атаки скрыться за крутыми берегами этой

речушки. Истекло расчетное время, слева показался населенный пункт, недалеко от него — железнодорожная станция. Это и есть Нагутская! За станционными постройками никаких паровозов не вижу. Может, немцы успели угнать их? А может, агентурные данные не точны?..

Мы с Цыгановым сделали левый разворот, чтобы пересечь железную дорогу и выйти на боевой курс, и поднялись метров на 50. Я уже различал железнодорожное полотно, а когда перевел взгляд повыше, вдруг увидел летевший к Минеральным Водам на одной с нами высоте двухмоторный самолет с двумя киллями. Он пересекал наш курс, перемещаясь с правой стороны. Я принял этот самолет за истребитель-штурмовик «Мессершмитт-110». С ним шутки плохи: самолет очень маневренный, с мощным вооружением! «Уйти под него вниз, чтобы остаться незамеченным? Если он вступит в бой, удара по станции нам не нанести...» — успел я подумать в какие-то считанные секунды. А немецкий самолет стремительно несется, не замечая нас. И в этот миг мои пальцы легли на гашетки пушек и пулеметов, глаза впились в перекрестье прицела — огонь! Сверкнул снап трасс, вражеский самолет пронесся левым бортом точно через огненную дорожку, будто гася ее, вздрогнул и начал круто отворачивать от меня, оставляя густой дымный след. Немецкий летчик, повернувшись хвостом, поставил под прицел «спину». Я успел выпустить еще одну длинную очередь. Полыхнуло пламя — и горящий самолет в крутой спирали скрылся под крылом... А мы уже над железной дорогой. Слева видна станция: два товарных состава, рядом с ними в длинную цепочку вытянулись паровозы.

— Разворот! Бьем по паровозам! — скомандовал я Цыганову.

Мы начали пологое снижение. Выпустил залпом восемь «эрэсов», обстрелял в упор паровоз — он окутался облаком пара. Цыганов тоже не мажет. Высота потеряна, выравниваю самолет, составы скрываются под капотом мотора — нажал на кнопку сброса бомб...

Летим от цели низко над ложбиной, присыпанной чистым снегом. Впереди виднеется протянувшееся грядой возвышение. Нам только перескочить через него, и мы снова над руслом Мокрого Карамыка. Ровная белизна земли скрадывает возвышение, над которым нужно сделать «горку». Напряженно всматриваюсь вперед. От успеха распирает грудь. Мы возвращаемся невредимыми, удар был внезапным и точным да еще зазевавшегося фрица попутно «уговорили»! Петя, который опять летит справа, словно привязанный, тоже, наверное, ликует: особое задание выполнено.

Бугор уже близко: мой самолет легко взмывает и тут же ныряет в балку. Теперь-то уж мы будем дома! Глянул направо — нет моего ведомого. Может, на другую сторону перешел? Но и слева его тоже нет. Вот оказия! Неужели же он на радостях решил со мной шутку сыграть и специально скрылся из виду? Мне в тот момент было не до игры в прятки. Пришлось набрать высоту, кружить над тем местом, где потерял ведомого, и повторять по радио команды: «Пристраивайся немедленно, я жду, смотри выше!» Ведомый, однако, не пристроился. Тогда я решил, что Цыганов, всем на удивление, решил прилететь на аэродром один, чтобы отличиться в штурманской подготовке. «Там уж я с ним поговорю по душам», — подумал я и

взял курс на Галюгаевскую. При подлете к аэродрому я заметил самолет, заходивший на посадку раньше меня. «Это Цыганов!» — решил я, и злость на него улеглась. Зарулил на стоянку, первым делом спросил своего механика:

— Кто передо мной сел?

— Галущенко облетывал самолет...

Особое задание было выполнено, но мой ведомый загадочно исчез...

В нескольких километрах от Галюгаевской мы нашли разбитый штурмовик Героя Советского Союза Петра Руденко, погибшего около двух месяцев назад. Разыскали брошенное в овраг фашистскими полицаями и припорошенное снегом тело летчика. Петра хоронили всем полком. Оркестра не было, но в небе над кладбищем долго кружил штурмовик. Он монотонно тянул одну низкую органную ноту, звучащую как реквием. А когда гроб опустили в могилу, штурмовик круто спикировал, низко пронесся над нашими головами, оглушив неистовым ревом, и взмыл ввысь. Так майор Галущенко простился со своим заместителем... Прощай, Петро! Мы двинулись дальше, на запад!

Нужно было поспевать за наступавшей пехотой. Быстро меняли аэродромы: Советское, Георгиевск и... Нагутская! Рядом с той самой станцией, где мы с Петей Цыгановым били несколько дней назад паровозы. Мы стояли около лежащего на брюхе двухкилевого самолета, который я сбил. Это оказался не «Мессершмитт-110», как я полагал, а четырехместный бомбардировщик «Юнкерс-86к», которого нам еще не приходилось видеть. Левый мотор у него сгорел и превратился в труху, а с правого я срубил отверткой круглую марку фирмы «БМВ» — на память.

Начальник воздушно-стрелковой службы полка Борис Лурье, недавно прибывший в полк из Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, долго ходил вокруг самолета и пересчитывал пушечные пробоины. Их было тридцать три. Пожав плечами и сделав какие-то вычисления, он сказал:

— По теории вероятности такого количества попаданий при стрельбе на пересекающихся курсах быть не должно...

— То теория, а это практика, — ответил ему. — У меня была такая дистанция, что я заклепки на крыльях видел.

К нам сошлись из села жители.

— Не знаете ли случайно, когда упал этот самолет?

— Как не знать, сами видели... Девятого января. Вон оттуда низко летели двое наших, а этот — им наперерез. Как застрочит, как застрочит наш передний, — а он — пых! Прикатили ихние тушить. Трех обугленных вытащили, четвертый с перебитыми ногами сам на карачках отполз. А наши кинули бомбы на станцию и опять подались туда — низко, низко... Задний вон за тот бугор зацепился — прыг! — и больше не поднялся. Там в кустах и лежит...

Мы поехали на бугор. В низинке, где рос густой кустарник, лежал штурмовик. Недалеко от него на холме — могилка Пети Цыганова. Там мы поставили красную пирамидку. Прощай, Петя, нам снова дальше, на запад. В Ставрополь...

26 января 1943 года над Ставрополем ветер гнал низкие облака. За ночь грязь припорошило мокрым снегом, и аэродром, который вчера был черным, к утру будто накрыли белой скатертью. Из-за плохой погоды полетов не предвиделось, но вдруг к командиру полка

вызвали двоих: лейтенанта Сергея Смирнова и младшего лейтенанта Сергея Слепова — его постоянного напарника в полетах. Смирнов был в длиннополном кожаном реглане, в меховых унтах с галошами; Сережа Слепов — повыше своего ведущего, посветлее волосами, у переносицы веснушки. Несмотря на оттепель, одет был по-полярному: в меховой комбинезон, на голове — шапка-ушанка.

Провожая их взглядами, мы недоумевали: «Неужели боевая задача в такую погоду? И почему тогда именно им? Ведь в полку есть более опытные летчики?»

Смирнов и Слепов долго не возвращались, и мы направились на КП посмотреть, что там происходит. Оказалось, сидят за одним столом с командиром полка. Он называет какие-то пункты, а Смирнов со Слеповым отмечают их у себя на картах.

Орудя масштабными линейками и транспортирами, они проложили маршрут от Ставрополя до Тихорецка, затем влево на 90 градусов в сторону Краснодара и обратно на свой аэродром. Летчикам предстояло выполнить полтора часовой полет по треугольному маршруту. Задача — разведка железнодорожных эшелонов на перегонах и станциях.

— Боеприпасы израсходовать по одному из обнаруженных составов, — сказал им командир.

Смирнову и Слепову предстоял трудный полет — и не только из-за непогоды. Было известно, что близко от железной дороги, вдоль которой должны лететь два штурмовика, — в Белой Глине и в самом Тихорецке — поворотном пункте на Краснодар базировались «мессершмитты». К тому же о наших самолетах, летящих вдоль железной дороги, могут сообщить по селектору с любого полустанка, откуда их заметят, а все

станции прикрываются сильным зенитным огнем. Своих истребителей для сопровождения штурмовиков из-за плохой погоды не назначали.

Подготовка к полету подходила к концу, когда пропищал зуммер телефона — звонили из штаба дивизии. Командир схватил трубку и кому-то односложно отвечал: «Да... Да... Понятно».

— Для прикрытия выделяют два ЛаГГ-3, — положив трубку, сказал летчикам вмиг повеселевший командир полка. Смирнов и Слепов тоже просияли, да и у всех будто гора свалилась с плеч. Это был сюрприз. Нечасто случается, чтобы двум штурмовикам выделяли прикрытия, да еще в такую погоду: ведь для воздушного боя нужна высота, а ее сегодня нет. Значит, этому полету командование дивизии, а может быть, даже и воздушной армии, придает большое значение.

Смирнов и Слепов заспешили к самолетам, мы тоже выбрались из прокуренного блиндажа на свежий воздух.

— Как по-твоему, — сказал кто-то, — по такой грязище «ястребки» взлетят?

Высказанное сомнение не было беспричинным. Штурмовик Ил-2 был весьма «проходимым» самолетом — он мог взлететь с бомбовой нагрузкой в любую грязь. Истребителям же при раскисшем грунте взлететь было очень трудно: колеса увязали, а при даче полного газа легкий хвост поднимался, самолет низко «кланялся» и лопастями винта рубил землю.

Вот и теперь наша пара штурмовиков пошла на взлет, а истребителей техники все еще раскачивали за крылья и придерживали за стабилизатор, чтобы хвост не отделился от земли. Наконец и «ястребки» покатались с высоко задранными носами и, ко всеобщ-

щей радости, оторвались от вязкого грунта. Но сразу же после взлета у одного из «ЛаГГов» за хвостом потянулась полоса дыма — что-то случилось с мотором. Он пошел на посадку. «Ничего не получится с прикрытием, сейчас и второй пойдет следом за ним», — подумал каждый из нас, но оставшийся один «ястребок» пристроился за штурмовиками и вскоре скрылся за макушками сосен. Смелый парень!

Как ребята рассказали нам позже, взлетев, они пошли на бреющем и вскоре обнаружили сначала один вражеский эшелон, потом другой. Атаковать их они не стали, сочтя цели не такими уж и заманчивыми. Потом на берегу реки Челбас они увидели скопившиеся в лесочке грузовики — фрицы явно загорали без горючего.

Через несколько минут впереди показались крыши домов станицы Малороссийской. На железнодорожной станции летчики заметили несколько эшелонов: рядом с длинной цепочкой цистерн — еще три товарных состава, а на крайний с погрузочной площадки вползают танки... Вот это цель!!!

— Будем бить! — приказал Смирнов.

Пролетев еще немного на малой высоте в сторону Тихорецка пара развернулась обратно и вышла на боевой курс. Истребитель тоже «оживился»: увеличил скорость, начал носиться сзади «змейкой», будто подгоняя своих подопечных. Перед штурмовиками появились разрывы зениток, замельтешили трассы. Пологое снижение — выпустили залпом «эрэсы», ударили из пушек и пулеметов. Вспыхнула цистерна, полетели щепы с крыши товарного вагона, оттуда вырвался клуб дыма. Высота потеряна. Штурмовики пронесли над самыми крышами составов и сбросили стокилограммовые бомбы. На большой скорости

они вышли из зоны обстрела и снова взяли курс на Тихорецк, но к нему пройти не удалось — немцы вели чрезвычайно меткий и плотный огонь из зенитных орудий среднего калибра. Здесь штурмовиков, очевидно, ждали. Решив, что, чего доброго, еще взлетят «мессеры», от которых одному истребителю не отбиться, летчики отвернули и, доразведав железнодорожную ветку на Краснодар, повернули на Ставрополь — домой!

Над безлюдной кубанской степью летели спокойно: ни зениток, ни войск противника! Да и основное задание — разведка, выполнено успешно: карта покрылась множеством пометок. Но, как рассказывал Смирнов, вскоре его хорошее настроение стало портиться: сплошная пелена низких облаков начала угрожающе темнеть, с каждой минутой полета видимость ухудшалась. С чего бы это? Ведь облака не грозовые, да и час-то ранний... Опасаясь потерять ориентировку, он повернул влево — ближе к железной дороге, чтобы по ней наверняка выйти на Ставрополь. А облака все темнели. Вскоре на горизонте стал различим черный, как тушь, столб дыма. Он, словно гигантский смерч, подпирал пелену облаков и растекался под ними, будто нефть на воде. И там, откуда вздымался этот столб дыма, были видны отблески вспышек, как в сильную грозу. Пожары на войне не диковина, но такого им видеть еще не приходилось. Подвернув поближе, чтобы получше рассмотреть и поточнее определиться, он понял, что это горела станция Малороссийская, да как еще горела! Из-за густого дыма ничего нельзя было рассмотреть. Смирнов включил передатчик, крикнул: «Наша работа!» Самолет Слепова, шедший справа, ответил на это кренами, а лихой истребитель выскочил вперед и крутнул «бочку».

Приземлившись, Смирнов доложил прилетевшему в полк полковнику Гетьману, бывшему уже командиром дивизии, что на станции ими уничтожено четыре эшелона, но он и остальные штабисты восприняли сбивчивый рассказ летчика с улыбкой — ему просто не поверили. Истребитель тоже не сумел доложить об успехе вылета как следует, ограничившись лишь фразой: «Над Малороссийской черно и дым коромыслом!»

Тем не менее пока техники расчехляли штурмовики, готовя их к полетам для ударов по обнаруженным Смирновым эшелонам, курсом на Малороссийскую взлетели два истребителя: разведчики-контролеры. Истребители вернулись как-то очень уж быстро. Летчики доложили: на станции Малороссийской творится что-то невероятное — дым, огонь, взрывы. Ближе подойти и что-нибудь рассмотреть им не удалось.

Смирнов заметно повеселел: теперь уж проверять нечего, все ясно. К вечеру, однако, дошли слухи, что с другого аэродрома снова послали разведчика, на этот раз многоместный самолет с фотоаппаратами.

После ужина Смирнов сразу пошел спать, но, только он уснул, кто-то начал тормозить. Открыл глаза — над ним склонился посыльный штаба:

— Вам со Слеповым срочно в штаб!

В штабе находился заместитель Кожуховского, майор Гудименко, работавший как заведенная машина — без сна и отдыха.

— Из штаба воздушной армии получена шифровка, — сказал он. — Срочно требуют подробное описание боевого полета со схемой удара по станции Малороссийской. Вот вам бумага: рисуйте, пишете.

Почти до утра летчики писали отчет о боевом вылете и чертили схему. Гудименко тем временем отсту-

кивал на машинке двумя пальцами препроводительную. Потом прочитал отчет, заставил обоих расписаться и сказал:

— Теперь — отдыхать. В боевой расчет на двадцать седьмое командир приказал вас не включать.

...Шли дни. Разговоры в полку, дивизии и армии о Малороссийской понемногу улеглись. Другие события отодвинули на второй план полет этой пары, закончившийся редким по эффективности результатом. Мы продолжали бить эшелоны, штурмовали засевшие в кубанском черноземе немецкие автоколонны, на дорогах оставались вереницы обгоревших автомашин.

Чтобы не отстать от наступающих войск, со Ставрополя мы перебазировались в Гетьмановскую, потом в Усть-Лабинскую — почти под Краснодар. Летать с этого сильно раскисшего летного поля пришлось очень много, а погода нас по-прежнему не баловала.

Как-то под вечер, когда летчики собрались на командном пункте и ожидали отправки на ужин («Еще один денек стерли», — говорили мы), скрипнула дверь, и мы увидели затянутого в кожаный реглан плотного человека с маузером на боку. С нар посыпались как горох. Вскочили и командир полка с начальником штаба. Никто не ждал, что так внезапно нагрянет командующий 4-й воздушной армией генерал-лейтенант Науменко.

— Кто летал на Малороссийскую? — спросил он строго. Смирнов выступил вперед.

— Лейтенант Смирнов... с ведомым Слеповым.

— Кто Слепов? — командующий обвел взглядом летчиков, но никто не тронулся с места. Ответил командир полка:

— Не вернулся с боевого задания.

— Когда?

— Вчера.

Командующий присел на скамейку, разрешил сесть остальным.

— Станция Малороссийская занята нашими войсками, — сказал он. — Я высылал туда комиссию для определения эффективности удара. Сегодня сам летал смотреть. На станции сгорело четыре эшелона: один с горючим, два с боеприпасами, четвертый с танками. Путевое хозяйство настолько разрушено, что за четверо суток, вплоть до подхода туда наших войск, ни один эшелон не мог проследовать в сторону Тихорецка. Войскам достались богатые трофеи. Много эшелонов так и застряло на перегонах... Вот, оказывается, что могут сделать два штурмовика при удачном выборе цели и снайперском ударе. Ведь им попадался не один эшелон, но летчики не стали размениваться на мелочи. Ведущий Смирнов терпеливо искал наилучшую цель и нашел ее...

Заключил командующий такими словами:

— Действия Смирнова и Слепова ставлю всем в пример. Лейтенант Смирнов представлен к правительственной награде. — Науменко пожал руку Смирнову, распрощался с остальными и улетел на своем У-2.

А через два дня из боевого вылета не вернулся и Смирнов. При штурмовке колонны противника у станции Троицкой в мотор его самолета угодил снаряд. Штурмовик, рубя винтом и сбивая крыльями макушки деревьев, рухнул в лес по ту сторону линии фронта...

Я навсегда запомнил, как под шелест гвардейского знамени перед выстроившимся полком читали приказ народного комиссара обороны И.В. Сталина. В нем в пример всему летному составу Военно-воз-

душных сил ставились действия двух летчиков нашего полка — Смирнова и Слепова. Всем авиационным частям предлагалось широко использовать в борьбе с железнодорожными и автомобильными перевозками в тылу противника примененный ими способ боевых действий. В приказе он был узаконен и назван «охотой». Смысл «охоты» — сам ищи и бей!

Приказ был радостный, но с нами в строю уже не было тех, кто прославил часть. В журнале боевых действий было записано: «Лейтенант Смирнов Сергей Иванович, рожд. 1913 г., член ВКП(б) с 1942 г., заместитель командира эскадрильи, 13.02.43 г. сбит зенитной артиллерией в районе Троицкой Краснодарского края на 46-м боевом вылете». На стенде боевой славы полка появилась фотография Смирнова в черной рамке. Она висела рядом с фотографиями Мосьпанова, Руденко, Артемова, Шамшурина...

Тогда мы не знали, что сбитый зениткой Смирнов остался жив. Придя в сознание в обломках разбившегося самолета, он пробирался к своим, но был схвачен при переходе линии фронта. Пройдя несколько концлагерей, он вдвоем с офицером-пехотинцем сумел бежать и добраться до чехословацких партизан, в отряде у которых воевал много месяцев: нападая из засад на вражеские колонны, взрывая мосты.

А награды за тот боевой вылет, как это часто бывало, Смирнов так и не получил...

НШ

Было это ранней весной сорок третьего на Кубани, в Новотитаровской.

В этот день приунывшие летчики сидели в ожидании обеда, греясь на солнце около штаба. Нас в полку оставалось совсем немного, а за последние дни мы снова понесли потери: накануне не вернулся с боевого задания из района косы Чушки Герман Романцов и Николай Николаевич Кузнецов. Кузнецов перед войной много лет проработал инструктором в аэроклубе Осоавиахима, был забронирован и с трудом вырвался на фронт. В тылу у него осталась большая семья.

В тот же самый день несчастье в боевом вылете произошло и у меня, и теперь я сидел в стороне от всех, вместе с прилетевшим из Невинномысска Колей Галущенко: сидел и молча перебирал в памяти все детали этого злополучного полета.

Недоразумения начались еще перед вылетом. Командир полка вдруг решил включить в мою группу сержанта Петра Колесникова, летчика со странностями. На земле — человек как человек, а в воздухе его словно подменяли. В строю он вдруг без всякой причины начинал шарахаться из стороны в сторону и разгонял соседей. Командир полка хотел было перевести его на связной У-2, но Колесников всерьез обиделся: «Неужели же вы меня трусом считаете?»

Я возражал против включения Колесникова в боевой расчет, но в конце концов вынужден был уступить и поставить его рядом с собой справа. Поскольку воздушные стрелки тоже не горели желанием лететь с Колесниковым, то ему выделили сохранившийся до сих пор одноместный самолет. Перед вылетом я напутствовал Колесникова:

— Смотреть будешь только в мою сторону, выдержи дистанцию и интервал. Сектором газа резко не шуруй... Головой зря не верти, полетим с надежным истребительным прикрытием, будет Покрышкин. Истребители сами обнаружат и отгонят «мессеров».

Петя согласно кивал, но заметно побледнел. На земле ему все было понятно, а как только поднялись в воздух, то мне стало ясно: оставлять этого летчика в середине строя нельзя. Никакие мои подсказки по радио не помогали: его самолет то «вспухал» над строем, то резко проваливался под него. При полете к цели командами по радио летчика пришлось буквально выманывать из середины строя, пока он не занял место крайнего. «Пусть там и болтается», — успокоился я, и все вроде бы пошло нормально.

Мы отштурмовали колонну вражеских машин у Курчанской и уходили на бреющем. Оглянувшись, я увидел, что Колесников сильно отстал от группы, и начал набирать высоту, чтобы он нас быстрее заметил. Летчик догнал нас, находясь значительно ниже, а потом круто пошел вверх. Однако вместо того, чтобы снова занять крайнее место в строю, он начал целить в середину строя — на прежнее место между мной и Злобиным. «Занимай место с краю!» — повторял я несколько раз, но Колесников будто оглох... У меня на глазах самолет Колесникова рубанул винтом штурмовик лейтенанта Ивана Злобина со стрелком — сер-

жантом Николаем Мухой. Оба самолета вспыхнули и, беспорядочно кувыряясь, упали на окраине станицы Бараниковской.

Надо же такому случиться — после успешного выполнения боевого задания, когда мы уже пересекли линию фронта...

Теперь я сидел, пригорюнившись, рядом с майором Галущенко, с которым мы не виделись несколько дней, — он летал в Невинномысск за самолетом и только что вернулся. Галущенко успокаивал меня: «Не кисни, Василек. Видишь сам, что и так все носы повесили». И тут он хлопнул ладонью по своему пухлому планшету, стянутому резинками от парашютного ранца, и шепнул на ухо: «Командир батальона из Невинномысска кусок сала для Кожуховского передал. Давай его на глазах у самого батьки съедим, со всеми ребятами!»

Майор Федор Васильевич Кожуховский был нашим начальником штаба. В те годы было ему под сорок, а из-за тучности он выглядел старше своих лет. Он был добряком по натуре, но отличным работником — при нем штаб полка работал, как хорошо отрегулированный мотор. При этом Кожуховский скрывал дефект зрения — в сумерки он становился практически слепым...

— Обидим старину...

— Мы и ему потом кусочек оставим, разделим по-христиански. А веселая беседа — не хуже обеда!

Галущенко, напустив на себя суровость, громко скомандовал: «Летный состав, ко мне!» — и направился в штаб. Пришли в комнату, расселись на скамейках, притихли: «Может, боевое задание?» Последним в узкую дверь протиснулся начштаба, майор Фе-

дор Васильевич Кожуховский — на ловца и зверь бежит.

Галущенко сдвинул на середину столик, поставил два стула, усадил меня и громко объявил:

— Сейчас мы вам покажем... — он кивнул в мою сторону и в абсолютной тишине выдержал томительную паузу, которую закончил неожиданно: — Покажем, как нужно сало есть! — и повертел над головой извлеченным из планшета большим квадратом сала. Находившиеся в комнате дружно засмеялись, и лишь один Федор Васильевич, сидевший позади всех, беспокойно заерзал на скамейке.

После краткого вступительного слова о пользе сала Галущенко приступил к демонстрации самого опыта. Он долго и сосредоточенно резал кусок на маленькие дольки, затем расщепил головку чеснока, очистил дольки от шелухи. Голодная братия исходила слюной. Наконец он взял первый кусочек, предварительно потер салом вокруг губ, чтобы аппетитно блестело, а уж потом послал его зубчиком чеснока себе в рот. Второй кусочек он протянул мне. Прежде чем его употребить, я предварительно потер поджаристую корочку чесноком. Галущенко в это время прокомментировал мои действия:

— Вот видите, товарищи, и так тоже можно есть.

Он подходил к каждому летчику с крошечной порцией и торжественно вручал пробу. Кожуховского Галущенко обошел стороной, а потом начал вслух сокращаться по поводу того, что он, наверное, просчитался при дележе и кому-то одному не достанется. Федор Васильевич проявил признаки беспокойства. Порцию он все же получил, но последним. Когда он ее проглотил, тут-то Николай Кириллович и нанес ему «сокрушительный удар»:

— Товарищ начальник штаба, прошу написать расписку...

— Какую расписку?

— Что сало, переданное командиром БАО через майора Галущенко, вами получено.

Сколько смеху было в этот день, да и потом! Вместе со всеми заразительно смеялся и сам Кожуховский. Позже, впрочем, стало известно, что во все окрестные батальоны аэродромного обслуживания, откуда его снабжали этим продуктом, он с летчиком звена связи разослал «циркуляр», чтобы впредь сало пересылали только через надежных лиц.

ПОД КРЫЛОМ ЗЕМЛЯ И МОРЕ

На полевом аэродроме, около Кропоткина, ко мне подошел оживленный Талыков.

— До чего интересно получается: мы гоним фрицев по тем же местам, где прошлым летом отступали!

Действительно, нам очень часто приходилось прокладывать маршруты над теми же районами, где полгода назад с Мишей не раз приходилось проноситься на двух уцелевших штурмовиках.

Я посмотрел на планшет: до Ростова осталось менее 200 километров. Вот и Несмеяновка, где меня последний раз сбила зенитка... Я сказал Мише:

— Как только окажемся поближе к Ростову и выберется у нас свободный денек, попрошу у командира У-2, слетаем с тобой...

— Куда?

— На то самое место, откуда ты вывез меня в фюзеляже.

— Идея! — притопнул Миша каблуком. — Посмотрим, что там от твоего «ильюши» осталось.

Но наш полк вдруг «повернули» на 90 градусов влево — нужно было преследовать фрицев, отходивших на Таманский полуостров.

В марте мы уже базировались под Краснодаром. Немцы хотели задержать нашу авиацию на раскисших аэродромах. В Краснодаре они взорвали бетониро-

ванную взлетно-посадочную полосу и служебные помещения. Тогда нам на помощь пришли жители. Вереницы мужчин и женщин таскали с развалин битый кирпич, засыпали огромные воронки и утрамбовывали их. Впервые за наступление мы начали летать с твердого покрытия, самолеты отрывались легко. Тогда я вспомнил случай, как еще на «точке номер три», под Грозным, мой ведомый старший сержант Илья Михайлов вернулся с задания с двумя несброшенными бомбами и как за это происшествие был наказан Холобаевым я. Командир полка не стал распекать молодого летчика, а спокойно сказал мне:

— В следующий вылет сверх полной нагрузки сам отвезешь на цель и две его бомбы.

И я надолго запомнил, как с грунтового аэродрома поднял лишних 200 килограммов, а здесь, в Краснодаре, — бетон. Увеличивая нагрузку, я стал поднимать в полтора раза больше бомбового груза. Вслед за мной начал брать такое же количество бомб майор Галущенко, увеличил нагрузку Михаил Талыков.

Летать теперь приходилось не только над сушей, но и над морем. Появились для нас и новые цели — немецкие быстроходные десантные баржи, катера и прочие плавсредства. До чего же неприятно на сухопутном самолете лететь над водой! Ведь плавучесть у бронированного штурмовика такова, что не успеешь покинуть кабину — мигом окажешься под водой. Первым, кажется, это испытал младший лейтенант Петр Возжаев.

Летели на Темрюк — мощный опорный пункт немцев на побережье Азовского моря. Над целью у Возжаева что-то случилось с мотором. Возвращался он через море напрямик, чтобы как-нибудь дотянуть хоть до плавней, где наши войска. Но мотор заглох рань-

ше, пришлось планировать на воду... Тучи брызг поднялись на месте приводнения. Летчик едва успел выпрыгнуть в воду, как кабина скрылась в бурлящем водовороте. Возжаев был неплохим пловцом, но ватный комбинезон тянул ко дну. Летчик начал беспомощно озираться и, к великому удивлению, увидел позади себя торчащий из воды хвост штурмовика. Поплыл обратно, ухватился за стабилизатор, повис на руках. Вода по горло. Самолет, однако, больше не погружался — значит, уперся мотором в грунт. Вода холодная, Возжаев начал быстро коченеть. «Безнадежные мои дела...» — подумал он и тут же услышал гул штурмовиков. Два самолета начали кружить над ним. По бортовому номеру одного он определил ведущего группы — Талыкова. Вначале было обрадовался, а затем подумал: «Какой толк от того, что кружат? Ведь на воду для выручки не сесть, а виражами можно только привлечь внимание противника — из Темрюка все видно...»

Возжаев собрался с силами, освободил одну руку, помахал: «Улетайте!», но самолеты продолжали кружить. «Сколько же я буду так висеть? Надо снять с себя все лишнее и плыть, а там — что будет... В движении, может быть, согреюсь, глядишь, и на мелкое место попаду...» Он попытался было одной рукой снять обувь и одежду — ничего не получается, и ноги судорогой сводит. Посмотрел на далекий берег и увидел, как со стороны Темрюка к нему несется вражеский катер. Что же теперь предпринять? Достать пистолет и прикончить себя? Но патроны — в воде, наверняка будет осечка. А в это время от плавней, с другой стороны, шел наш катер. Он был дальше немецкого, но тоже сильно резал килем воду, оставляя за собой крутую волну. «Не успеть», — подумал Возжаев и услы-

шал стрельбу. На немецкий катер пикировали два штурмовика, и тот начал делать крутые повороты, сбавляя ход.

Когда наш катер подошел к затонувшему штурмовику, моряки подхватили под руки летчика и на полном ходу направились к своему берегу.

Возжаев, заявившийся через несколько дней в полк, рассказал нам:

— Братишки-морячки первым делом раздели меня до основания, двое спиртом растирают, третий внутрь льет... В общем Ил-2 по плавучести занимает второе место, — заключил Возжаев свой рассказ.

— А на первом?

— Утюг.

...Вскоре после этого случая нам начали выдавать спасательные жилеты. Первому принесли майору Галущенко.

— Распишитесь, товарищ майор, вот здесь, — кладовщик подсунул раздаточную ведомость, поставив химическим карандашом «птичку» против фамилии штурмана полка.

Тот покосился на это снаряжение: точь-в-точь такой жилет, какие выдавали нам в Астрахани перед перелетом через Каспий, — с надувными шлангами. Галущенко швырнул жилет:

— Унеси на склад! — отрезал он.

Кладовщик растерялся, решил, что не угодил начальству.

— Если вам, товарищ майор, красный цвет не нравится, то я желтенький принесу...

— Какая разница, в чем пойдешь на дно морское? За это еще и расписываться! Унеси!

Разговор происходил без свидетелей, но в тот же день Николая Кирилловича вызвали «на беседу».

— Объясните, чем вызвано такое пренебрежение к спасательной технике?

— А почему вас это так заинтересовало? — спросил Галущенко.

Тогда летчики не робели при подобных беседах: сегодня жив, а завтра — неизвестно.

— На вас глядя, рядовые летчики тоже отказываются.

— И правильно делают. Эту заграничную чертовщину ртом надуть — все равно что шину на полуторке. У морских летчиков жилеты с автоматами наполнения, а нам выдают это залежалое старье.

Протест Галущенко возымел действие. Нам доставили партию жилетов без надувных шлангов. В кармашке помещалась хромированная коробочка с маленькими отверстиями на донышке (кое-кто уже прикинул: для махорки хороша, пыль будет отсеиваться). В коробочке порошок. Попадет на него вода — бурно выделяется газ, заполняет полость жилета. Стоит нырнуть, тебя тут же вытолкнет на поверхность, как пробку.

— Был бы на мне такой, — говорил Петя Возжаев, — да если не ледяная вода, то сам бы добрался до плавней.

— Лучше уж на катере, — возразил ему Талыков. Он какой-то несговорчивый в эти дни. Может, оттого, что сероглазую Ксению недавно тяжело ранило осколком бомбы? Ее увезли в тыловой госпиталь...

Четырнадцатого марта был хмурый, промозглый день. Мы с Талыковым укрылись от ветра за высоким валом самолетного капонира. Здесь можно над огоньком руки погреть — наши оружейники побеспокоились. В стороне лежала бомба с развороченным корпусом — из нее отверткой надолбили куски тола,

который детонирует лишь от бомбовзрывателя, а сам по себе горит спокойным пламенем.

Мы присели с Талыковым на ящики, закурили. Миша писал письмо на листке почтовой бумаги с цветным трафаретом наверху. У огонька было уютно, и нас потянуло на разговор.

— Теперь от Крыма нас не повернут, — сказал Талыков. — Как спихнут фрицев с Тамани в море, потом через Керченский пролив, и там...

Талыков упомянул о Крыме, и я вспомнил островские кипарисы, санаторий «Буюр-Нус» и наш поход со знакомым летчиком в Симферополь.

— Тебе в Крыму бывать не приходилось? — спросил я его. Ответ был неожиданный:

— Как не приходилось! Сразу же после Пермского авиаучилища в Евпаторию назначили. Там и война прихватила.

— Меня тоже...

— Немножко осталось, скоро посмотрим знакомые места... — размечтался Талыков.

В это время со стороны КП послышался голос:

— Талыков!

— Я здесь! — поднялся он.

— К командиру!

Вскоре Талыков выскочил из блиндажа по крутым ступенькам и зашагал к своему одноместному штурмовику. Был он в кожаном реглане, в брезентовых сапогах, пошитых из парашютного чехла. Сапоги начищены черным кремом, чтобы не было видно масляных пятен. Планшет с картой бьется о ногу и на быстром ходу отскакивает в сторону. За Талыковым гуськом шли его ведомые. Я успел спросить шедшего позади всех Леню Букреева:

— Куда?

— На Темрюк... Бить переправу.

Темрюк расположен на возвышенности недалеко от берега Азовского моря. Через него проходит основная дорога от Керченского пролива к немецкому оборонительному рубежу — «голубой линии». На западной окраине Темрюка протекает Кубань, и через нее — тот самый мост, который мы то и дело бьем, а немцы его снова восстанавливают. Много зенитных батарей стянули туда фрицы, оборудовали позиции на холмах. Оттуда обзор отличный, поэтому подойти к Темрюку незамеченным трудно даже на бреющем — хоть с суши, хоть с моря. Ох этот Темрюк... Только за последние дни мы потеряли там Виктора Оленина, Николая Проталева с воздушным стрелком Борисом Максимчуком и Петра Возжаева. На Темрюк мы чаще летали над сушей. Может быть, поэтому Талыков сегодня наметил маршрут так, чтобы заход на цель был со стороны моря.

...«Илы» неслись над свинцовым Азовским морем, прижимаясь к самым гребням волн. Показалась береговая черта, на пригорке виден Темрюк. Еще минута полета — и штурмовики достигнут суши, а там уже и цель. Вдруг перед самолетами взметнулись столбы воды. Это начала бить артиллерия, чтобы преградить летчикам путь, заставить их свернуть с боевого курса и неприцельно сбросить бомбы. Эти водяные смерчи очень опасны: стоит хоть чуть зацепить крылом — верная гибель. Поэтому Талыков сделал «горку», пошел повыше, но с боевого курса не свернул. Пора набирать высоту для бомбометания. Самолеты пошли вверх, в воздухе все больше и больше черных разрывов. Впереди мост через Кубань, Темрюк. Теперь все вниз... Посыпались бомбы. Пора выводить из пикирования. Но что-то задерживается с выводом передней

самолет: высота у него все меньше, вот он уже над самыми крышами домов, покачивается с крыла на крыло и не отворачивает, будто целит на пригорок, где городской парк и рядом каменный двухэтажный дом. Во дворе этого дома какие-то вспышки, наверное, ведет огонь зенитка. И там, срубая крыльями деревья, скрылся штурмовик... Группа вернулась без ведущего.

За капониром догорал кусок тола, который зажгли еще мы с Талыковым, на ветру покачивалось слабое пламя. У меня в руках письмо, которое Миша не успел дописать. Неровные карандашные строчки. «...Здравствуйте, дорогие родители, брат Алексей и сестренка Дуся...». А после поклонов и жалоб на редкие письма от родных: «...Прежде эти обнаглевшие фрицы летали, как хищники, стаями, а теперь больше поодиночке и от наших истребителей тикают. Я сейчас летаю на своей бессмертной птице...»

Мне показалось, будто вслед за Мишей наступил и мой черед. Только бы не лететь сегодня... И тут я услышал: «Летный состав, на КП!» — и медленно спустился в блиндаж по тем же крутым ступенькам, по которым недавно проворно взбегал в своих брезентовых сапогах Михаил Талыков...

На Краснодарском аэродроме стало тесно: сюда слетелись штурмовые, бомбардировочные, истребительные и разведывательные полки. То и дело садились транспортные Ли-2, летавшие по ночам в Крым к партизанам.

Мы перебазировались в Новотитаровскую — тоже неподалеку от Краснодара. На полевом аэродроме — непролазная грязь. Все же летали. В полку оставалось менее десятка летчиков и самолетов, но мы про-

держались от самой «точки номер три» полгода. Могли бы стать небоеспособными и раньше, но аварийные команды наших техников за это время в ставропольских и кубанских степях разыскали, а затем восстановили свыше 30 поврежденных штурмовиков.

Шло новое пополнение летчиков. Ведь из тех десяти человек, что прибыли к нам на «точку номер три», уже почти никого не осталось. Петр Колесников столкнулся в воздухе с самолетом Ивана Злобина — погибли оба. Не стало Петра Возжаева, Саши Захарова, Николая Кузнецова, Генриха Романцова, не вернулся с задания наш лучший запевала Иван Чернигин. Новичков нужно было еще обучать полетам на Ил-2. Их тренировали в своем полковом учебно-тренировочном центре, которым руководил наш Миша Ворожбиев. В пору тренировок он почти не вылезал из кабины спарки. Вот так и держался полк.

В Новотитаровской начало пригревать солнышко, а летчики ходили угрюмые. Даже неутомимый балагур Иван Остапенко перестал рассказывать байки — больше спал.

— Полк собираются отводить на переформирование, — сказал подошедший к нам с Галущенко командир. — Только об этом — молчок. Настроишь на отдых — размагнитишь. А вдруг как задержат? Ну а вы уж пару-тройку деньков потяните...

— Потянем, — ответил Галущенко.

В те дни нам с Николаем Кирилловичем приходилось «тянуть» посменно. В полку осталось два ведущих: сборную группу со всех эскадрилий водили с ним поочередно.

В этот день я уже слетал. Штурмовали колонну на дороге между Курчанской и Варениковской. Полага-

ли, что сегодня задачи больше не будет, но к вечеру получили приказ штурмовать составы на железнодорожной станции Крымской. Группу повел Галущенко. Повел и не вернулся...

Заместитель ведущего Иван Остапенко докладывал:

— Сел он на брюхо вот здесь, — показал на карте довольно большой лесистый район, где не было никакого приметного ориентира. — Тянул через линию фронта, а следом за самолетом — как туман... Пожара не было. Слышал по радио, как он стонал.

Командир тут же приказал летчику звена связи лететь на У-2 в район вынужденной посадки.

— Разрешите мне... — попросил я.

— Давай!

Пока я долетел в район поиска, солнце уже скрылось за низкую тучу. Я долго кружил зигзагами над потемневшими перелесками, но штурмовика не увидел. Решил напоследок пролететь над проселочной дорогой. Увидел подводку. Возница хлещет кнутом лошадь, а та еле бежит трусцой. Сделал круг на малой высоте — подводка остановилась, кучер руками машет, в телеге вроде бы кто-то лежит. Выбрал площадку у дороги, сел. В телеге оказался Галущенко. Нога выше колена у него туго перетянута ремешком от планшета. На сапоге и бриджах сгустки крови.

— Что с тобой?

— Снаряд прошел через сиденье, зацепил ногу — навывлет...

Опираясь нам с кучером на плечи, Галущенко кое-как доскакал до моего самолета, втиснулся в заднюю кабину. Возвращались в темноте. Приземлились на площадку около лазарета. Молодец водитель санитарной машины — догадался подсветить нам фарами.

Ранение было тяжелым. Малокалиберный снаряд «эрликона» пробил мышцы левой ноги выше колена и, не взорвавшись, вылетел через колпак фонаря. Хирург осмотрел раненого. Кость цела, но из раны нужно было извлечь куски фанеры и обрывки стальных тросов управления.

- Наркоз...
- Лучше спиртику...
- Дайте!
- Маловато, доктор...
- Долейте полный!

Во время операции Галущенко шутил:

— Хорошенько штопайте, сестрички, чтоб девчата не разлюбили.

— Да и так уж стараемся...

...На другой день (это было 26 марта) командир объявил:

— Отправляемся на переформирование.

Так закончился наш третий «тур». Теперь предстояло готовиться к четвертому.

«НЕЧИСТЬ»

Нам пришлось снова лететь на Волгу — за самолетами и пополнением летчиков. Перелет полка обошелся без происшествий. В головной эскадрилье рядом с командиром полка на этот раз летел Коля Смuryгов. Рука у него зажала, и его назначили на должность начальника воздушно-стрелковой службы полка. Смuryгов ходил сияющий.

Нам торжественно вручили новые знаки различия — погоны со звездочками и гвардейские значки. Попрощались мы со своим Эн-Ша — Федором Васильевичем Кожуховским. Здоровье у него подкачало, и он получил перевод в тыловую часть.

А нам после передышки — снова на фронт!

Приземлились мы неподалеку от разбитой немцами кубанской станицы Тимашевской. В полку у нас уже были двухместные штурмовики. В задней кабине лицом к хвосту теперь сидел второй член экипажа — воздушный стрелок. Его задача — отражать нападение «мессершмиттов» с задней полусферы — излюбленного направления атак вражеских истребителей. Стрелков готовили на краткосрочных курсах из числа оружейников, техников и даже пехотных пулеметчиков. Никто из них до этого не имел летной подготовки и не знал сложных правил стрельбы по воздушным целям. В Тимашевской мы распевали новую песню.

Слова придумали сами, а мелодия была из кинофильма «Юность Максима»:

*Крутится-вертится ИЛ над горой,
Крутится-вертится летчик-герой,
В задней кабине сидит паренек,
Должность у парня — воздушный стрелок...*

Паренек — это для рифмы. Были у нас такие стрелки, которые многим летчикам в отцы годились. А среди стрелков была бойкая девушка Саша Чуприна, стриженная под мальчишку: тоже мне паренек!

Хоть огонь одной пушки не сравнить с мощью четырех «эрликонов», наши потери от вражеских истребителей резко сократились: фашистские пилоты теперь шли на сближение с опаской, постреливали чаще издалека. Но из-за того, что задняя кабина была защищена броней несравненно слабее, чем у летчика, самолеты стали нередко возвращаться с задания с ранеными, а то и с убитыми стрелками, поэтому сохранившиеся в полку одноместные штурмовики были нарасхват: «Пусть лучше самого убьют, чем привозить мертвого друга...»

Леня Букреев одним из первых начал осваивать полеты с воздушными стрелками. Поначалу он потерял двоих — Мишу Бубакина и Леонида Болдина. А вот с Васильевым он совершил уже 45 боевых вылетов. Как говорится, слетались.

...Как-то воздушные стрелки ввалились ватагой в столовую к ужину и привели с собой приبلудную собаку. Она была худущая, клочья рыжей шерсти в репьях, хвост повис как плеть. Собака была истощена, однако от стола к столу за подачками бегать не стала. Кто-то высоко подбросил кусок хлеба: «Лови!», но рыжая гостья лишь укоризненно взглянула на шутника. Она легла под столом у ног воздушного стрелка сер-

жанта Николая Наумова, который первым ее приласкал, — не хотела, как видно, привлекать внимания нашей многочисленной братии.

Наумову было лет под тридцать. В свободное от полетов время он любил бродить около аэродрома и собирать ромашки. Глянешь, бывало, на этого человека и невольно подумаешь: «Зачем его послали на войну, где могут убить?» Усевшись за стол, Наумов начал кормить собаку. К нашему удивлению, та не хватала пищу из рук, а терпеливо выжидала, пока косточка или порция каши окажется на фанерке, которую Наумов специально принес в столовую.

Костя Аверьянов, не спускающий глаз с рыжей, начал рассказывать, какими умными бывают дворняги, когда появился завстоловой — упитанный старшина-сверхсрочник в засаленном поварском халате. Вид у старшины в тот вечер был действительно грозный: рукава до локтей закатаны, волосатые руки на показ, словно он приготовился к кулачному бою. Похоже, что он свиную тушу рубил, да вдруг оторвался от этой работы по неотложным делам. А какие у него сейчас могут быть дела в столовой? Жалоб на питание сегодня никто не высказывал, добавки тоже не требовал. Мухи, за которыми он большой любитель охотиться, об оконные стекла не бьются: сидят себе мирно на потолке — у них уже «отбой».

Старшина не спеша прошелся по столовой, остановился около воздушных стрелков, обвел всех взглядом. Посмотрел под стол, выпрямился и протрубил:

— А нечисть придется отсюда убрать!

Шум в столовой утих. Наумов склонился над алюминиевой тарелкой и перестал шевелить вилкой. Саша Чуприна, сидевшая с ним рядом, передвинула

стакан с ромашками, с укоризной взглянула на Наумова, тряхнула головой, отбрасывая со лба светлую челку. Зато, словно беркут, встрепенулся и смерил взглядом старшину воздушный стрелок сержант Васильев. У него большая плешина на крупной голове и розовый шрам от скулы до уха. Стрелки величали Васильева Батей¹.

— Какую такую нечисть? — строго спросил он. Старшина молчал. Будто не слышал.

С Васильевым шутки плохи — человек он крутой. В пехоте слыл отчаянным пулеметчиком, успел побывать и в штрафбате. Но было нам известно, что туда он попал не за робость перед противником, а за излишнюю смелость перед начальством после приема внутрь горячительного. В свою часть он вернулся со шрамом через всю щеку да еще с медалью на груди, а когда объявили набор на курсы воздушных стрелков, вызвался первым.

— Раз Родина в воздух зовет — значит, хватит ползать на брюхе!

Теперь Васильев был у нас самым обстрелянным и зорким стрелком: уже «завалил» двух «мессершмиттов».

— Так какую же это нечисть, спрашиваю? — грозно повторил он.

— Да ту, что у вас под столом скрывается...

Собака перестала глотать кость, будто догадалась, что разговор о ней. Глаза у Васильева засверкали сталью, шрам на щеке побагровел.

— С каких это пор собаку стали нечистью звать?

¹ «Батя» — популярное в русском языке прозвище, имеющее весьма уважительный и «теплый» оттенок и обозначающее в украинском языке просто «отец».

— Так с нее же шерсть лезет... В блюдо кому попадет, — от вас же жалоба поступит...

— Следи-ка лучше, старшина, за своей шерстью! — Васильев стрельнул глазами на его волосатые руки, и в столовой наступила такая тишина, как перед ударом первого грома с черной тучи. Все знали: если Васильев уже принял полагавшуюся ему за боевые вылеты дозу да еще и доппаек Саши Чуприной, то от него мирного исхода не жди! Тогда с места вскочил Костя Аверьянов — подтянутый и легкий, словно его кости были, как у птицы, наполнены воздухом. Младший лейтенант вмиг оказался рядом со старшиной.

— За эту собаку мы всем полком отвечаем, — сказал он. — Откормим ее — перестанет линять. На довольствие к тебе ставить не будем, за волосинку в блюде жалоб не поступит. Договорились, старшина?

— А когда до дела дойдет...

— Не дойдет, — Аверьянов не дал договорить и примирительно хлопнул старшину по круглому плечу.

Так наша рыжая гостья осталась в столовой, а после ужина пошла с воздушными стрелками на ночлег в их общежитие.

Впервые я встретился с Аверьяновым месяца два назад на аэродроме у Невинномысска — и фактически «украл» его. Я прилетел туда с фронтового аэродрома за самолетом и заметил бесцельно слонявшегося около столовой летчика в темно-синем сплюсненном картузике. Лицо бледное, щеки впалые, тонкий нос с горбинкой. Вид замученный, но все же он чем-то и «ястреб».

— Из какой части? — спросил я его.

— А собственно, не из какой...

— Как понимать?

— Я перегонщик...

Тогда уже была категория летчиков, которые занимались только перегонкой самолетов с тыловых аэродромов на фронт. Многие из перегонщиков очень хотели попасть в действующие части, но их не отпускали. Были случаи и самовольного бегства на фронт, тогда начинались розыски — не в тылу, а в действующих частях. Сбежавших перегонщиков причисляли к дезертирам.

В Невинномысске я подумал об Аверьянове: «Хороший из него боевой летчик получится, и зачем такого маринуют в перегонщиках?»

— Идем перекусим, — предложил ему.

— Я без продаттестата остался... Два дня здесь сижу, — горючим не заправляют, долететь до места никак не могу.

— Почему не заправляют?

— Говорят, только для фронтовиков.

— Айда в столовую!

Один обед ели вдвоем. Спросил его:

— В 7-й гвардейский хочешь?

— Еще бы!

— Так полетим парой: я на своем, ты на своем.

— А в дезертиры не попаду?

— Не попадешь. На месте приказом оформим.

Так и Костя Аверьянов прилетел в полк, и воевал отлично...

С того самого дня стрелки стали неразлучны с собакой. Она бывала с ними и в общежитии, и в столовой, и на аэродроме. Прошло немного времени, наша дворняга преобразилась: шерсть стала лосниться шелковыми переливами, впалые бока округлились, хвост закрутился бубликом, уши — торчком, а коричневые глаза начали «смеяться». Появление в полку

рыжей собаки скрасило наши однообразные фронтовые будни с их опасностями, подвигами и неизбежной гибелью боевых друзей. Командование полка не было против не предусмотренного никакими уставами «атрибута» и времяпрепровождение подчиненных в свободный час с четвероногим другом не считало нелепой причудой. Собака стала всеобщей любимицей, но преданна была лишь одному человеку. В столовой она всегда лежала около ног Наумова, в общежитии спала под его нарами, на аэродроме неотступно следовала за ним по пятам. Тот ее не баловал, ласки не расточал, однако сам заметно повеселел. Теперь он каждый раз приходил к ужину с букетом поздних ромашек, ставил его в стакан перед Сашей Чуприной.

— Прими от нас, доченька, — сказал он как-то.

— Тоже мне папаша нашелся, — ответила тогда Саша.

...Рыжая быстро усвоила наши аэродромные порядки: на полосе приземления, где никому находиться не полагалось, она не появлялась; вдогонку за выруливавшим на старт самолетом Наумова не пускалась и под вращающийся винт штурмовика не лезла. Зато свой экипаж она каждый раз провожала в боевой полет и встречала не так, как мы. Вместе с Наумовым и летчиком Паповым она шла от командного пункта к их самолету. Пока летчик со стрелком надевали парашюты, Рыжая усаживалась поблизости на задние лапы и, задрав острую морду, призывно лаяла. После взлета она продолжала сидеть на прежнем месте: терпеливо ожидала возвращения «своего» самолета. Когда же по аэродрому рулил возвратившийся самолет, собака преображалась: носилась по кругу, закладывая крутые «виражи», делала невероятные прыжки и кульбиты, радостно взвизгивала.

Увидев такое впервые, многие удивлялись:

— Мы отличаем самолеты по бортовым номерам, а как она-то «свой» угадывает?

— Если вблизи — так нюхом, а издали — предчувствием, — пояснил Васильев.

— Какое у собаки предчувствие?

— Я тебе не доктор... А до войны однажды сам убедился: мы спокойно спим, а собака воет. «Сбесилась, — думаю, — что ли?» А вскоре после этого как потрянет! Кровать — ходуном по комнате, ошметок штукатурки с потолка мне по лысине. Землетрясение... Вот какое предчувствие!

Вскоре и мы убедились, что собака действительно умела издали отличать самолет Наумова от других. Тогда она приходила в восторг, встречая хозяина. Около самолета Рыжая становилась на задние лапы, передними упиралась Наумову в грудь, норовила лизнуть в щеку. Только в этих случаях стрелок легонько гладил ее по голове и отстранял.

...Шли дни, недели, один месяц сменялся другим. Запахло осенней прелью. По утрам на землю ложились густые туманы, наши сапоги блестели от обильной росы. На исходе был сорок третий — год наших больших побед под Сталинградом и Курском. Войска Северо-Кавказского фронта тоже продвинулись от Орджоникидзе на 500 километров, но еще весной темп наступления резко снизился. Три наши общевойсковые армии подошли к мощному оборонительному рубежу немцев — «голубой линии», — который преграждал путь к Керченскому проливу и в Крым. Один фланг этого стокилометрового рубежа находился у плавней Азовского моря, второй — у Новороссийска. Наши многократные попытки прорвать обо-

рону успеха не имели, и наступление на Таманском полуострове задержалось надолго.

Зато тогда на Кубани наша авиация впервые за войну выиграла воздушное сражение и завоевала господство в воздухе. Два месяца подряд с рассвета до темноты на всех высотах наши истребители дрались с вражескими самолетами. Потери понесли даже отборные эскадры фашистских истребителей «удет», «мельдерс», «зеленое сердце», переброшенные на этот участок фронта. Не выстояли фашистские асы перед нашими! Братья Дмитрий и Борис Глинки, Александр Покрышкин, Вадим Фадеев (знаменитая «борода»), Николай Наумчик и десятки других летчиков отличились в этих боях, уничтожая вражескую авиацию и в воздухе, и на аэродромах. Теперь перевес сил в воздухе был на нашей стороне. В Крыму и на Таманском полуострове у противника оставалось 300 самолетов, а в нашей 4-й воздушной армии их было в два раза больше, да еще в ВВС Черноморского флота 450 машин! Теперь — только на запад!

...В тот день мы штурмовали быстроходные десантные баржи в Керченском проливе. Папов очень метко отбомбился, и баржа противника сразу же пошла ко дну. Много фрицев барахтались вдали от берегов. Саша Чуприна, летавшая с покорным ей Колей Масаловым, подожгла первого «мессершмитта», и открыла личный боевой счет. Она стояла в комбинезоне, как медвежонок, а летчики и стрелки поочередно трясли ее маленькую руку.

Нам опять предстояло куда-то лететь, поэтому обед привезли на аэродром. В руках уже были миски с бортом, как вдруг Рыжая, кормившая своих малышей (двух родившихся щенят, которых мы назвали Болтиком и Дутиком, дутиком именовалось малень-

кое резиновое колесико под хвостом самолета), вско-чила, наострила уши на запад и тревожно залаяла. У нее даже шерсть на загривке вздыбилась. Вслед за ней затаивались путавшиеся у ее ног щенки. Мы тоже повернули головы на запад, но не обнаружили ничего такого, что могло бы всполошить дворнягу.

Вскоре, однако, мы услышали отдаленный шум мотора с каким-то особенным присвистом, а потом заметили идущий к аэродрому на малой высоте истребитель: посадочные закрылки отклонены вниз, шасси выпущены — колеса под фюзеляжем торчали как-то странно — слишком разъехали в стороны.

— Ребята, фриц блуданул! — послышался ликующий выкрик.

— Не разглядел бы только штурмовиков...

— А если к нам по ошибке плюхнется — вот потеха будет!

Мы еще не успели прийти в себя от неожиданности, а в это время оглушительно захлопали наши зенитки, затрещали счетверенные пулеметы, над головами затенькали пули. Били по низко летящему самолету с другого конца аэродрома.

— Ложись! — последовала команда, и все повалились как подкошенные.

Зенитки продолжали молотить, около нас шлепались осколки, а «мессершмитт» продолжал планировать. В душе мы ругали зенитчиков: ведь прогоняют заблудившегося летчика! Истребитель уже выровнялся у самой земли — вот-вот произойдет касание колесами, но впереди кабины брызнул снап трассирующих пуль. Летчик на это мгновенно среагировал: дал резко газ, истребитель на форсаже с дымным следом круто полез вверх. Шасси спрятались в крылья, разворот — курс на запад.

— Спугнули, олухи! — крикнул Васильев, но «мессершмитт» в это время опустил нос, пошел к земле, скрылся за стоянками штурмовиков. Там поднялась пыль.

— Сел! Сел!

Все забыли о мисках с борщом, бросились к месту приземления. Каждому хотелось быть там первым, но впереди оказался наш оперуполномоченный Смерша¹ капитан Тарасов. Хоть и был он тучноват, но бежал так резво, что за ним не поспевал легкий Костя Аверьянов. В правой руке у Тарасова был пистолет. Мы тоже опомнились, каждый потянулся к кобуре — ведь сейчас придется фашиста с боем брать...

«Мессершмитт» с черными крестами лежал на брюхе. На его крыле стоял с поднятыми руками светловолосый крепыш в голубой майке. В одной руке у него пистолет — держит его за ствол рукояткой вверх, — в другой шлем с планшетом. Подоспевший первым Тарасов ловко выхватил у фашистского летчика пистолет, провел ладонями по туловищу до колен, взял какие-то документы. А широколицый блондин улыбался и повторял чужое, но вроде бы и похожее на наше русское слово.

Сержант Васильев после быстрого бега часто дышал и с близкого расстояния пристально смотрел на своего заклятого врага. А враг этот на вид симпатичный, фигурой и лицом вышел поскладнее самого Васильева, приятно улыбается. «Посмотреть бы на тебя в тот момент, когда ты целился по нашему самолету, — подумал Васильев. — Какое у тебя тогда было

¹ Сокращение от «смерть шпионам» — служба, занимающаяся борьбой с вражескими шпионами и диверсантами.

выражение лица? Не одного, конечно, завалил, а теперь прикидываешься овечкой».

— Что это он про судороги лопочет? — спросил Васильев стоявшего рядом Наумова. — Или от страха руки-ноги сводит?

— Не судороги, а судруги... Это по-чешски значит — друзья.

— Их всех подряд надо на гребешке давить. Я бы его сейчас кутними зубами раскусил и выплюнул. Друг нашелся...

— Был врагом, а теперь, может, осознал.

К летчику подошел командир полка, разрешил опустить руки. Тот протянул ему шлем с очками — в подарок. Шлем не кожаный, как у нас, а плетенный частой сеточкой, чтобы шевелюра не выпадала. Очки со светофильтром: в них, даже если против солнца лететь — не ослепляет, таких у нас тоже не водится. «Вот заразы, как все предусмотрели», — подумал Васильев. А летчик уже представляется нашему командиру:

— Саша Герич, Саша Герич, — и зачем-то показывает рукой на фюзеляж с черным крестом. Открыл он люк — оттуда показалась голова. Герич помог выбраться тощему и нескладному человеку в темном комбинезоне. Тот дрожал как в лихорадке.

— Если бы этот увидел, как наши зенитчики им «салютовали», душа бы сразу из него вон, — так оценил Васильев второго противника.

А Саша Герич в это время ходил вокруг самолета, сокрушенно разводил руками: извинялся перед командиром, что не удалось ему передать целый самолет — пришлось из-за зенитчиков на фюзеляж посадить, винт покорезил.

Гурьбой мы двинулись на командный пункт продолжать прерванный обед. Геричу и его другу-радисту налили по миске остывшего борща. Те с аппетитом уплетали за обе щеки, похваливали. Наблюдая за ними, Васильев почувствовал, что от прежней злости, которая у него комом стояла под кадыком, уже не осталось следа — будто с борщом ее проглотил.

Наш оперуполномоченный исчез — верно, пошел звонить старшему начальнику. Мы время не теряли, расспрашивали Герича, тот охотно отвечал. И все было понятно без переводчика.

— Когда надумал к нам перелететь?

— Давно, да не удавалось. Немцы одних чехов в полет пускать перестали, немецкого напарника дают.

— А как ты Яна в фюзеляж упрятал?

— Он еще с вечера туда залез. А я сегодня полетел к Новороссийску сопровождать разведчика. Высоко летели, боялся, что Ян замерзнет совсем.

— А немец-напарник с тобой летел?

— Летел! Но я хитро спикуював, — Герич крутнул ладонью, показал отвесное пикирование.

— Понятно, понятно! — все мы одобрительно кивали головами и смеялись. Тощему Яну во время резкого снижения заложило уши. Он хоть ничего и не слышал, но тоже смеялся со всеми.

У Васильева был наготове вопрос Геричу — сколько тот сбил наших самолетов, но спросить не успел. Подкатил черный трофейный «хорьх», Тарасов пригласил туда «гостей».

...Вслед за Геричем с Анапского аэродрома на нашу сторону перелетели на «мессершмиттах» летчики Матушек и Добровольский. Все они потом воевали в чехословацком корпусе генерала Свободы.

В тот же день к вечеру у нас приземлились два самолета У-2: прилетели наши дорогие друзья из истребительного полка, которые постоянно сопровождали нас в полетах от самого Грозного. Заявилась очень представительная делегация: Герой Советского Союза Василий Федоренко и Владимир Истрашкин во главе со своим боевым комиссаром-летчиком Александром Матвеевичем Журавлевым. Мы гостям обрадовались.

— Заночуете у нас? Отужинаете?

— Мы по срочному делу.

— Взаимодействие организовывать?

— Сколько же его можно организовывать? Так уж слетались, что по голосам друг друга в воздухе узнаем и «по походке», — смеется Журавлев. — Вы нам «мессера» покажите, хотим его потрогать руками.

— Милости просим, — пригласил командир. Недолго ходили летчики вокруг самолета — видели они «мессеров» не раз, — и вскоре вернулись.

— Мы думали, целенький, чтобы на нем подлетнуть, — говорит Журавлев, а сам глаз не сводит с Дутика и Болтика, которые в это время затеяли игру. И тут он открылся:

— Бьем вам челом от всего полка: подарите одного щенка! Не будем кривить душой, за этим и прилетели...

От такой неожиданности мы вначале опешили. За всех ответил Наумов:

— Дутика, что с белыми лапками, мы поделить не смогли. Его и берите. Пусть он будет истребителем.

— Низко кланяемся, — поблагодарили истребители, забрали щенка в самолет и улетели.

Мы им долго смотрели вслед. Первым нарушил молчание Костя Аверьянов.

— Ну что ж, а Болтик будет настоящим штурмовиком. Вот увидите!

С того самого дня Аверьянов часто уходил с Болтиком на стоянку. Он закрывал фонарь и подолгу сидел в кабине своего штурмовика с бортовым номером «13». Полагали, что летчик увлекся слепым тренажером — приучается с закрытыми глазами на ощупь отыскивать нужные краны, переключатели, рычаги: это занятие очень полезное. Но мало кто знал, что вместе с Аверьяновым в кабине все время находился и его Болтик. Летчик приучал щенка лежать на определенном месте, только слева от сиденья. Вот и привыкал Болтик к кабине штурмовика, к незнакомым запахам лака, бензина, а позже — и к оглушительному гулу мотора во время пробы на земле.

...Шесть «илов» полетели штурмовать опорный пункт Горно-Веселый. В боевой расчет вошел экипаж Бориса Папова. Рыжуха после «проводов», как всегда, сидела у опустевшего капонира. Прошло пятьдесят минут — на горизонте показались еле заметные точки. Мы насчитали их пять, где же шестой? А с Рыжухой уже творилось что-то неладное: она начала метаться из стороны в сторону, обнюхивала траву, скулила, подвывала.

— Крота, наверное, учуяла... — успокаивал Васильев.

Когда пять штурмовиков начали один за другим приземляться, показался и шестой. Летел он на пониженной скорости, неуклюже заваливался то на одно, то на другое крыло. Значит, самолет поврежден. Шел он на посадку с прямой, поперек старта. Это был самолет Папова. Ствол пулемета воздушного стрелка был высоко поднят кверху, а головы Наумова совсем не было видно — глубоко осел.

Продырявленный в нескольких местах штурмовик еще рулил на стоянку, а Рыжуха начала странно припадать к земле и протяжно скулить.

Мотор выключен. Летчик не спрыгнул с крыла, а вяло сполз. Из кабины стрелка вытащили неподвижного Наумова, на носилках погрузили в «санитарку». Машина с красными крестами покатила в лазарет. Следом за ней в пыли бежала Рыжуха, вынюхивая след.

К вечеру того дня, когда с полка сняли боевую готовность, мы хоронили Николая Наумова. За гробом шли летчики, техники, воздушные стрелки. Вместе со всеми уныло брела Рыжуха. Произнесли краткие речи. Сержант Васильев сказал:

— Клянемся тебе, мы уничтожим фашистскую нечисть в ее берлоге!

Трижды сухо треснули винтовочные выстрелы. Вырос могильный холмик с красной пирамидкой и жестяной звездочкой наверху.

За ужином было тихо. Опустело место рядом с Сашей Чуприной. Под столом остался кусок фанеры, но Рыжухи не было. Один Болтик терся у наших ног и заигрывал с черной кошкой. Завстоловой прошелся у окон. Там жужжала и билась муха. Он зло стеганул салфеткой по стеклу, проворчал: «Нечисть какая...»

Рыжухи в эту ночь не оказалось и в общежитии. Несколько дней искали ее повсюду — так и не нашли. Прошло недели две, нам нужно было перебазироваться дальше, на запад. Васильев с Сашей Чуприной пошли на кладбище. На могиле они увидели мертвую Рыжуху...

Загудели моторы, штурмовики пошли на взлет. На самолете №13 вместе с Аверьяновым летел Болтик. Он лежал на отведенном ему месте, наострив уши

вперед — к мотору. Боевое крещение Болтик получил на полевом аэродроме у хутора Трактового. Тогда он слетал с Аверьяновым через Керченский пролив в Крым штурмовать противника у горы Митридат и потом не раз еще летал. Сколько всего боевых вылетов было на счету у Болтика, никто, кроме Аверьянова, не знал, но нам часто приходилось видеть, как после приземления из кабины штурмовика №13 первым прыгал из кабины на крыло, а с крыла на землю черный песик с белыми лапками. Он мчался к ближайшему пеньку или кусту и, постояв там бочком, стремглав возвращался к своему командиру экипажа.

Многие считали, что полеты с собакой — это блажь летчика, но Аверьянов нас убеждал, что Болтик сигнализирует об опасности, которую летчик сам еще не замечает.

— Если тычется мордой в ногу — значит, надо маневрировать: где-то есть разрывы зениток, которых я не вижу, а может быть, и «мессер» подкрадывается сзади.

Вездесущие корреспонденты осаждали Аверьянова:

— А нет ли в этом суеверия, что с собакой летаете?

— Разное болтают, а я на все это плевал с бреющего полета!..

Герой Советского Союза Константин Аверьянов после войны служил за пределами Родины. За ним по пятам ходил уже «списанный» с летной работы Болтик. На войсковых учениях Аверьянов в паре с летчиком Быковым на штурмовиках Ил-10 имитировал воздушный бой истребителей. Тогда он и погиб от нелепой случайности... Хоронили отважного летчика с воинскими почестями на кладбище в Бунцлау, где погребено сердце

Кутузова¹. Болтик шел с траурной процессией, как когда-то его мать Рыжуха за гробом Наумова. Потом у собаки был другой хозяин...

Я запомнил, как демобилизовался старшина Васильев.

— Теперь снова за топор и пилу, сосновым воздухом Карелии дышать! — храбрился он, а на торжественном ужине сказал нам:

— Вы помните клятву на могиле Наумова? Мы уничтожили фашистскую нечисть в ее берлоге!.. Так пусть же Коле Наумову, и Боре Папову, и Саше Чуприной... и всем погибшим земля пухом будет... — Васильев хотел еще что-то сказать, но вдруг затянул любимую песню:

Крутится-вертится Ил над горой...

И не допел: по щеке через багровый шрам поползли слезы...

¹ Российский фельдмаршал, прославившийся в Наполеоновских войнах.

ПУТЬ К ТАМАНИ

Наши войска продолжали прогрызать «голубую линию». Каждый раз перед атакой пехоты и танков — по часу, а то и больше — непрерывно громыхала наша артиллерия, в это же время в небе волна за волной шли бомбардировщики и штурмовики. Время прихода каждой группы самолетов на свою цель указывалось заранее. Если прилетишь в район цели раньше — там еще кто-то «работает», а опоздаешь — то очередной эшелон будет наступать тебе на пятки. Во время артиллерийской и авиационной подготовки атаки в воздухе было тесно. Для того чтобы успеть пропустить через цели больше самолетов, мы начали летать крупными группами.

После очередной перегруппировки войск вновь подготовлено наступление. На этот раз мы должны штурмовать хутор Горно-Веселый, превращенный немцами в сильный опорный пункт. Там уже не уцелело ни одного дома, но фашисты засели в подвалах, глубоко зарылись в землю, тщательно укрыли и замаскировали огневые средства. Даже после длительного артиллерийского обстрела немцы каждый раз встречали нашу пехоту огнем.

Я повел на «голубую линию» не один свой полк: позади, построившись пятерками, летели в общей пятнадцатикилометровой колонне еще два полка нашей

дивизии. Их я собирал, пролетая над другими аэродромами. Впереди, недалеко от Краснодара, я вижу исходный пункт маршрута — крутой изгиб русла Кубани. Над этим приметным ориентиром мой головной самолет должен пройти никак не раньше расчетного времени. Опоздание можно наверстать на маршруте увеличением скорости, но, если этот ориентир пройдешь раньше, будет беда. Тогда скорость нужно снижать, задние группы начнут наползать на передние, строй нарушится и вылет фактически будет сорван. Я все время поглядываю то на приближающийся ориентир, то на стрелку часов. Наконец, изгиб Кубани скрылся под крылом, проход по времени точен — и я облегченно вздохнул...

Полет протекает спокойно. Пять, десять, пятнадцать минут... Слева навстречу медленно плывут лесистые предгорья Кавказского хребта, внизу — железная дорога, а впереди показались голые холмы. Там проходит передний край обороны. Уже можно различить развалины Горно-Веселого. Последний взгляд на часы — наша атака будет вовремя. Вдруг в наушниках тревожно запищало — меня вызывает воздушный стрелок Женя Терещенко. Как он не вовремя: я жду команду наземной радиостанции наведения, а приемник приходится переключить на внутреннюю связь.

— Что случилось?

— Выше нас бомберы идут...

Глянул вверх — точно, над головой висят три девятки наших бомбардировщиков с открытыми бомболюками, медленно обгоняют нас. По графику они должны отработать по Горно-Веселому до нас. Не лезть же под их бомбы... Делаю левый разворот, и всем команда:

— За мной, на цель не идти!

Мы сделали круг над своими войсками и только потом перешли в пикирование над местом, где к тому времени отбомбились наши бомбардировщики. Мы тоже сбросили бомбы, сделали повторную атаку на штурмовку цели огнем. Слышу команду наземной радиации: «Еще заход, еще заход!» Командир дивизии не хочет отпускать нас от цели, чтобы мы подольше потюжили противника. Полковник Гетьман почти все время теперь находится в войсках на передовой, управляет действиями штурмовиков с земли.

Продолжаем кружить: пятерка за пятеркой в гигантской карусели прочесывает огнем опорный пункт. Сверху кажется, что там не осталось ничего живого. А наши танки уже выползают из укрытий, вслед за ними делают перебежки цепочки солдат. Они должны овладеть этими дымящимися руинами на холме.

На следующее утро начальник штаба Гудименко сообщил об изменениях линии фронта. Там, где на карте была надпись «Горно-Веселый», летчики нанесли небольшую вмятину в обороне противника.

22 июля 1943 года был вновь организован массированный налет штурмовиков на «голубую линию». Группу, состоящую из около сотни самолетов, возглавил один из лучших летчиков воздушной армии, командир братского 210-го штурмового полка нашей авиадивизии подполковник Николай Антонович Зуб. До прихода Зуба этот полк за один месяц боевых действий в Донбассе понес большие потери и стал небоеспособным. Заново сформированный и обученный новым командиром, он успешно действовал на Северном Кавказе, затем на Таманском полуострове и был в дивизии на очень хорошем счету. Известен он был и как автор практических наставлений по боевым действиям штурмовой авиации и многих тактических

разработок, в том числе и действия штурмовиков не звеньями из трех самолетов, а строем пар.

Точно в назначенное время, перед атакой пехоты и танков, колонна самолетов подходила к опорному пункту противника в районе Киевской. Штурмовики летели под нижней кромкой сплошных облаков на высоте 600 метров. Завидев в воздухе огромную колонну самолетов, пехотинцы начали бросать вверх пилотки. Цель была близко, но противник почему-то зенитного огня не открывал. Зуб прекрасно понимал, что немецкие зенитчики заранее сделали пристрелку по нижней кромке облаков. Он начал делать плавные отвороты в стороны, меняя курс. Но противозенитный маневр на этот раз был явно не зубовский: не размашистый, а какой-то осторожный. Наверное, потому, что ведущий в этот полет взял под свое крылышко малообстрелянных летчиков, которых всегда берег и опекал. Он опасался резким маневром расстроить боевой порядок перед атакой. Зенитки противника молчали. Нет ничего хуже этого неведения: поскорее бы увидеть первые разрывы, чтобы знать, куда отвернуть самолет...

Головная пятерка уже начала входить в пикирование, и тогда несколько зенитных батарей одновременно дали первый залп: черные разрывы мгновенно усеяли небо. Самый передний самолет и летевший с ним справа вздрогнули, их носы опускались все круче и круче, с дымным следом машины пошли вниз. И так — до самой земли...

Это был черный день для нашей 230-й Кубанской штурмовой дивизии: в 210-м полку не стало командира, знаменитого летчика 4-й воздушной армии Николая Антоновича Зуба.

...Распахнулась как-то дверь блиндажа — на пороге показалась коренастая фигура.

— Привет гвардии! — были первые слова Галущенко. Я бросился навстречу, и Николай по-медвежьи сграбастал меня так, что хрустнули ребра.

На полевых погонах у него теперь не одна, а две большие звездочки — подполковник, у меня четыре маленьких — капитан.

— С тебя причитается, — сказал я ему.

— Кто бы против... Еще и расставание отметим.

— Какое расставание?

— Назначили командиром 210-го! Тебя вместо меня штурманом полка утвердят, — сказал он мне — Как видишь, с тебя тоже причитается!

Почти полгода не было в полку Галущенко. Лишь однажды за это время мне пришлось проведать его в Ессентуках, где он с другими ранеными летчиками находился в госпитале. Питание было скудное, поэтому раны заживали медленно. Тогда я возил им на У-2 полковую посылку — мешок кубанского сала и ящик яиц.

— Как бы подлетнуть? — спросил Галущенко на следующий же день после своего появления в полку. — Свободный самолет есть?

— Есть один. Готовят к облету: летчик жалуется на мотор, а техники неисправностей не находят.

— Пойду попрошу командира, чтобы мне разрешил.

И вот штурмовик взлетел. Галущенко сделал несколько кругов над аэродромом, потом круто спикировал, разогнал скорость — и вверх... Потом начал выделять всевозможные кренделя, да так, что белые струи рассекаемого воздуха срывались с концов крыльев. Не только наши летчики выбежали посмот-

реть на виртуозный полет, но и соседи-истребители запрокинули головы.

— Это что, модернизированный «ил»? — спросили они.

— Нет, летчик у нас есть такой...

— Кто?

— Сержант Галущенко, — пошутил кто-то. Эту шутку истребители приняли всерьез и начали высказывать нам упреки:

— Так что же вы, «горбатые», при нападении «месеров» блинчики в воздухе размазываете, а не крутитесь так, как этот сержант?

С тех пор Николая Кирилловича в шутку звали сержантом. Приземлился он тогда после облета, вылез на крыло. Техник спросил:

— Товарищ подполковник, какие замечания по работе мотора?

Галущенко ничего не ответил. Обхватил руками козырек кабины и троекратно поцеловал «ильюшу» в бронестекло.

...«Голубую линию» ударами в лоб нашим войскам прорвать не удалось. 9 сентября после полуночи 800 наших орудий обрушили огонь по Новороссийскому порту, а с моря в Цемесскую бухту в это время ворвались наши торпедные катера. У молов ахнули взрывы страшной силы, и к берегу устремились отряды десантных кораблей. С суши, со стороны цементного завода «Октябрь», перешли в наступление части 18-й армии генерала Леселидзе... Семь дней штурма — и 16 сентября вечером мы слушали салют Москвы в честь освобождения Новороссийска. Вслед за этим мощный удар в центре «голубой линии» нанесла 56-я армия генерала Гречко, а 9-я армия, та самая, которая оборонялась на Тереке, двинула свои войска

вдоль побережья Азовского моря. «Голубая линия» рухнула!

Красные дужки на наших картах поползли в глубь Таманского полуострова. 27 сентября одна из них обогнула с запада Темрюк, откуда полгода назад не вернулся Миша Талыков. 9 октября Москва вновь салютовала войскам Северо-Кавказского фронта. Таманский полуостров был очищен от немцев. Теперь впереди были Крым и Керченский пролив шириною до двадцати километров...

Меня вызвал командир дивизии.

— Командующий фронтом генерал-полковник Петров хочет посмотреть на полигоне, как действуют ПТАБы. Туда уже стаскивают трофейные танки. Отправляйтесь-ка в полк к Галущенко. Ему даны указания выделить вам для тренировки самолет. У него и полигон удобный — рядом с аэродромом. Потренируйтесь там перед показом...

Речь шла о проверке эффективности противотанковых авиационных бомб кумулятивного действия, недавно поступивших на вооружение. Это были маленькие бомбочки, которые сбрасываются в большом количестве с малой высоты. Для того чтобы кумулятивным лучом прожечь броню танка, требуется лишь прямой удар. Какова вероятность попадания в такую цель, как танк, — представление у нас самих было смутное.

Вечером я уже был в Ахтанизовской у Галущенко. Пошел дождь.

— Где будем ужинать? — спросил он. — В столовой или дома?

— Надоело шлепать по грязище, лучше дома.

Адъютант Галущенко, летавший с ним за воздушного стрелка (чтобы не разбаловался!), появился с двумя котелками. Мы долго сидели за столом в эту ненастную ночь. Говорили, прислушивались. Обычно в это время женский полк Евдокии Бершанской летал на У-2 с соседней Пересыпи на Керчь, но в такую погоду тарахтения моторов не было слышно.

— Значит, нашим «совушкам» полеты «отбили», — сказал Николай.

Адъютант съездил в женский полк и привез двух летчиц, среди которых была девушка Галущенко. Гульнули мы здорово тогда, а проснулись рано. Дождь прекратился. Похмелье чувствуется, но лететь можно. Наскоро пьем чай. Я спрашиваю Галущенко:

— Коля, а самолет ты мне выделил?

— Выделил, выделил... На моем будешь летать. Еще вчера ПТАБы уложили, все готово.

Под окном уже стояла полуторка с цепями на скатах. Командир полка сел в кабину, я с его адъютантом — в кузов.

— Поехали!

Приземный туман приподнялся метров до 300 и повис сплошным тонким слоем. Прогреется на солнышке — поднимется выше. Но и сейчас летать можно: для сбрасывания ПТАБов большой высоты не требуется.

Мы подъехали к зачехленному штурмовику. Техник доложил командиру полка о готовности самолета. В бомбоотсеки было уложено 400 с чем-то штук противотанковых бомб.

— Быстро расчехлять! Я сейчас слетаю, — отдает распоряжение Галущенко.

— Этот для меня подготовили? — спросил я его.

— Этот, этот... — отмахнулся он. — Только первым слетаю я.

— А потом мне два часа ждать, пока снова бомбы уложат?

— Ну и подождешь... Некуда торопиться... Надевай парашют, чего стоишь?! — бросил он адъютанту.

Я возражать не мог — Галущенко был командиром полка. Он взлетел, пошел по кругу. На другом конце аэродрома под холмом выставлены кузова трофейных автомобилей — это полигон. Самолет начал на них пикировать, потом сразу из четырех отсеков посыпались сброшенные залпом бомбы. Донесся раскатистый взрыв, и я увидел, что все бомбы упали с перелетом. Галущенко резко выхватил самолет из пикирования, — видно, разозлился из-за промаха, — заложил крутой крен и пошел на повторную атаку. Сбросил вторую серию противотанковых бомб и опять промазал. Сверкнули трассы, но и разрывы снарядов легли не кучно, как должны при хорошей стрельбе, а пропахали длинную дорожку. Снова крутой подъем — и самолет, проткнув тонкий слой облачности, исчез. Он теперь там купается в солнечном свете, а мотор уже запел на все лады. Его звук то поднимается до самой высокой ноты, то вдруг смолкает, чтобы через несколько секунд снова зазвенеть. Догадываюсь: «Николай Кириллович отводит душу на недозволенных фигурах». Теперь ведь никто не видит самолета, об этом можно лишь догадываться.

Долго пилотировал Галущенко за облаками, потом звук оборвался, были слышны лишь редкие хлопки, как при планировании. И тут я увидел вынырнувший из облаков штурмовик, который широкими крыльями заканчивал отмах витка штопора. Вращение приостановлено, самолет начал выходить из крутого угла, выписывая кривую глиссаду. «Что это, новый трюк?» — мелькнула мысль, но тут же я понял, что для вывода самолета из угла не хватит высоты. Угол уменьшается

на глазах, но до земли остаются считанные метры, а самолет все еще целится носом в землю. Мгновение — потом треск, грохот, совсем недалеко от меня закуркались обломки самолета. Я подбежал первым и увидел часть правой ноги Галущенко, ягодицу. А у его адъютанта, воздушного стрелка, когда самолет переворачивало, оборвались ремни, и его вышвырнуло из задней кабины. Ему разорвало полость живота...

Гробы на полупортке повезли по слякотной дороге на офицерское кладбище в Темрюк. Туда, где погиб Михаил Талыков.

Рядом со мной у могилы стояла старушка. Она усердно крестилась. Я заговорил с ней.

— Бабуся, вы все время оставались в Темрюке?

— Все время, сыночек, все время...

— У вас в городе много наших самолетов падало?

— Один за все время упал, один.

— Когда это было, не припомните?

— Как не припомнить? На великомученицу Евдокию...

— Какого же это числа?

Старушка шепотом считала, загибая корявые пальцы:

— По новому стилю¹ выпадает на 14 марта.

— Где упал?

— За моей хатой. Так низко летел да качался, как раненая птица, — думала, за мою трубу зацепится. А он дальше, дальше, да во двор горсовета. Там фашистская комендатура стояла...

Старинное каменное здание рядом со сквером. Во дворе обвалившийся орудийный окоп. Дерево без верхушки, ствол, будто молнией расщепило.

¹ Имеется в виду смена календаря с юлианского на григорианский в 1918 году. Русская православная церковь продолжает, однако, отмечать церковные праздники «по старому стилю».

Собрались местные жители, наперебой рассказывают:

— Вот тут упал, плашмя... Выволокли его хрицы, мертвого, а он, словно живой, лежит. Молоденький, русы волосы выются...

— Заслуги¹ с него сняли, потом брезентовые сапоги, кожанку.

— Ой миленькие, а потом как начали его бить сапогами, мертвого-то...

— Ночью где-то закопали, а где — никто не знает.

— Самолет оттащили танком в овраг. А мы его в дело пустили: на крыльях жесь хорошая — кастрюль понаделали, а резина с баков — тапочки подшивать пригодилась, пообносились мы тут...

Шофер вел машину из Темрюка без фар. Гремели намотанные на скаты цепи, комки грязи шлепались в кузов. Над Ахтанизовской проплыли, будто связанные ниткой, два огонька: красный и зеленый. Миг, миг, миг... Это наши «совушки» летают, чтобы фрицам за Керченским проливом спокойно не спалось.

...Опять 210-й полк остался без командира. Туда назначили инспектора по технике пилотирования дивизии майора Кондраткова, а на его должность перевели меня с первым взысканием за то, что не отговорил Галущенко от незапланированного полета, и с восемнадцатой благодарностью — на этот раз от командующего фронтом Петрова за показательный полет с ПТАБами.

¹ То есть награды.

ИНСПЕКТОРСКАЯ РАБОТА

С этого времени я воевал уже в качестве инспектора по технике пилотирования в подчинении командования нашей авиадивизии. Смысл моей боевой работы был в том, чтобы контролировать, как действуют летчики дивизии над целью, определять недостатки. После возвращения групп я проводил разбор полетов, указывал, где были явные тактические ошибки, где удачи. Считалось, что должность инспектора-летчика предназначена для лучшего аса среди летчиков дивизии. Инспектор должен быть лучшим летчиком по технике пилотирования, по количеству «эффективных» боевых вылетов, то есть тех, которые закончились большими потерями для противника. Он всегда должен быть авторитетом. Бывало, что, еще не сделав должного количества боевых вылетов, летчик, например с 5-го боевого вылета, начал летать ведущим. Это огромная ответственность: по своим ударишь по ошибке, и все — трибунал, голова долой! Такая судьба была и у меня: про боевые действия я знал не понаслышке. К тому же я 7 лет до войны работал летчиком-инструктором: так что и летный опыт у меня был весьма большой. А тут я был постарше других на десяток лет, а возраст тоже значил много.

Должность инспектора-летчика по технике пилотирования очень ответственная. На нее ставили самого

авторитетного летчика дивизии, который должен был выручать своих летчиков из неприятных ситуаций, помогать им уцелеть в сложной обстановке. И еще нанести большой урон противнику...

Я вылетал с группами на боевые задания и обычно шел сзади или сбоку — слева или справа. В хвосте строя легче зайти в хвост к противнику, а если я буду в середине боевого порядка, то там возможности для маневра нет. В середине строя мне и посмотреть-то по сторонам трудно, там я буду смотреть на впереди идущего, чтобы не сомкнуться. А вот когда я иду сзади, у меня есть свобода маневра, я больше вижу. На ходу я подмечал недостатки и открытым текстом корректировал: «Куда пошел, правее, вот там цель!» Летчики меня побаивались: мол, инспектор по технике пилотирования летит, он все видит!

После прорыва «голубой линии», где дивизия понесла тяжелые потери (только мой полк потерял 20 летчиков и воздушных стрелков), она была пополнена и участвовала в прикрытии крымских десантов — на Керчь, на Эльтиген. Эти дни мне запомнились надолго... Штурмовикам часто приходилось летать без бомб. Вместо них подвешивали контейнеры с грузовыми парашютами: сбрасывали боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

Весенним днем апреля 1944 года ветер гнал с моря низкие облака, — с них лило без перерыва два дня подряд. Боевых вылетов с Тамани в Крым не предвиделось. Отоспавшись, я позже других пришел в опустевшую столовую.

— Осталось что-нибудь? — спросил официантку.

— Найдется, найдется, товарищ капитан, — почему-то засуетилась она. — Есть для вас что-то хоро-

шее... — она загадочно повела бровью и скрылась на кухне.

Этой ночью немецкий самолет из-за облаков сбросил несколько бомб. Целил он, конечно, по нашему аэродрому, а попал в Ахтанизовский лиман. Я, грешным делом, подумал, что мне подадут жареного сазана — одного из тех, что утром плавали в лимане кверху брюхом.

— Уж не рыба ли у вас сегодня на завтрак? — спросил я.

— Хо, рыба! А что мне будет, если еще лучший сюрприз преподнесу?

— Ну сухие духи в военторге попробую достать... — решил отшутиться я. А сам подумал: «Что же за сюрприз такой — лучше жареного сазана?»

— Вот вам... — она выхватила из-под передника газету «Известия». Я посмотрел на первую страницу — Указ Президиума Верховного Совета от 13 апреля 1944 года о присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому составу ВВС. Там я нашел свою фамилию, и она показалась мне какой-то чужой...

Я зашарил глазами, задержался на фамилии двумя строчками ниже, и гулко заколотилось сердце. «Гвардии подполковник Зуб Николай Антонович», — прочитал я. 22 июля 1943 года командир 210-го штурмового полка нашей авиадивизии подполковник Зуб погиб на моих глазах.

— С тебя причитается, — сказал мне Николай Седенков, один из немногих летчиков, начавших воевать еще с Донбасса и все еще уцелевших.

Того, что с меня «причиталось», достать по всей Тамани было невозможно. Я уже собирался в «экспедицию»: командир дивизии разрешил по такому слу-

чаю слетать в Краснодар на штурмовике. Тогда я спросил Николу:

— А что бы ты сейчас хотел?

— Не пожалеешь? — он поскреб пятерней белобрысый чуб и ткнул пальцем на мою кубанку. Такой головной убор появился у некоторых летчиков еще в Краснодаре, когда нашей штурмовой дивизии было присвоено наименование Кубанской. Я отдал...

Внешне Николай был ничем не приметным парнем, но техники говорили о нем уважительно:

— Наш Седненков может летать на бревне. — Почему-то всегда добавляли «наш», хотя во всей воздушной армии другого Седненкова не было.

Седненков одно время летал на самолете, от которого все отказывались, — мотор дымил, хотя мощность развивал нормальную. Николай по этому поводу еще и шутки отпускал:

— Мне на дымящем даже лучше: зенитчики в покое оставляют, «мессеры» тоже не особенно клюют. Они, наверное, думают, что меня уже «обработали», а я себе лечу да лечу...

Сбили Седненкова через полгода, когда в конце октября наши войска форсировали Нарев. Поддерживая десантников, полк дрался с максимальным напряжением и понес тяжелейшие потери. Погибли и Карabut, и Юрков... 24 октября штурмовики получили задачу подавить вражескую артиллерию в районе Черноствув. Первую группу повел Аверьянов, а следом за ней пошла четверка Виктора Горячева. Только взлетели последние штурмовики, на аэродроме появились корреспонденты «Фронтной правды»: «Поздравить и сфотографировать».

— С чем же поздравлять?

— С новыми Героями!

Вездесущие корреспонденты узнали об Указе, который еще не был опубликован в газете, но которого давно все ждали. Героями Советского Союза стали сразу семь летчиков: Константин Аверьянов, Владимир Демидов, Петр Кривень, Борис Левин, Иван Мальцев, Виктор Горячев и Николай Седненков.

Крепко пожимая руки тем, кто еще не успел улететь на боевое задание, корреспондент без конца щелкал «лейкой» и готовился запечатлеть необычные кадры на самолетной стоянке — Аверьянова и Горячева вместе с Болтиком.

Один за другим шли на посадку штурмовики, но Виктора Горячева среди них не было... Летчики помрачнели, узнав, что при выходе из второй атаки самолет ведущего второй группы был внезапно атакован снизу двумя «мессершмиттами». Его штурмовик резко взмыл, потом перешел в крутое пикирование и взорвался при ударе о землю. Но кто-то из летчиков заметил раскрывшийся на малой высоте купол парашюта. Кто же успел покинуть самолет: Горячев или его воздушный стрелок Малышев? И какой шанс остаться живым тому, кто приземлился в расположении войск противника? Но в авиации бывают всякие чудеса. Произошло же раньше такое чудо и в нашем полку!..

5 ноября 1942 года я водил девятку штурмовиков еще с «точки номер три» в район Орджоникидзе. Истребителей для прикрытия тогда не выделили, хоть «мессеры» в те кризисные дни буквально стаями висели над полем боя. Роль истребителей прикрытия в том вылете выполняли два штурмовика без бомбовой

нагрузки. Они шли позади группы и непрерывно выполняли маневр «ножницы». На этих самолетах летели Владимир Зангиев и Николай Письмиченко.

Нашей целью были немецкие танки у Хаталдона. Эти места были хорошо знакомы Володе Зангиеву: ведь здесь прошли его детство и юность. Слева по курсу — зеленые горы, у подножия вьется дорога, и там — Хаталдон. А на нас сверху уже пикировала первая четверка «мессеров». Первая атака — по ведущему! Зангиев все же успел дать заградительную очередь, и так удачно у него это получилось, что один истребитель с дымным следом круто пошел к земле. Это была первая победа Зангиева, предотвратившая неминуемую гибель ведущего. Я не мог глаз оторвать от сбитого самолета — следил за ним до тех пор, пока тот не ударился о землю. А вскоре после этого, выходя из первой атаки по танкам, я увидел горевший и кувыркавшийся штурмовик. Видел, как из кабины вывалился огненный ком и стремительно понесся вниз. У самой земли потянулась белая лента купола парашюта, но и по ней струился огонь... Не один я видел гибель Володи Зангиева вблизи его родного села. А спустя два года, в конце сорок четвертого, он вернулся и снова начал летать!

С сильными ожогами, со сломанной ногой попавший в плен, Владимир ничего не сказал фашистам под пытками. В мае 1943 года он сумел бежать из концлагеря и добраться до партизанского отряда, в котором воевал весьма успешно. Во время одной из диверсионных операций он получил ранение, после чего командование решило отправить его в тыл, и через некоторое время Зангиев вернулся в 7-й гвардейский с необычной для летчика наградой — ме-

далью «Партизан Отечественной войны» 1-й степени. А «третью жизнь» Володя отсчитывал с конца 1944 года, когда во время боев за плацдармы на Нареве его штурмовик, совершавший боевой вылет в сильнейшую метель, врезался в сосны. И снова он уцелел...

Произошло такое чудо и с Малышевым, воздушным стрелком сбитого Виктора Горячева — он вернулся в полк...

АКАДЕМИЯ

В академию я попал неожиданно. После разгрома немцев в Крыму 4-я воздушная армия, в состав которой входила наша 230-я Кубанская авиадивизия, действовала в составе 2-го Белорусского фронта. Получив новое пополнение, дивизия дралась в полную силу, расчищая путь нашим атакующим армиям и отмечая свой боевой путь разгромленными автоколоннами и сожженными танками врага. В эти месяцы многих опытных боевых летчиков направляли учиться.

Направили в Военно-воздушную академию Ивана Остапенко, бывшего уже командиром эскадрильи. Сбитый зениткой во время штурмовки одной из железнодорожных станций в Белоруссии, он остался жив только благодаря своему воздушному стрелку — Володе Пименову, «рекордсмену» среди стрелков, имевшему к концу войны 137 боевых вылетов. Бывший курсант Челябинского штурманского авиаучилища, он воевал в пехоте разведчиком, участвовал в Новороссийском десанте, и летать стрелком начал лишь осенью 1943 года... Он и вытащил нашего Ивана, дотащил на себе до своих.

На проводах Остапенко по-настоящему плакал.

— Не хлюпай, Иван, — сказал ему на прощанье наш Дед. — Вернешься в полк — будет у нас хоть од-

на золотая голова! Там, говорят, по формулам воевать учат...

В эти месяцы Дед — старший лейтенант Владимир Демидов, совершал, несмотря на запреты врачей, боевые вылеты даже после тяжелой травмы головы: в воздушном бою над Керчью он сумел сбить немецкий пикировщик «Ю-87», но его поврежденный штурмовик перехватили 10 «мессершмиттов». Миша Федоров, его стрелок, сбил один истребитель, но истерзаный «ил» врезался в землю. Владимир остался жив чудом, а Мишу десантники похоронили там же, на плацдарме...

Послали на какие-то курсы усовершенствования Николая Смурьгова, потом заместителя командира эскадрильи Петра Демакова. Но Рыжий, так звали в полку Демакова, вскоре вернулся.

— Отчислили? — спросили его летчики.

— Никто меня не отчислял. Сам удрал!

— Ты что, сдурел? — ополчились на Демакова его друзья. — Пока еще не поздно, поворачивай оглобли!

— Не поеду! — заупрямился он. — Довоевать самую чепуху осталось, а синусы-косинусы — потом.

Повел Демаков группу и не вернулся. Не пришлось ему довоевать. Еще на одного ведущего стало меньше в полку...

Вызвали к командиру дивизии и меня.

— Отправляйтесь в Москву в распоряжение начальника Главного управления формирования генерал-полковника авиации А.В. Никитина. Как раз есть попутный самолет, — сказал мне полковник Гетьман. Выяснилось, что требование отправить меня в Москву приходит к нему уже в четвертый раз, но до этого он на них просто не реагировал.

Столица встретила меня неприветливо. Пока добирался от центрального аэродрома до штаба ВВС, мне не раз пришлось предъявлять документы комендантскому патрулю. Причина тому — смешанная форма одежды. И в самом деле, кроме темно-синей пилотки с голубым кантом, ничто другое из амуниции не выдавало во мне авиатора. Поношенная американская летная куртка без погон и знаков различия, пистолет ТТ болтается у бедра. Бриджи неопределенного цвета (наша оружейница Клава Калмыкова сшила их мне еще в хуторе Трактовом из трофейной шинели), а брезентовые сапоги, которые искусно смастерил техник Шевченко из парашютного чехла, все в масляных пятнах...

В штабе ВВС мне выписали пропуск и сказали:

— Зайдите к члену Военного совета ВВС генерал-полковнику Шиманову.

Не без душевного трепета, как при входе в зону зенитного огня, я приоткрыл огромную, обитую черным дерматином дверь, потом еще одну такую же и оказался в громадном кабинете. Длинный, покрытый зеленым сукном стол напомнил мне взлетно-посадочную полосу Краснодарского аэродрома. С другого конца кабинета навстречу направился генерал с косым прибором на голове. Его комплекция явно не соответствовала размерам занимаемого помещения.

— Как жизнь? — спросил он неожиданно просто, назвав меня по фамилии.

— В порядке...

— Как воюется?

— Отлично...

Генерал спросил у меня, почему я задержался с прибытием. «Не пускали», — ответил на это я.

— А это сам писал? — спросил он, подводя меня к журнальному столику и указывая на подшивку центральной газеты «Сталинский сокол». Генерал начал листать, и я узнал свои семь «подвальных» статей, озаглавленных не без претензии на оригинальность: «Из чего слагается мастерство».

— Сам писал, — ответил я ему, а сердце дрогнуло: «Никого я там не славил, никого и не охаивал, а лишь делился боевым опытом. Какой же ляпсус обнаружил в этих статьях член Военного совета ВВС?»

— Вот в этом месте ты ничего не преувеличил? — показал он на абзац, отчеркнутый красным карандашом. В «подозрительном» месте приводились данные, характеризующие мои личные достижения в меткости бомбометания и стрельбы, неоднократно подтвержденные в показательных полетах на фронте. Среди другого я привел и таблицу отклонений средних бомб от цели при бомбометании, в которой генерал отдельно переспросил у меня про удивившую его цифру — 6 метров.

— Написал так, как было, — ответил я Шиманову.

— А мы тут, признаться, с генералом Никитиным в этом усомнились. Таких результатов никто из инструкторов в запасных бригадах и полках еще не добивался. Ты сможешь это доказать перед летчиками практически, а не на бумаге?

— Могу!

— Для этого, собственно говоря, мы тебя и вызвали. «Погастролируй» у нас по запасным частям, поделись боевым опытом, покажи... А потом будет особый разговор.

К тому, что большое начальство всегда чего-то не договаривает, я давно привык, поэтому об «особом разговоре» забыл сразу же, как только у меня в руках

оказалось командировочное предписание. Мысли были заняты тем, чтобы поточнее отбомбиться.

Генерал рассказал мне, что под Москвой, в Соколовской, базируется запасной авиационный полк, который получает из Куйбышева самолеты, готовит кадровых летчиков и отправляет в боевые части. Там я и должен был «выступить».

На «гастролях» я делал все, как на войне, и от предварительного облета мишеней на полигоне отказался:

— На фронте цели показывают на карте, никаких предварительных облетов, — сказал я командирам частей. — Но и бомбы подвесьте не цементные, а боевые, фугасные авиабомбы. И боекомплект к пушкам должен быть полным, по 150, а не по 15—20 патронов на пушечный ствол, как принято у вас, и к пулеметам ШКАС тоже, конечно.

Такие условия я выторговал.

Затем у меня состоялся «тайный сговор» с начальником полигона. Дело в том, что мишень для бомб на полигоне — это крест, выложенный из белых стволов берез, а для ракет, пушек и пулеметов — колонна из трофейных грузовых автомашин. Потом будет там кто-то ходить с мелом и искать пробоины, — а там все уже мечено-перемечено... По моей просьбе в кузова и кабины трофейных автомашин, которые должны были подвергнуться обстрелу, он наложил соломы, а перед самым взлетом эту «начинку» полили горячим.

На первый показательный полет приехали представители штаба ВВС во главе с генералом Н.С. Шимановым. Они находились среди летчиков, столпившихся вблизи полигона у репродуктора, чтобы слушать мои объяснения по радио во время полета.

Я взлетел и без труда отыскал на лесной поляне полигон.

— Скорость триста, высота восемьсот, цель слева, — передал я на землю, наблюдая за приближавшимся к визирной линии крестом, выложенным в центре мишени из белых березовых бревен.

— Вхожу в пикирование, угол тридцать градусов... сброс!

Когда я вывел самолет и резко развернулся, то увидел разбросанные бревна — бомбы попали точно в крест! Хорошо!

Я скрылся за лесом, перешел на бреющий. Теперь оставалось показать свой «партизанский заход», применявшийся для внезапной атаки паровозов и автомашин. Высота — минимальная, скорость увеличена. Один, затем второй разворот за лесом, чтобы меня с полигона не заметили. А вот и железная дорога. Я лечу вдоль нее, в стороне у опушки леса вижу «автоколонну». Круто взмываю вверх с креном, затем опускаю нос, прицеливаюсь. Я еще не убрал полностью крена, а сходящийся у земли веер трасс уже прошел машину — она вспыхнула. Я снова скрылся за лесом, чтобы повторить атаку — стрельбой из пушек по вражеским автоколоннам я всегда наслаждался, и получалось это у меня отлично...

Этот мой вылет произвел ошеломляющее впечатление — такого они никогда не видали. Точное попадание боевыми бомбами в мишень, низкие и внезапные заходы на цель и — все в горящие щепки... «Так нужно, товарищи офицеры!» — сказал генерал Шиманов и добавил мне: «Вот, товарищ капитан, такие показательные полеты вы сделаете под Москвой здесь, там, и там. И еще под Куйбышевом». «Ну это известно, — говорю я. — Мы там самолеты брали для полка!» —

«Вот там тоже покажите, а то они ни хрена не знают как надо!»

После «гастролей» по запасным частям я вторично предстал перед генералом Шимановым — для «особого разговора». На этот раз я уже был одет строго по форме, и даже с золотыми погонами и в хромовых сапогах. Все это мне выдали на центральном вещевом складе по записке члена Военного совета.

— Ну молодец, ты сделал все как нужно, — сказал генерал. — Но тут одно обстоятельство есть. Из эвакуации вернулась знаменитая Мониская военно-воздушная академия. Набирает очередной прием слушателей. Ты хочешь учиться в академии?

Меня будто оглушило взрывной волной, я только переступил с ноги на ногу. Лишь кое-как собравшись с мыслями, я сказал:

— Разрешите немножко подумать за дверью...

— Думать можно до завтрашнего дня, — обрадовал меня генерал. — Придешь с рапортом.

Больше всего меня беспокоили вступительные экзамены по общеобразовательной подготовке. На подготовительный курс поступать мне не хотелось — лишний год терять. Я долго колебался. Советчиков нашлось — хоть отбавляй, и все советы разные. Одни говорили: «Дурья голова, какая там учеба, если война легкая пошла. Глядишь — вторую Звезду заработаешь!¹». А другие: «Ага, полетишь, «тяпнут» и все, — вот тебе и Звезда!» Большинство же советовало учиться: «К Звезде надо хорошую голову приложить. А экзаменов не бойся: если будет резолюция Шиманова, зачислят и так».

¹ Имеется в виду Золотая звезда Героя Советского Союза.

Рапорт лежит на столе у генерала Шиманова. Он бегло прочитал и наискосок размашисто написал: «Зачислить в академию» — и поставил точку. У меня между лопаток будто крылья выросли и перышки зашевелились. «Если зачислить — значит без экзаменов!» — подумал я. Но генерал почему-то долго не отнимал пера от точки. Вдруг у меня на глазах он приделал к ней длинный хвостик и добавил еще строку: «если сдаст вступительные испытания».

Тревожные предчувствия меня не обманули. На самом финише вступительных экзаменов, когда физика, математика и прочее осталось позади, я предстал перед молоденькой блондинкой. Она с пристрастием стала меня «допрашивать» у карты Америки. Ее почему-то особенно интересовало овцеводство. У меня же к тому времени еще не совсем выветрились только те скудные географические познания, которые я почерпнул из книжки Ильфа и Петрова¹. Дуэт литераторов меня еле спас от полного провала.

Так я поступил на основной курс и впоследствии окончил академию с золотой медалью — в числе всего четырех человек нашего 19-го выпуска. А Герой Советского Союза Иван Остапенко оказался на подготовительном курсе. Ему пришлось изучать общеобразовательные дисциплины, поэтому он и норовил удрать из академии в родной полк. Академия была так переполнена фронтовиками, что нам с Остапом какое-то время пришлось ночевать в общежитии на одной кровати с провисшей почти до самого пола сеткой. Вот

¹ Имеется в виду книга популярных советских писателей И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка», об их автомобильном путешествии через США в 1935 г.

тогда-то мы по достоинству оценили преимущества дощатых нар в фронтовых блиндажах!

В академии я и встретил День Победы. Как сейчас помню: вокруг началась стрельба из пистолетов, все орут: «Победа!!!» Сначала мы просто ничего не поняли, а когда поверили — все тут же сели в электричку и из Монино поехали в Москву. Электричка была полной, народ ликовал, мы все были хмельными от счастья!!! Я запомнил интеллигентную женщину средних лет, выше среднего роста, лет 50 (для меня она уже была немолодая), которая не могла сдерживать слез. Она виновато улыбалась, а слезы текли градом, и она утирала их носовым платочком. Я смотрел и любовался!

А в Москве было всеобщее ликование! Увидят военного — качают, кидают его, кричат «Ура!!!». В центре, на улице Горького, было американское посольство, красивый особняк, в нем все окна были нараспашку, и на подоконниках сидели американские военные. Они кричали нам с третьего, четвертого этажей, чего-то там бросали. Такая дружественная атмосфера была. Весь народ ликовал, все! Какое счастье было!!!

ЭПИЛОГ

В 1932 году по стране прокатился клич: «Комсомолец — на самолет!» И я, студент композиторского факультета Московской консерватории, поступил в летную школу. С тех пор всю свою жизнь я связал с авиацией: инструктор аэроклуба, военный летчик, преподаватель тактики авиации в Военной академии имени М.В. Фрунзе...

Уже давно позади остались годы летной работы. Самые сильные впечатления из двадцатилетнего «крылатого» периода относятся к военной поре. Они врезались в память, оставили рубцы на сердце, до сих пор бередят душу и не дают покоя... Все, что со мной произошло на войне, можно пережить только один раз в жизни. Мне скоро будет 94 года, и мне иногда приходят в голову мысли Фауста. Допустим, приходит ко мне волшебник и говорит: «Я вас могу сделать снова молодым, и ваша биография повторится, как в зеркальном отображении. Все будет так, как было. Вас в войну сбивали три раза? И второй раз будут сбивать три раза. Вас не убили? И не убьют. Все вы пройдете заново. Вот за это я вас могу сделать молодым». И я говорю: «НЕ НАДО МНЕ ПОВТОРА», потому что то, что пройдено, повторить невозможно. Невозможно психологически! Есть же предел. Мы же каждый день ждали гибели... Успокаиваешься только

тогда, когда вечером спать ложишься. После 300 грамм водки расслабишься, поешь и — спать. Спишь: «Я — живой! Я буду до утра жить ГАРАНТИРОВАННО!» А утром, чуть свет, когда боевой расчет — подъем, чашку чаю глотнул, в землянку, и там уже ставят задачу. Начинается мандраж. Ну как предстартовое волнение у спортсменов. Предстартовое волнение — это страшно... Причем нас со спортсменами не сравнить: там же убийства не будет наверняка, может, только на четвереньках ползать будет побитый. А я думаю: вчера пронесло, а сегодня? И пытаюсь отогнать эту мысль! Я научился ее отгонять, и потому все нормально было. Я остался жив...

В тяжелейшей, жестокой борьбе мы сумели разгромить врага, пришедшего с войной на нашу землю. Но за победу над сильным, умелым врагом, которым была армия Германии и ее союзников в Европе, мы сполна заплатили огромную, страшную цену. За четыре года войны пять полков моей 230-й Кубанской штурмовой авиадивизии потеряли 717 человек убитыми, из них 202 потерял наш родной 7-й гвардейский ордена Ленина Краснознаменный Севастопольский полк... Мало кто уцелел из тех, кто в сорок первом встретил первый удар врага. Мало кто из выживших прошел войну без глубоких шрамов на теле и в душе...

9 мая 1968 года ветераны дивизии встретились в Керчи, чтобы открыть сооруженный на собранные средства обелиск погибшим друзьям. Спадает покрывало. Пять белых крыльев вздыбились к небу, и там их консоли сомкнулись, как в крепком рукопожатии. Пять крыльев — пять братских полков.

На стене у обелиска светятся бронзовые буквы эпитафии:

*Ваш грозный строй летит в века,
Сердца волнуя вечным зовом,
Крыло — в крыло, к руке — рука
В военном воздухе суровом.*

Перед отъездом мы пришли к обелиску поздней ночью. Он был подсвечен красным огнем. Город, который стал для нас вторым домом, уже спал. Мы стояли молча. По кругу пошел граненый стакан с красным вином. Перед тем как его пригубить, каждый называл имена тех, с кем дружил, с кем летал крыло в крыло в суровом военном воздухе. Я слышал, как называли Федю Артемова, Мишу Талыкова... Их вспомнили бывшие оружейницы, матери семейств, которых мы по-прежнему называем «наши девушки».

Друзья тогда сказали мне:

— Погибшие должны жить в книге. О них должны знать не только мы. И пиши только правду!

Это прозвучало как боевое задание, когда не спрашивают, хватит ли у тебя сил и умения выполнить его...

И, как и тогда, я сделал все, что мог.

Таблица потерь 7-го Гвардейского штурмового авиаполка

1	Гричевич Николай	Ил-2-1	летчик	1919	27.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р.Березину, район Бобруйска
2	Захаркин Илья	нет	летчик	1911	28.06.1941	убит при авианалете на а/д, район Гомеля
3	Комаха Роман	нет	техник	1917	28.06.1941	убит при авианалете на а/д, район Гомеля
4	Крысин Александр	нет	летчик	1908	28.06.1941	район Гомеля, убит при авианалете на а/д
5	Мещеряков Александр	нет	летчик	1918	28.06.1941	район Гомеля, убит при авианалете на а/д
6	Баранов Василий	Ил-2-1	летчик	1919	29.06.1941	сбит. уничтожение переправ через р. Березину. «Сгорел», район Бобруйска
7	Готтельф Соломон	Ил-2-1	летчик	1908	29.06.1941	НБЗ, район Бобруйска
8	Кузьмин Александр	Ил-2-1	летчик	1906	29.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
9	Пушин Абрам	Ил-2-1	летчик	1919	29.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
10	Соснин Евстафий	Ил-2-1	летчик	1916	29.06.1941	сбит. ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска

11	Филипов Виктор	Ил-2-1	летчик	1909	29.06.1941	POW. Верн. в часть 19.8.41
12	Голубев Николай	Ил-2-1	летчик	1906	30.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
13	Лапшов Александр Тимофеевич	Ил-2-1	летчик	1918	30.06.1941	НБЗ, район Бобруйска. Уничтожение переправ через р. Березину
14	Подлобный Валентин Иванович	Ил-2-1	летчик	1908	30.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
15	Сигида Федор Игнатьевич	Ил-2-1	летчик	1912	30.06.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
16	Слепцов Семен	Ил-2-1	летчик	1908	30.06.1941	НБЗ, район Бобруйска. Не хотел вылетать на задание. Все время боялся летать и в мирное время
17	Шульгин Александр	Ил-2-1	летчик	1916	30.06.1941	ЗА. верн. в часть 19.08.41
18	Буланов Александр	Ил-2-1	летчик	1910	01.07.1941	катастрофа при выполнении вынужденной посадки из-за выработки горючего в плохих метеоусловиях, район Сеща
19	Валькович Александр	Ил-2-1	летчик	1912	01.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
20	Волков Петр	Ил-2-1	летчик	1916	02.07.1941	НБЗ, район Бобруйска

21	Широкий Александр	Ил-2-1	летчик	1906	02.07.1941	сбит, район Бобруйска, врезался в колонну танков — видел Денисюк
22	Алексейкин Александр	Ил-2-1	летчик	1919	03.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
23	Василенко Владимир	Ил-2-1	летчик	1905	03.07.1941	при налете на Бобруйский а/д был сбит. Попал в плен. Освобожден выходившими из окружения солдатами. «Помешался», «был помещен в клинику для душевнобольных» результат пыток в плену
24	Дрюков Серафим	Ил-2-1	летчик	1907	03.07.1941	БЗ, район Бобруйска. Ст. политрук замполит аз. Ил-2 № 2104
25	Кошелев Александр	Ил-2-1	летчик	1911	03.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
26	Кирич Анатолий	Ил-2-1	летчик	1914	03.07.1941	НБЗ, район Рогачева
27	Сорокин Александр	Ил-2-1	летчик	1916	08.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
28	Ткаченко Николай	Ил-2-1	летчик	1918	08.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
29	Кузьмичев Александр	Ил-2-1	летчик	19?	09.07.1941	НБЗ, район Бобруйска
30	Сталкин Николай	Ил-2-1	летчик	1904	09.07.1941	ЗА. Уничтожение переправ через р. Березину, район Бобруйска
31	Солдатенко Иван	Ил-2-1	летчик	1921	11.07.1941	сбит, район Могилева

32	Шакирджанов Мухамеджан	Ил-2-1	летчик	1917	11.07.1941	катастрофа в трудных метеоусловиях, район Могилева
33	Алексеев Андрей	Ил-2-1	—	1915	13.07.1941	НБЗ. Горел при выпол. задан., район Могилева
34	Осипов Константин		техник	1915	15.07.1941	своей смертью. Перебазир. В Брянск. обл.
35	Денисов Феофан	Ил-2-1	летчик	1912	17.07.1941	НБЗ, район Могилева
36	Иванов Владимир	Ил-2-1	летчик	1916	20.07.1941	НБЗ, район Киричева
37	Лесников Владимир	Ил-2-1	летчик	1903	20.07.1941	НБЗ, район Могилева
38	Конов Николай	Ил-2-1	летчик	1912	25.07.1941	убит во время вып. б/з в р-не Кричева
39	Столетний Григорий	Ил-2-1	летчик	1914	25.07.1941	НБЗ, район Могилева
40	Рязанов Александр	Ил-2-1	летчик	1919	26.07.1941	НБЗ, район Могилева
41	Зайцев Владимир	Ил-2-1	летчик	1913	29.07.1941	НБЗ, район Могилева
42	Плешаков Сергей	Ил-2-1	летчик	1910	29.07.1941	НБЗ, район Могилева. Сел вынужденно на живот в распол. пр-ка. Боялся летать
43	Сороков Семен	Ил-2-1	летчик	1909	03.08.1941	район Смоленска. Попал в плен, вернулся к 18.08.41

44	Карпенко Константин	Ил-2-1	летчик	1915	03.08.1941	катастрофа, район Смоленска. Взорвался на своих бомбах
45	Иванов Иван	Ил-2-1	летчик	1917	07.08.1941	НБЗ
46	Кошелев Павел	нет	техник	1918	12.08.1941	Орловская обл. аэр. Писаревка. При отражении налета фашистских с-тов с пулемета БТ, приспособленного для зенитной стрельбы, был ранен в голову, в плечо и умер от ран
47	Жулев Павел	Ил-2-1	летчик	1912	28.09.1941	сбит. ЗА. Перевернулся и загорелся с бреющ. полета, в р-не Гуляй-Поле
48	Варфоломеев Михаил	Ил-2-1	летчик	1916	01.10.1941	сбит выстрелом из танковой пушки. По выпискам: НБЗ, р-н Гуляй-Поле
49	Морозов Александр	Ил-2-1	летчик		09.10.1941	НБЗ. Запорожье, р-н Пологи
50	Иванов Иван	Ил-2-1	летчик	1925 ?	15.10.1941	пропал без вести в обстоятельствах, похожих на дезертирство, район Донецка
51	Иванов Иван	Ил-2-1	летчик	1917	15.10.1941	сбежал 15.10 после вып. б/з потер. ориент., сел вынужд. в р-не ст. Желанная. 21.10 с-т взорван кр. 525 ШАП. В часть до сего врем. не верн.
52	Синяков Николай	Ил-2-1	летчик	1918	30.10.1941	Донбасс, в день своего рождения

53	Антонов Б.А.	Ил-2-1	летчик	1921	30.10.1941	р-н Успенская, Сталинск обл. Вернулся в полк 1.07.43. Вернулся в полк обгорелый в Тихорецк. Из 245 ИАП, потом 525 ШАП.
54	Краснобаев Виктор	Ил-2-1	летчик	1913	01.11.1941	НБЗ, Донбасс
55	Масленников Петр	Ил-2-1	летчик	1919	08.11.1941	сбит, район Ростова
56	Гетьман Николай	Ил-2-1	летчик	1918	15.11.1941	НБЗ, Донбасс
57	Выприцкий Николай	Ил-2-1	летчик	1915	08.01.1942	район Ворошиловграда, катастрофа. При взлете попал в туман, потерял ориентацию, сорвался в штопор и разбился
58	Шахов Виктор	Ил-2-1	летчик		19.01.1942	был сбит, пока добирался до своих, отморозил ноги. После ампутации ног пытался вернуться к боевой работе, начальство не допустило
59	Егоров Михаил	Ил-2-1	летчик	1915	19.02.1942	район Харькова. Не возвр. с б/з из р-на в 30 км южн. Барвенково. Был в плену, верн. с оккупир. терр. (Квантун)
60	Черников Даниил	Ил-2-1	летчик	1908	21.03.1942	НБЗ, район Донецка. Подбит ЗА. Соверш. посадку в р-не Славянска восточн. Собор-левка 1 км. Неизвестно, где сам.
61	Шемякин Александр	Ил-2-1	летчик	1907	28.03.1942	сбит прям. попад. ЗА. в р-не возле двух кругл озер выс.117.1 г. Славянск, район Донецка

62	Денисов Ф.И.	Ил-2-1	летчик	1914	08.05.1942	р-н г. Сталино «Рыжий Феофан». Был в полку с самого начала. Отстал от группы. Трус. Судим, 10 лет. Водил «Зуб», район Донецка
63	Сергеев Петр	Ил-2-1	летчик	1918	13.05.1942	НБЗ, р-н Чистяково, район Донецка
64	Смурнов	Ил-2-1	летчик		21.05.1942	сбит
65	Зубов Николай	Ил-2-1	летчик	1916	31.05.1942	НБЗ, р-н Чепель/Валвенково
66	Рыжков Владимир	Ил-2-1	летчик	1918	31.05.1942	НБЗ, р-н Чепель/Валвенково
67	Елисеев Тихон	Ил-2-1	летчик	1908	09.06.1942	НБЗ Харьковская обл. из р-на в 6 км вост. Барвенково при штурм аэр. пр-ка
68	Алимов		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
69	Бодиков		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
70	Данилычев		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
71	Ефимов		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна

72	Карабанов		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна. (Рытов): в 1943 году Карабанова встречал в плену выживший Елагин
73	Корнеев		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
74	Латышев		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
75	Лиманский Андрей		техник		июл. 42	Донбасс. Бежал на следующий день. Вернулся в полк, продолжал служить
76	Марков		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
77	Николаев		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
78	Романов		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. Судьба неизвестна
79	Тацюра Алексей		техник		июл. 42	Донбасс. Фронтальная стажировка. Группа курсантов — 10 человек. освобожден в 45 г.

80	Бойко Иван	Ил-2-1	летчик	1916	16.07.1942	ВБИА Миллерово. Не верн. с б/з из р-на Погорелое. Четверг, жаркий день, часов 11 дня. Сбит у хут. Еримеевка 3 Ме-109
81	Кудинов Петр	Ил-2-1	летчик	1916	17.07.1942	НБЗ, район Ростова, Каменск
82	Кладько Анатолий	Ил-2-1	летчик		23.07.1942	р. Дон. Не возвр. с б/з из р-на Николаевская. Сбит Ме-109 при подходе к переправе
83	Николаев Николай	Ил-2-1	летчик	1910	23.07.1942	р. Дон. Не возвр. с б/з из р-на Николаевская. Сбит Ме-109 при подходе к переправе, Ростовская обл.
84	Бессарабенко Александр		техник	1915	24.07.1942	сбит, район Ростова. При налете с-тов пр-ка на аэродр. Кагальницкая, убит осколками бомб
85	Старцев Павел	Ил-2-1	летчик		24.07.1942	НБЗ. Ростов, р-н Николаевская. Пилот из 210 ШАП.
86	Мосьпанов Илья	Ил-2	летчик	1913	25.07.1942	При взлете с аэр. Кагальницкая был сбит Ме-109 на кругу. С-т сгорел, район Ростова
87	Князев Григорий	Ил-2-1	летчик		25.07.1942	сбит, район Ростова. Сбит Ме-109 в р-не Мало-Западнянка, с-т разбит, пилот погиб

88	Бобров Иван	Ил-2-1	летчик	1912	29.07.1942	катастрофа при посадке на аэр. Ворошиловск, разбился на Ил-2 (погиб). Имел судимость за поломку маш.
89	Зангиев Владимир	Ил-2-1	летчик		05.11.1942	р-н Орджоникидзе н/п Хаталдон в мае 43-го бежал, воевал в партизанах, по ранению эвакуирован в тыл, в полк вернулся осенью 44-го
90	Артемов Федор	Ил-2-1	летчик	1918	05.11.1942	ЗА, р-н Майронодаг (р-н Орджоникидзе). Отбито крыло, упал в горы
91	Кузнецов Лев	Ил-2-1	летчик	1918	05.11.1942	сбит ИА, упал на терр. пр-ка Сев. Кавказ
92	Письмишенко Николай	Ил-2-1	летчик	1921	08.11.1942	сбит. Сев. Кавказ, р-н Ардок.
93	Селезнев Андрей	Ил-2-1	летчик	1909	08.11.1942	НБЗ. Сев. Кавказ, р-н Дзудринад
94	Шамшури Александр	Ил-2-1	летчик	1920	18.11.1942	сбит. ЗА Сев. Осетия
95	Бобиков Иван	Ил-2-1	летчик	19?	27.11.1942	сбит. Сев. Кавказ
96	Геворкян Вартан	Ил-2-1	летчик	1923	27.11.1942	БЗ. Сев. Кавказ, р-н Аруба
97	Михаилов Илья	Ил-2-1	летчик	1921	27.11.1942	ПБЗ. Сев. Кавказ
98	Агарев Иван	Ил-2-1	летчик	1917	05.12.1942	р-н Дигора. Сев. Кавказ. Расстрелян (застрелился)

99	Шопко Григорий	Ил-2-1	летчик	1918	08.12.1942	сбит. Сев. Кавказ, р-н Троицкое Чечено-Инг. АССР
100	Руденко Петр	Ил-2-1	летчик	1919	10.12.1942	сбит в бою с истребителями, район Краснодара
101	Лебедев Петр	Ил-2-1	летчик		10.12.1942	р-н Авалов, сбит ИА. Взят в плен, Сев. Кавказ
102	Мусиенко Иван		летчик		01.01.1943	сбит, концлаг. в 1943 г., в 1944 бежал из плена, переуч. на Ил-10. От Парада Победы был отстранен и демобилизован, обосновался в Одессе, спился, опустился
103	Цыганов Петр		летчик		09.01.1943	катастрофа при выполнении БЗ в сложных МУ
104	Волков Алексей	Ил-2-1	летчик		21.01.1943	«Не возврат. с «охоты» из р-на Армавир. (Летел с Пановым). Ведомый место падения не наблюдал» — офиц. версия. «Оказался в плену. Перелетел к немцам?» — ВБ район Краснодара
105	Шувалов Петр	Ил-2	летчик	1918	26.01.1943	«сбит, соверш. вынужд. пос. в р-не Гульковская. Стрелок жив. При попытке немцев взять его в плен застрелился», район Краснодара
106	Долгинский Сергей	Ил-2-1	техник	1913	31.01.1943	«Убит Me-109 над аэр. Гетьмановская. С двумя техниками, прилетевш. с ним в фюзеляже из Ставрополя»

107	Дороговцев Николай	Ил-2-1	летчик		31.01.1943	«Убит Ме-109 над аэр. Гетьмановская. С двумя техниками, прилетевш. с ним в фюзеляже из Ставрополя»
108	Платонов Александр	Ил-2	техник	1919	31.01.1943	«Убит Ме-109 над аэр. Гетьмановская. С двумя техниками, прилетевш. с ним в фюзеляже из Ставрополя»
109	Жуков Иван		летчик	1917	07.02.1943	ЗА район Краснодара
110	Слепов Сергей	Ил-2-1	летчик	1921	09.02.1943	сбит ИА, хутор Кочкино — расстреляли полицаи
111	Смирнов Сергей	Ил-2-1	летчик	1913	13.02.1943	район Краснодара, р-н Троицкая, сбит ЗА. В Чехии бежал из плена, воевал в партизанах
112	Максимчук Борис	Ил-2	стрелок	1922	23.02.1943	НБЗ, Эк. л. Проталева с Максимчуком, район Краснодара
113	Оленин Виктор	Ил-2-1	летчик	1918	23.02.1943	БЗ, район Краснодара, р-н Темрюк
114	Проталев Николай	Ил-2	летчик	1914	23.02.1943	НБЗ, район Краснодара. Эк. л. Проталева с Максимчуком. Р-н Темрюк
115	Захаров Александр	Ил-2-1	летчик	1919	25.02.1943	БЗ, район Краснодара
116	Абрамов Михаил	Ил-2-1	летчик	1915	25.02.1943	НБЗ, район Краснодара, р-н Коса Чушка «Летал?»

117	Бубакин Михаил	Ил-2	стрелок	1918	26.02.1943	23.02.43 в возд. бою ранен, после операц. скончался в больн., ст-к в эк. л-ка Букреева, район Краснодара
118	Бобков Сергей	Ил-2-1	летчик	1913	01.03.1943	НБЗ, район Краснодара
119	Возжаев Петр	Ил-2-1	летчик	1922	04.03.1943	НБЗ, район Краснодара
120	Тимофеев Петр	Ил-2	стрелок	1921	10.03.1943	сбит ИА, район Краснодара
121	Гладков Павел		техник	1912	11.03.1943	столяр ПАРМ. Убит при налете авиац. пр-ка на аэр. от осколка фуг. бомбы, район Краснодара
122	Челпанов Валерий	Ил-2-1	летчик	1914	13.03.1943	ЗА, район Краснодара, р-н Коса Чушка
123	Болдин Леонид	Ил-2	стрелок	1921	14.03.1943	сбит, р-н Темрюк. Район Краснодара, ст-к в эк. летчика Букреева
124	Талыков Михаил	Ил-2-1	летчик	1921	14.03.1943	ЗА, район Краснодара, р-н Темрюк
125	Кузнецов Николай	Ил-2-1	летчик	1903	15.03.1943	НБЗ, район Краснодара
126	Романцев Герман	Ил-2-1	летчик	1922	15.03.1943	НБЗ, р-н Коса Чушка, район Краснодара
127	Злобин Иван	Ил-2	летчик	1920	24.03.1943	катастрофа. После удачного ВБ. с-т П. Колесникова рубит винтом с-т Злобина, он и стрелок Муха погибли, район Краснодара
128	Колесников Петр	Ил-2-1	летчик	1923	24.03.1943	после удачного ВБ столкнулся с с-том Злобина, район Краснодара

129	Муха Николай	Ил-2	стрелок	1922	24.03.1943	катастрофа. После удачного ВБ с-т П. Колесникова рубит винтом с-т Злобина, он и стрелок Муха погибли. Р-н ст. Бараниковская, район Краснодара
130	Яковлев Павел	Ил-2	летчик	1921	30.03.1943	
131	Антонов Борис	Ил-2-1	летчик		апр.43	после ранения, полученного при выполнении БЗ, некоторое время воевал, но был отправлен в тыл, перенес 50 пластических операций на лице. Выписался в июне 45 г.
132	Петров Владимир	Ил-2-1	летчик	1920	11.05.1943	катастрофа. Эк. л. Петрова с Дробилиным. Тихорецк. Срыв обшивки с крыла
133	Дробилин Михаил	Ил-2-1	стрелок		11.05.1943	катастрофа. Эк. л. Петров с Дробилиным. Тихорецк. Срыв обшивки с крыла
134	Шевченко Андрей	Ил-2	летчик	1920	23.07.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Шевченко с Алешиным, р-н выс. 150.2
135	Алешин Николай	Ил-2	стрелок	1919	23.07.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Шевченко с Алешиным, р-н выс. 150.2
136	Новак Леонид	Ил-2	летчик	1921	26.07.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Новака с Гурков. Выс. 103.3, совх. «Никитинский»
137	Гурков Александр	Ил-2	стрелок	1920	26.07.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Новак с Гурковым. Выс. 103.3, совх. «Никитинский»

138	Наумов Николай	Ил-2	стрелок	1910	06.08.1943	стрел. эк. л-ка Панова. Р-н Греческая. Умер в больнице 708. БАО Крым
139	Рудометов Евгений	Ил-2	стрелок	1919	08.08.1943	р-н Горно-Веселой. В тот же день умер в лазар. 708 БАО. район Краснодара
140	Щербаков Семен	Ил-2	летчик	1922	09.08.1943	НБЗ, район Краснодара. Эк. л. Щербаков с Попков., р-н Греческая/Спиртстрой
141	Попков Петр	Ил-2	стрелок	1920	09.08.1943	НБЗ, район Краснодара. Эк. л. Щербаков с Попков., р-н Греческая/Спиртстрой
142	Лучко Григорий	Ил-2	летчик	1922	09.08.1943	НБЗ, район Краснодара. Эк. л. Лучко с Федоричев., р-н Греческая/Спиртстрой
143	Федоричев Иван	Ил-2	летчик	1924	09.08.1943	НБЗ, район Краснодара. Эк. л. Лучко с Федоричев., р-н Греческая/Спиртстрой
144	Фоминых Анатолий	Ил-2	летчик	1922	18.08.1943	Эк. л. Фоминых с Годилов? При выполн. б/з сбит прям. поп. ЗА. С-т горящим упал в р-не Спиртстрой. Один челов. выпр. с параш., район Краснодара
145	Годилов Георгий	Ил-2	стрелок	1919	18.08.1943	ЗА, район Краснодара. Эк. л. Фоминых с Годилов.? При выполн б/з сбит прям. поп ЗА. С-т горящим упал в р-не Спиртстрой. Один челов. выпр. с параш.
146	Волков Степан	Ил-2	летчик	1917	11.09.1943	ЗА, район Краснодара. Эк. л. Волков с Чулимковым 1 км сев.-зап. В.-Бокаевская

147	Чулимков Анатолий	Ил-2	стрелок	1923	11.09.1943	ЗА, район Краснодара. Эк. л. Волков с Чулимковым, 1 км сев.-зап. В.-Бокаевская
148	Лотак Михаил	Ил-2	летчик	1922	14.09.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Лотак с Гопкиным, р-н Кеслерово, атака 2 Ме-109
149	Гопкин Иван	Ил-2	стрелок	1922	14.09.1943	ИА, район Краснодара. Эк. л. Лотак с Гопкиным, р-н Кеслерово, атака 2 Ме-109
150	Вердлис Иван	Ил-2	стрелок	1915	14.09.1943	ИА, район Краснодара, р-н Варениковская/Курганская, был атаков. 2 Ме-109, с-т сгорел, л. жив
151	Мамота Николай	Ил-2	летчик	1922	19.09.1943	сбит, район Краснодара. Эк. л. Мамота с Байкула? 2 км зап. Кр. Октября
152	Байкулов Иван	Ил-2	летчик	1920	19.09.1943	сбит, район Краснодара. Эк. л. Мамота с Байкула? 2 км зап. Кр. Октября
153	Бондаренко Георгий	Ил-2	летчик	1921	23.09.1943	ЗА. Эк. л. Бондаренко с Глебов., район Краснодара
154	Глебов Алексей	Ил-2	стрелок	1922	23.09.1943	ЗА, район Краснодара. Эк. л. Бондаренко с Глебовым, р-н Старотитаровской, упал у выс. 116.8
155	Соколов Анатолий	Ил-2	стрелок	1922	04.10.1943	сбит ЗА, выпрыгнул с параш. Приземлился — район Краснодара

156	Ларских Александр	Ил- 2	летчик	1922	07.10.1943	катастрофа — район Краснодара. Эк. л. Ларских с Мирошкин. При взлете на б/з на перв. развор. перевернулся и упал в ст. Славянская
157	Мирошкин Петр	Ил- 2	стрелок	1923	07.10.1943	катастрофа, район Краснодара. Эк. л. Ларских с Мирошкин. При взлете на б/з на перв. развор. перевернулся и упал в ст. Славянская
158	Авдеев Александр		летчик	1923	11.10.1943	НБЗ
159	Сергиенко Алексей	Ил-2	летчик	1923	30.10.1943	Крым. Эк. л. Сергиенко с Белых, р-н Керчи
160	Белых Николай	Ил-2	стрелок	1918	30.10.1943	ЗА. Крым. Эк. л. Сергиенко с Белых, р-н Керчи
161	Мосолов Николай	Ил- 2	летчик	1918	03.11.1943	катастрофа. Эк. л. Мосолова с Чуприной — единств. в полку женщ.-стрелок. С-т в тумане врезался в воду. Р-н Широкой Балки Ездла на Мосолов
162	Чуприна Александра	Ил-2	стрелок	1920	03.11.1943	Эк. л. Мосолов с Чуприна — единств. в полку женщ.-стрелок. С-т в тумане врезался в воду. Р-н Широкой Балки Ездла на Мосолов
163	Иванцов Иван	Ил-2	летчик	1920	07.11.1943	ЗА. Крым Эк. л. Иванцова с Кравченко. Выс. 154.4, упал 12 км с-з. Керчи

164	Кравченко Павел	Ил-2	летчик	1923	07.11.1943	ЗА. Крым. Эк. л. Иванцова с Кравченко. Выс. 154.4, упал в 12 км с-з. Керчи
165	Муродян Сергей	Ил-2	стрелок	1921	14.11.1943	С-т подбит ИА, сел в р-не Котремез. Будучи ранен, дополз до линии фр. и дрался за окопами пр-ка
166	Каверин Александр	Ил-2	летчик	1923	дек. 43	УР
167	Чурочкин Андрей	Ил-2	летчик	1921	02.12.1943	ЗА. Крым. По живой силе и окопам в р-не выс. 110.8 сбит. ЗА упал в Керч. прол. 3 км вост. Тобечина
168	Моргачев Иван	Ил-2	летчик	1922	04.12.1943	НБЗ. Эк. л. Моргачева с Гумановым. С-т сбит. Вместе со стрелком Терещенко участвовал в боях на земле. Погиб. При штурмовке окраины Эльтигена сел вынужд. При выходе из окруж. был ранен и остался в южн. части Керчи
169	Панов Борис	Ил-2	летчик	1922	04.12.1943	Эк. л. Панова с Короткевичем. В р-не выс. 166.6 сбит. ЗА упал и сгорел в 1 км зап. выс 56.7. Крым
170	Короткевич Павел	Ил-2	стрелок	1922	04.12.1943	ЗА. Крым. Эк. л. Панова с Короткевичем. В р-не выс. 166.6 сбит. ЗА упал и сгорел в 1 км зап. выс. 56.7

171	Гуманов Игорь	Ил-2	стрелок	1923	04.12.1943	НБЗ. Эк. л. Моргачева с Гумановым. При штурмовке окраины Эльтигена сел вынужд. При выходе из окруж. был ранен и остался в южн. части Керчи
172	Скворцов Николай	Ил-2	летчик	1917	06.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Скворцова со Склизковым. Сбит 2 Ме-109, р-н Эльтиген, горящий с-т сел в 5 км вост. Эльтиген на воду
173	Склизков Сергей	Ил-2	стрелок	1913	06.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Скворцов со Склизковым. Сбит 2 Ме-109, р-н Эльтиген. Горящий с-т сел в 5 км вост. Эльтигена на воду
174	Титов Иван	Ил-2-1	летчик	1920	28.12.1943	подбит ЗА в р-не Катергега. Сел в 2 км на воду от мыса Тархан и утонул
175	Чумаков Игорь			1923	28.12.1943	НБЗ
176	Чапайкин Илья	Ил-2	летчик	1920	28.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Чапайкина с Куликовым, р-н Багерово
177	Куликов Алексей	Ил-2	стрелок	1923	28.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Чапайкина с Куликовым, р-н Багерово
178	Степанов Борис	Ил-2	летчик	1921	31.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Степанова с Леоновым. Сбит ИА при штурме аэр. Багерово. С-т упал. Погиб на машине Юкова, последн. вылет (вечером). Вернулся Кочан, Юков сказал: «Мудак! Дал мою машину, а он ее ср...(нечитаемо)!» Юкову не жалко человека, а свою машину

179	Леонов Александр	Ил-2	летчик	1925	31.12.1943	ИА. Крым. Эк. л. Степанова с Леоновым. Сбит ИА при штурме аэр. Багерovo. С-т упал. Погиб на машине Юкова, последн. вылет (вечером). Вернулся Кочан, Юков сказал: «Мудак! Дал мою машину, а он ее ср...(нечитаемо)!» Юкову не жалко человека, а свою машину
180	Ковалкин Александр	Ил-2	летчик	1919	04.01.1944	ИА. Крым. Эк. л. Ковалкина с Урминым. Сбит ИА при штурме Багеровского аэр. С-т врезался в землю и взорвался в р-не. Мама русская Эк. погиб
181	Урмин Федор	Ил-2	стрелок	1923	04.01.1944	ИА. Крым. Эк. л. Ковалкина с Урминым. Сбит ИА при штурме Багеровского аэр. С-т врезался в землю и взорвался в р-не. Мама русская. Эк. погиб
182	Алексеев Александр	Ил-2	летчик	1922	12.01.1944	ИА. Крым. Эк. л. Алексеева с Дегтяревым. Сбит ИА в р-не Грязевая Пучина. Эк. погиб
183	Дегтярев Владимир	Ил-2	стрелок	1917	12.01.1944	ИА. Крым. Эк. л. Алексеев с Дегтяревым. Сбит ИА в р-не Грязевая Пучина. Эк. погиб
184	Терещенко Евгений	Ил- 2	стрелок	1919	25.01.1944	Убит. ЗА при штурмовке сев. скатов горы Митридат. Крым

185	Пауков Сергей	Ил-2	летчик	1922	26.01.1944	При штурмовке тылов на зап. окр. Керчи подбит ЗА и зажжен. С-т сгорел. Летч. погиб. Крым
186	Федоров Михаил	Ил-2	стрелок	1921	26.01.1944	Погиб при ВП поврежденного с-та. Летчик Демидов выжил. Тяж. ранен при штурмовке пр-ка зап. Керчи. Крым
187	Жданов Александр	Ил- 2	летчик	1922	16.03.1944	катастрофа. Столкн. 2 с-тов
188	Кривошеин Александр	Ил- 2	стрелок	1917	16.03.1944	катастрофа. Столкн. 2 с-тов
189	Поплавский Александр	Ил-2	стрелок	1914	16.03.1944	ИА Крым. При подх. к цели в р-не Котергега
190	Макаров Павел	Ил-2		1924	15.04.1944	
191	Калашников Александр	Ил-2	стрелок	1922	07.05.1944	Убит прям. попад. За Крым
192	Макшанов Александр	Ил-2	стрелок	1922	08.05.1944	ВБИА. Эк. л. Панюхно с Макшанов. В р-не Безымянной высоты. С-т врез. в землю. Эк. погиб. Крым
193	Панюхно Алексей	Ил-2	летчик	1922	08.05.1944	сбит ИА. Эк. л. Панюхно с Макшанов. В р-не Безымянной высоты с-т врез. в землю. Эк. погиб. Крым
194	Медянцеv Александр	Ил-2	летчик	1912	08.05.1944	ИА. Крым. Над целью в р-не высоты Безымянной, врезался в землю. Эк. погиб

195	Гаранина Прасковья		техник	1921	26.05.1944	стрел. авиавооруж. В 2.00 поконч. жизнь самоуб. Крым
196	Белецкий	Ил-2	стрелок		июн.44	тяжелая травма при падении сбитого ЗА самолета на лес, летал с летчиком А. Руденко, район Могилева
197	Руденко Александр	Ил-2	летчик		июн.44	сбит, район Могилева
198	Ляшенко Георгий	Ил- 2	летчик	1924	24.06.1944	катастрофа. Эк. л. Ляшенко с Четвериковым. Подбит ЗА, совершив неудачный маневр, столкнулся с с-том. С эк.: Просяник, Морозов. Все погибли, район Могилева
199	Морозов Александр	Ил- 2	летчик	1915	24.06.1944	катастрофа. Эк. л. Просяника с Морозовым, столкн. с с-том л. Ляшенко, подбитым ЗА, район Могилева
200	Просяник Иван	Ил-2	летчик	1923	24.06.1944	катастрофа. Эк. л. Просяника с Морозовым, столкн. с с-том л. Ляшенко, подбитым ЗА, р-н Курени «Доброволец»
201	Четвериков Владимир	Ил- 2	летчик	1923	24.06.1944	Катастрофа. Эк. л. Ляшенко с Четвериковым. Подбит ЗА, совершив неудачный маневр, столкнулся с с-том. С эк.: Просяник, Морозов. Все погибли, район Могилева

202	Петриченко Виктор	Ил-2	стрелок	1924	26.06.1944	НБЗ. Эк. л. Пронина с Петриченко. При атаке 8 Ме-109 откололись от строя, где нах., неизв., район Могилева
203	Пронин Александр	Ил-2	летчик	1922	26.06.1944	НБЗ. Эк. л. Пронина с Петриченко. При атаке 8 Ме-109 откололись от строя, где нах., неизв., район Могилева
204	Цукров Евсей	Ил-2-1	летчик	1917	27.06.1944	сбит ЗА при штурмовке колонны Могилев-Ильинча. Упал в лес, летч. погиб
205	Щербина Павел	Ил-2	летчик	1924	24.07.1944	ЗА Польша. Эк. л. Щербины с Поповым. Сбит прям. поп. МЗА в 1 км сев. Адамовичей, упал в 500 м зап. Скрыники
206	Попов Дмитрий	Ил-2	стрелок	1924	24.07.1944	ЗА Польша. Эк. л. Щербины с Поповым. Сбит прям. поп. МЗА в 1 км сев. Адамовичей, упал в 500 м зап. Скрыники
207	Попков Николай	Ил-2	летчик	1921	26.07.1944	ЗА Польша. Эк. л. Попкова с Заиграевым. Сбит огнем из танков в 3 км южн. Белостока, упал в 2 км южн. Ольнокты
208	Заиграев Владимир	Ил-2	стрелок	1922	26.07.1944	ЗА Польша. Эк. л. Попкова с Заиграевым. Сбит огнем из танков в 3 км южн. Белостока, упал в 2 км южн. Ольнокты
209	Афанасьев Алексей	Ил-2	техник	1918	29.07.1944	ЗА Польша. 500 м ю.-з. Фастова

210	Иванов Леонид	Ил-2	летчик	1924	02.08.1944	ИА Польша. Эк. л. Иванова с Новиковым. При штурме ж/д полотна в р-не Августов. Врез. в зем. в 11 км южн. Августов. в р-не Сосновый
211	Новиков Михаил	Ил-2	стрелок	1925	02.08.1944	ИА Польша. Эк. л. Иванова с Новиковым. При штурме ж/д полотна в р-не Августов. Врез. в зем. в 11 км южн. Августов. в р-не Сосновый
212	Демаков Петр	Ил-2	летчик	1921	07.08.1944	Эк. л. Демакова с Ракаевым. Загорелся в рез. прям. попад. ЗА, Польша
213	Ракаев Нургали	Ил-2	стрелок	1919	07.08.1944	ЗА Польша. Эк. л. Демакова с Ракаевым. Верн. из плена. «Живой», — говорил Тучин. Загорелся в рез. прям. попад. ЗА, горящ. упал, выс. 500 м южн. Ново-Лулянка (Еньки)
214	Быстров Александр	Ил-2	летчик	1923	15.08.1944	ЗА Польша. Эк. л. Быстрова с Купаревым. Сбит ЗА над целью, упал, 500 м сев. Гаув
215	Купарев Михаил	Ил-2	стрелок	1924	15.08.1944	ЗА Польша. Эк. л. Быстров с Купарев. Сбит ЗА над целью упал 500 м сев. Гаув
216	Юрков Александр	Ил-2	летчик	1911	17.08.1944	Эк. л. Юрков с Забродин. Польша. Взорвался после отрыва 2 100 килограммовых бомб. Дружил с Карабутом, любил чистую машину, заставлял мыть с мылом. Сам был чистеньким, никогда не прощался. Никогда в парадной форме не летал. А перед вылетом пришел в новом обмундировании, сказал: «До свидания!»

217	Забродин Николай	Ил-2	стрелок	1917	17.08.1944	Эк. л. Юркова с Забродиным м. Футковск-Самбор. Взорвался после отрыва 2 бомб и горящий по частям упал в 500 м зап. Самбора. Бомбы-«сотки»
218	Ноготков Анатолий	Ил-2	летчик	1913	22.08.1944	ЗА Польша. В р-не ст. Замбров взорв. в возд., горящ. упал в 3—4 км зап. Замбров. Летч. и стрел. спуст. с параш. Л-к тяж. ран. и приз. мертвым
219	Селиванов Сергей	Ил- 2	стрелок	1925	27.08.1944	Катастрофа. Летч. при взлете не выдерж. направл., зацепился за крышу. Скапотир. Стрел. тяж. ранен и вечером того же дня умер
220	Карабут Иван	Ил-2	летчик	1914	03.09.1944	Эк. л. Карабута с Буровым. При вып. б/з в р-не Дворске при отходе от цели был подб. огн. ЗА в р-не Уснин. Сел вынужд. Место находк с-та и судьба эк. Не изв. Польша
221	Сидненко Николай	Ил-2	летчик	1919	03.09.1944	сбит ЗА. Эк. л. Седненко с Зайцевым. С-т свалился в штоп. и упал горящ. в р-не с-за «Опенхово» (за р. Нарев в степи) «Был у него выходной. Приходит на КП — я сегодня полечу, а то не дадут 100 гр. В тот день ему присвоили ГСС, но поздравить не удалось». Польша

222	Зайцев Николай	Ил-2	стрелок	1923	03.09.1944	ЗА Эк. л. Седненко с Зайцевым С-т свалился в штоп. и упал горящ. в р-не с-за Опенхово (за р. Нарев в степи)
223	Буров Илья	Ил-2	стрелок	1923	03.09.1944	Эк. л. Карабут с Буров. При вып. б/з в р-не зап. окраины Дворске (10 км вост. Остроленок) при отходе от цели был подб. огн. ЗА в р-не Усин. Сел вынужд. Место находд. с-та и судьба эк. не изв. Летчики из группы Седненко-ва, котор. летали через 10—15 мин. в тот же р-н., видели лежащий «ил»
224	Мисан Иван	Ил-2	летчик	1921	22.09.1944	НБЗ. Польша. Эк. л. Мисана с Гладких. После 1-го захода оторв. от группы, находд. с-та не изв. в р-не Закснево п. Цвиклы. Попадание в мотор
225	Гладких Александр	Ил-2	стрелок	1925	22.09.1944	Польша, попал в плен. Эк. л. Мисан с Гладких. Освобожд. в 45 г. После 1-го захода оторв. от группы, находд. с-та не изв. в р-не Закснево п. Цвиклы. Попадание в мотор
226	Пышный Петр	Ил-2	стрелок	1923	01.10.1944	НБЗ. При штурме 3—4 км ю.-в. Рошок вошел в отвесн. пикир. и упал в лес в 6 км сев. Подбоше. Л-к жив. Польша

227	Горячев Виктор	Ил-2	летчик	1918	24.10.1944	Эк. л. Горячева с Малышевым. После 2-го захода на цель в р-не Черноствув был атакован 2 Ме-109, с-т взмыл, а затем врез. в землю в 6 км от Макув. Малышев спасся с парашютом
228	Малышев Фирс	Ил-2	стрелок	1922	24.10.1944	Эк. л. Горячева с Малышевым. После 2-го захода на цель в р-не Черноствув был атакован 2 Ме-109, с-т взмыл, а затем врез. в землю в 6 км от Макув. У земли один человек приземлился с раскр. парашютом. Попал в плен. Возвратился в часть 13.03.45
229	Степаненко Николай	Ил-2	летчик	1921	24.10.1944	НБЗ. Эк. л. Степаненко с Лев. При вып. б/з в р-не Черноствув/Швилище при уходе от цели экипажи наблюд. падение горящ. с-та в лесу 10 км южн. Макув. Предполож. с-т Степаненко
230	Лев Георгий	Ил-2	стрелок	1921	24.10.1944	НБЗ. Эк. л. Степаненко с Лев. При вып. б/з в р-не Черноствув/Швилище при уходе от цели экипажи наблюд. падение горящ. с-та в лесу 10 км южн. Макув. Предполож. с-т Степаненко
231	Семенов Сергей	Ил-2	летчик	1922	27.10.1944	умер в госп. от ожогов всего тела, получ. 24.10. При взлете с аэр. из бомболюка выпала и взорв. бомба. Летчик горящим выскоч. из с-та. С-т сгорел

232	Кривень Петр	Ил-2	летчик	1922	20.01.1945	Эк. л. Кривень со Степановским. В р-не Вилленберга (В. Пруссия) над целью подбит ЗА. При уходе от цели с-т перевернулся и врез. в зем.
233	Степановский Николай	Ил-2	стрелок	1922	20.01.1945	Эк. л. Кривень со Степановским. В р-не Вилленберга (В. Пруссия) над целью подбит ЗА. При уходе от цели с-т перевернулся и врез. в зем. в р-не сев. Гресс-Пивнитц, что в 4 км южн. Вилленберга
234	Цаплин Петр	Ил-2	летчик	1923	31.01.1945	в р-не Дотхейнберга при вып. б/з отстал над целью от группы. Был сбит. Вернулся из плена. Вост. Пруссия
235	Гончаренко Иван	Ил- 2	стрелок	1920	15.02.1945	13.02.45 при вып. б/з в р-не Шлахау, Польша, после 2-го захода атакован 2 Ме-109 и подбит. В/стр. выброс. с параш. При спуске был обстр. 4 ФВ-190, был ранен
236	Смирнов Сергей Иванович	Ил-2	Летчик		13.02.1943	ЗА. Попал в плен. Бежал в 44-м с летчиком Смирновым. СИ из 7 ШАП

СОДЕРЖАНИЕ

Перед войной.	5
Купец	20
Полк	82
С того света	96
Вылет с майором Зубом	106
Заветный камень	116
«Ни шагу назад!»	134
Безрассудный ведомый	151
Переправа	166
Кавказ.	179
У самого синего моря	186
Прыжок через Каспий	199
Собираемся с силами	214
«Точка номер три».	230
Над ногойскими степями	247
Решающие бои	257
Особое задание.	269
НШ.	290
Под крылом земля и море	295

«Нечисть»	306
Путь к Тамани	324
Инспекторская работа	335
Академия	342
Эпилог	351

Василий Емельяненко

ИЛ-2 АТАКУЕТ. ОГНЕННОЕ НЕБО 42-го

Редактор *С. Анисимов*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к. 4.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 12.10.2006.

Формат 84 x 108^{1/32}. Гарнитура «Прагматика».

Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 20, 16.

Тираж 4000 экз. Заказ № 0623330.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Василий Емельяненко. Май 1942 года, Донбасс,
аэродром «Хутор Смелый»

Младший лейтенант Михаил Талыков

Капитан Илья Мосьпанов.
Донбасс, лето 1942 года

Гвардии майор
Николай Галущенко

Василий Емельяненко рассказывает начальнику штаба
майору Федору Кожуховскому о том, как его сбили над
Артемовским аэродромом

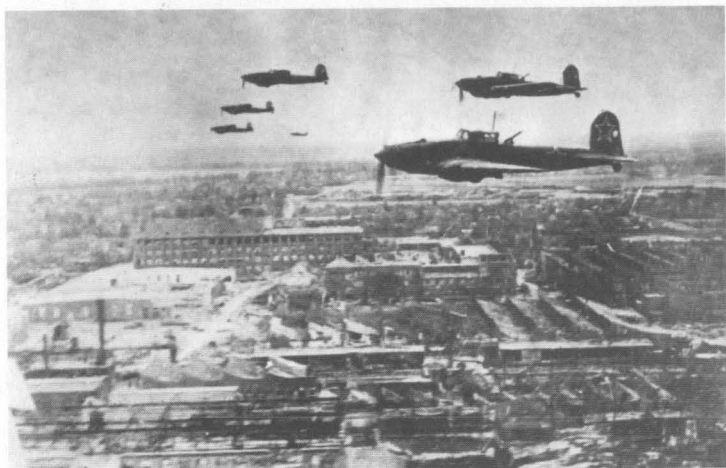
Гвардии майор Николай Зуб

Константин Аверьянов
и Болтик

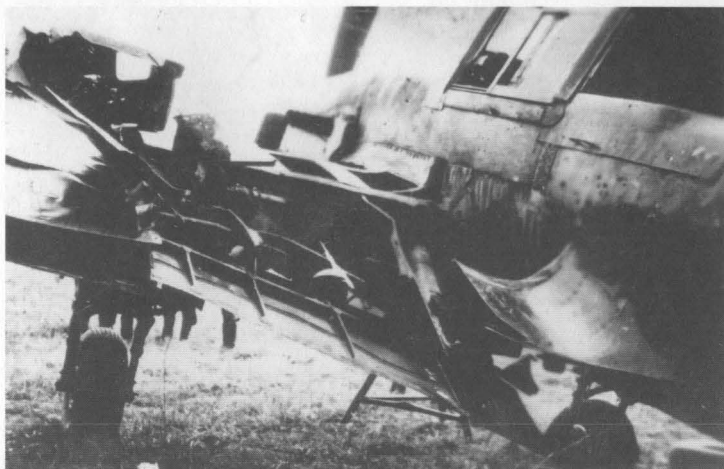
Оружейник Алпатов заряжает 23-мм пушки штурмовика.
1942 год

Ил-2 в полете. 1944 год

Ил-2

Имея такие повреждения, штурмовик все же вернулся
с боевого задания

Останки сбитого 9.01.1943 г. гв. старшим лейтенантом
Василием Емельяненко над станицей Кагарлицкая
Юнкерса 86К

Эскадрилья получает боевое задание. Город Грозный, точка №3, январь 1943 г. Слева стоит в унтах Иван Чернец

Показной полет перед командующим Особой Приморской армией генералом армии Петровым. Стрельба по танкам и автомашинам после бомбометания 18 декабря 1943 г.

Капитан Емельяненко (за *роялем*) и его однополчане
на отдыхе. Август 1943 года

Николай Галущенко, Константин Холобаев
и Василий Емельяненко. Станица Тимошевская
(фотография сделана в 1943 году)

Константин Холобаев и Василий Емельяненко.
Станица Тимошевская
(фотография сделана в 1943 году)

После возвращения с боевого задания. Слева Василий
Емельяненко, третий – Иван Остапенко.
Август 1943 г., станица Тимошевская

Генерал Николай Науменко, гв. лейтенант Василий Емельяненко и командир полка Константин Холобаев (сидит спиной). Завтрак после налета на аэродром Сталино 4 июня 1942 года

Василий Емельяненко и Михаил Талыков (фотография сделана в 1943 году)

Василий Емельяненко
на крыле своего самолета.
Август 1943 г.

Инструктор аэроклуба
Василий Емельяненко
(слева). 1935 год

Слева направо: Николай Седненков, Василий Емельяненко.
Август 1943 г., станция Тимошевская

Николай Остапенко (слева) и Василий Емельяненко у самолета Ил-2

Командир дивизии ГСС полковник Гетьман (в центре в папаче) и офицеры на двухдневных сборах командиров полков и дивизий по проверке техники пилотирования. 1944 год

Василий Емельяненко. 1945 год

Одноместные Ил-2. Вылет на задание

Обучение летчиков, прибывших в полк на пополнение

Капитан Емельяненко в кабине Ил-2, стоящего в капонире.
Август 1943 г.

Ансамбль третьей эскадрильи 7 Гв ШАП.
Емельяненко (балалайка) и Иван Чернец (гитара, вокал)

Атака железнодорожного эшелона. Вид из штурмовика

Техническое обслуживание штурмовиков на аэродроме

Атака скопления вражеской техники

Штурмовики атакуют цели на дороге

Автор этой книги, Герой Советского Союза Василий Емельяненко, совершил 92 боевых вылета на штурмовку врага в 1942–1943 годах, в один из самых тяжелых для страны периодов, когда немцы рвались к Волге и кавказской нефти, и никто уже не считался с потерями. Среди летчиков, тем более летчиков-штурмовиков, остановивших тогда врага, в живых остались единицы.

«Мы же каждый день ждали гибели... Успокаиваешься только тогда, когда вечером спать ложишься. После 300 грамм водки расслабишься, поешь – и спать. Спишь: «Я – живой! Я буду до утра жить ГАРАНТИРОВАННО!» А утром, чуть свет, когда боевой расчет – подъем, чашку чая глотнул, в землянку, и там уже ставят задачу. Начинается мандраж. Ну, как предстартовое волнение у спортсменов. Предстартовое волнение – это страшно... но нас со спортсменами не сравнить: там же убийства не будет наверняка, может, только на четвереньках ползать будет побитый. А я думаю: вчера пронесло, а сегодня? И пытаюсь отогнать эту мысль! Я научился ее отгонять, и потому все нормально было. Я остался жив...»

ВСТ "Новый Книжный"
Ил-2 атакует Огненное небо 42-го (Вз
тСок)

код
2110959
НОМ
282606

ЦЕНА 144.00

тбк 742